

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ДЖОРДЖ

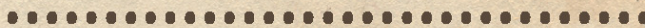
БЕЛЛАЙРС

И ВОССТАНУТ МЕРТВЫЕ

СМЕРТЬ ЗНАХАРЯ

ЛЮБОПЫТСТВО УБИВАЕТ

Золотой век английского детектива

Джордж Беллаирс

**И восстанут мертвые. Смерть
знахаря. Любопытство убивает**

«Издательство АСТ»

1942, 1943

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Беллаирс Д.

И восстанут мертвые. Смерть знахаря. Любопытство убивает /
Д. Беллаирс — «Издательство АСТ», 1942, 1943 — (Золотой век
английского детектива)

ISBN 978-5-17-105289-8

Три интереснейших дела инспектора Томаса Литтлджона! «И восстанут мертвые» 1942 год. Во время рытья бомбоубежища была сделана страшная находка: человеческий скелет. Инспектор Литтлджон выясняет: эти останки принадлежат местному парню. Его считали пустившимся в бега после убийства молодой фабричной работницы, всколыхнувшего деревню двадцать лет назад. Неужели кто-то совершил самосуд над преступником? Или, напротив, произошло двойное убийство, в котором поспешили обвинить вторую жертву? Как разобраться, если все улики давно утрачены, а большинство свидетелей мертвы?.. «Смерть знахаря» Слава Натаниеля Уолла из деревни Столден, умевшего травами и массажем поднимать на ноги самых тяжелых больных, гремела по всему Норфолку. И потому, когда его нашли жестоко убитым в собственном доме, местная полиция не замедлила обратиться за помощью к Скотленд-Ярду. Но кто же посмел поднять руку на всеми любимого и уважаемого человека, не делавшего ничего, кроме добра? В поисках убийцы инспектору Литтлджону предстоит вытащить из шкафов деревенских обитателей немало скелетов... «Любопытство убивает» Сказать, что мисс Этель Тидер не слишком любили в деревушке Хилари-Магны, — это весьма преуменьшить то, как ненавидели односельчане эту въедливую особу, обожавшую совать нос в чужие дела и вынюхивать секреты. Так что теперь, когда тело мисс Тидер обнаружили в выгребной яме, у инспектора Литтлджона, ведущего расследование, нет недостатка в подозреваемых. Скорее наоборот, ему будет непросто отыскать среди многочисленных недругов жертвы убийцу...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-105289-8

© Беллаирс Д., 1942, 1943

© Издательство АСТ, 1942, 1943

Содержание

Предисловие	7
И восстанут мертвые	9
Глава 1. Поющий полицейский	9
Глава 2. «...И восстанут мертвые»	16
Глава 3. Майлстоун-Мур	21
Глава 4. Совецание в курятнике	24
Глава 5. Октябрь 1917 года	30
Глава 6. Расследование суперинтенданта Пикерсгилла	35
Глава 7. Высохшие кости	39
Глава 8. Старая любовь	45
Глава 9. Человек из стали	49
Глава 10. Трехпалого предали	56
Глава 11. «Лошадь и жокей»	63
Глава 12. Железная женщина	67
Глава 13. «Погребок Питера»	71
Глава 14. Фляжка с ромом	74
Глава 15. Черный ход	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Джордж Беллаирс
И восстанут мертвые. Смерть
знахаря. Любопытство убивает
Сборник

George Bellairs
The Dead Shall Be Raised
Murder of a Quack
Death of a Busybody

© George Bellairs, 1942, 1943
© Перевод. В. И. Агаянц, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Предисловие

Повесть «И восстанут мертвые», которую иногда называют «Убийство не скроешь», впервые вышла в печать в 1942 году. Это история об «остывшем» деле, холодном во всех отношениях. На дворе 1940 год, морозная зима, Рождество. В Хаттеруорте, небольшом городке в Пеннинских горах, поют псалмы, когда туда приезжает инспектор Скотленд-Ярда Томас Литтлджон. Он взял короткий отпуск, чтобы встретить праздник со своей выздоравливающей женой. Но довольно скоро рождественское веселье прерывает тревожная новость: на болотах неподалеку нашли зарытые в земле человеческие останки. Их сразу удастся опознать, это Инок Сайкс, пропавший без вести в 1917 году. Литтлджон охотно включается в полицейское расследование, ему предстоит встряхнуть не один скелет в шкафах Хаттеруорта и заставить греметь старые кости.

История развивается живо, ей служит отличной приправой свойственный Джорджу Беллаирсу мягкий юмор. Автор уверенно и точно рисует нам тихий городок и холодные мрачные болота. Вероятно, Хаттеруорт – вымышленное подобие Саддлуорта, вблизи которого вырос сам писатель. По трагической и страшной прихоти судьбы через двадцать лет после того, как была написана эта повесть, пустошь Саддлуорт-Мур стала местом ужасных поисков в реальной жизни: стало известно, что знаменитые «болотные убийцы», Йен Брэйди и Майра Хиндли, закапывали там тела своих жертв.

Вторая история в этой книге – «Смерть знахаря», была опубликована годом позже. И снова Беллаирс с первых страниц бросает читателя в самую гущу событий: констебль Меллалю уже в первой главе находит труп Натаниеля Уолла. Жертву, мужчину старше семидесяти лет, убили странным способом. Кто-то пытался его задушить, однако смерть наступила позднее, когда Уолла повесили на конструкции из веревок и блоков, которую тот использовал в своей работе. Покойный был костоправом и опытным гомеопатом; его успешная практика в деревне Столден вызвала злобу и зависть у местного дипломированного врача по имени Китинг. Тот объявил Уолла шарлатаном, хотя значительно уступал ему в популярности среди пациентов.

Местная полиция немедленно обращается в Скотленд-Ярд, и Литтлджон берется за расследование. Дом покойного переходит по наследству к его племяннику, дипломированному врачу, который предьявляет железное алиби. Убийство кажется необъяснимым, зачем кому-то понадобилось убивать Уолла? Но Литтлджона заинтересовало собрание газетных вырезок, найденных среди бумаг покойного. В них шла речь о преступлениях прошлого. Возможно, здесь кроется мотив убийства?

«Любопытство убивает» – роман Беллаирса, опубликованный в 1942 году. Та вездесущая особа, на которую указывает заглавие книги «Любопытство убивает», – мисс Этель Тидер. Она только и делала, что выведывала людские секреты и вмешивалась в чужие жизни, чем восставила против себя всех жителей Хилари-Магны, маленькой, типично английской деревни. Едва познакомившись с ней, искушенный читатель детективных историй тотчас сообразит, что перед ним жертва убийства. И верно, уже к концу первой главы эту малоприятную даму ждет отвратительная смерть. Мисс Тидер найдут на дне выгребной ямы, куда ее сбросили, оглушив ударом дубинки по голове; ей предстоит захлебнуться сточной водой.

Дело это грязное во всех отношениях; местная полиция понимает, что расследование им не по плечу, и спешно обращается в Скотленд-Ярд. Инспектор Литтлджон, главный герой цикла детективных романов Джорджа Беллаирса, прибывает в деревню ближайшим поездом и довольно скоро убеждается, что в подозреваемых недостатка нет. Дружелюбный приходский священник вручает ему карту местности, где произошло преступление; многие годы карты

были весьма популярным атрибутом традиционного детективного романа, Беллаирс иногда включал их в свои книги, как и в этом случае.

Книги Джорджа Беллаирса были изданы в Соединенных Штатах, переведены на французский и другие языки, но писательство он всегда рассматривал прежде всего как хобби. Беллаирс, чьи публичные выступления стали весьма популярными, как-то сказал, что никто не хочет слушать, как он рассуждает о банковском деле, стоит публике узнать о его детективных романах. Из-за писательской плодовитости автора качество его работ не всегда одинаково, но лучшие его книги доставят читателю немало удовольствия.

Мартин Эдвардс

И восстанут мертвые

Глэд, с любовью

Глава 1. Поющий полицейский

*Покончив с дневными трудами,
Садился он у очага
И за кружкой домашнего пива
Пел старые песни, что знал¹.*

В канун Рождества 1940 года инспектор Скотленд-Ярда Литтлджон вышел из хорошо освещенного ночного поезда «Лондон – Манчестер» в кромешную черноту затемненного вокзала в Стокпорте. Пассажиры и билетные контролеры старались украдкой прошмыгнуть из вагонов на перрон и обратно, чтобы не выпустить наружу ни единого лучика света, надежно закупоренного в железнодорожном составе. Неясные фигуры на вокзале брели ощупью в потемках словно тени из преисподней. Горы ящиков и почтовых мешков, бесчисленные грузовые тележки, скамейки, корзины, лампы, баки, щетки и всякая всячина, которая обычно загромождает подобные места, стремились, казалось, будто живые существа, превратить продвижение по платформе в нескончаемую безумную скачку с препятствиями. Детектив с трудом выбрался из-за груды посылок, которым суждено было прибыть по назначению значительно позднее Рождества, опустил на землю чемодан и принялся ждать появления какого-нибудь железнодорожного служащего, чтобы спросить у него, куда идти. Наконец в тоненькой полоске света, падавшей из дверей багажного вагона, возник силуэт мужчины в фуражке.

– Эй, носильщик, где здесь поезд на Уотерфорд? – окликнул его Литтлджон.

– Я из «Армии спасения», но, думаю, смогу вам помочь, – раздался из темноты вежливый ответ. В следующее мгновение инспектора крепко взяли под локоть и повели к черневшему во мраке составу, стоявшему с погашенными огнями на соседнем пути. – Вот ваш поезд. Я только что приехал на нем. Он отправляется через полчаса, – сказал инспектору провожатый, попрощался и растворился в ночи.

Литтлджон кое-как забрался в вагон, нащупал в потемках сетку для багажа, легонько подергал ее, проверяя на прочность, и закинул чемодан наверх. Затем плюхнулся на жесткое сиденье, раскурил погасшую трубку и принялся терпеливо ждать, что будет дальше.

Одна только жена могла уговорить Литтлджона совершить подобное путешествие в канун Рождества. Однажды поздним ноябрьским вечером он пришел домой и обнаружил, что все окна их квартиры в Хэмпстеде выбиты взрывом, а крышу дома снесло начисто. Самое ужасное, что его жена Летти оказалась среди пострадавших, ее доставили в местную больницу. К счастью, при немецком «налете устрашения» она получила лишь неглубокие раны и легкую контузию, но детектив, заваленный по горло служебными делами, не мог чувствовать себя спокойно, пока не отправит ее в безопасное место. Ему стоило немалых трудов убедить жену погостить у старой школьной подруги, чей дом стоял высоко в Пеннинских горах, отделяющих Ланкашир от Йоркшира. Там Летти ожидали не только тихие ночи без бомбардировок, но и чистый воздух вересковых пустошей, целительный эликсир для расстроенных нервов. Вот почему Литтл-

¹ Ригли Амон (1861–1946) – английский поэт, писатель и историк-краевед. – *Здесь и далее примеч. пер.*

дзон отправился под Рождество в Хаттеруорт, то ли деревню, то ли городок, где поселилась его жена. Десятидневный отпуск, что так долго откладывался, наконец наступил, и инспектор радовался, словно мальчишка на каникулах, пока не очутился в гнетущей чернильной темноте Стокпорта.

Локомотив дернулся, вагон тряхнуло, и это вывело Литтлджона из задумчивости. Луч света из проезжавшего мимо товарного состава на мгновение осветил купе, и инспектор понял, что не один. Напротив в углу съежилась еще одна темная фигура. Пассажир, наверное, спал. Литтлджон не имел привычки навязывать людям свое общество или заговаривать с незнакомцами, но одиночество и ощущение потерянности заставили его обратиться к попутчику:

– Этот поезд идет до Уотерфолда?

Ответа не последовало.

Спит, подумал Литтлджон, и тотчас интуиция подсказала ему, что это не так. Сам не зная почему, он чувствовал, что в темноте глаза незнакомца открыты.

– Ну и черт с тобой, старый грубиян, – проворчал себе под нос детектив.

В странной атмосфере погруженного во тьму купе его собственный голос звучал глухо и зловеще. Литтлджон ощущал себя отрезанным от остального мира. Вокруг него в городе множество людей радовалось наступлению Рождества, насколько это было возможно при подобных обстоятельствах. Семьи собирались тесным кругом в своих освещенных комнатах, отгороженные друг от друга беспросветной чернотой ночи. По какой-то причудливой ассоциации Литтлджон вдруг вспомнил, как он еще мальчишкой читал стихи на рождественском вечере. Отдельные строки показались ему вполне подходящими к случаю. Хотя с того дня прошло немало лет, он радостно просиял.

О одиночество! Где то очарованье,
Что покоряло стольких мудрецов, тебя познавших?
Лучше дни влачить в страданьях и тревогах,
Чем царить в ужасном этом месте².

Горькая ирония этих слов подстегнула фантазию Литтлджона. Он тихонько рассмеялся и внезапно почувствовал облегчение. А как там дальше?

Здесь, вдали от людей, одному
Суждено мне окончить свой путь;
Сладкой музыки речи людской мне вовеки не слышать.
Молчу. Меня собственный голос страшит.

– Вы что-то сказали? – раздался из угла слабый старческий голос.

Литтлджон вздрогнул: неужели так увлекся, что начал декламировать вслух?

– Если вы что-то говорили, вам придется повторить погромче. Я немного глуховат, – прошамкал попутчик, нещадно искажая слова и глотая целые слоги.

– Я лишь спросил, идет ли этот поезд до Уотерфолда.

– Что? Говорите громче.

Литтлджон повторил свой вопрос, перейдя на фортиссимо.

– Ну да, он идет напрямик до Уотерфолда. Я еду дальше, так что подскажу вам, где сойти. Да-да, я скажу, где вам сойти.

Старик повторял дважды каждую фразу, будто гордился своей дикцией и получал удовольствие от того, что цитировал себя снова и снова.

² Купер Уильям (1731–1800). Одиночество Александра Селькирка.

Поезд рывком дернулся вперед. Вагоны качало, трясло и подбрасывало. Состав замедлял ход у семафоров и останавливался на каждой станции, которым, казалось, не было конца. Судя по тому, как натужно пыхтел и скрежетал локомотив, рельсы тянулись на подъем.

– А что, эти поезда не освещают? – громко поинтересовался Литтлджон.

– Вам необязательно кричать, мистер. Теперь, когда поезд тронулся, я вас отлично слышу. Странно, правда? Когда поднимается шум, я слышу, что мне говорят.

Литтлджон согласился, что это действительно странно.

– Эти поезда не освещают, поскольку забыли, что в Уотерфолде и подобных местах существует железная дорога. Судя по освещению в пригородных электричках под Олдемом, местное начальство больше заботится о своей безопасности, чем о таких вещах. В вагонах тьма кромешная. Туда и войти-то невозможно, не то что читать или разглядеть лицо соседа. Откуда вы, мистер?

– Из Лондона.

– А-а. Крепко вам досталось: одна бомбежка за другой, верно? Хотя нам тут тоже пришлось несладко. Налет был ночью дней десять назад. Два фугаса! Они упали на пустошь в миле или двух от города, однако потрянуло нас основательно, скажу я вам. – Последнюю фразу старик повторил несколько раз с нескрываемым удовольствием.

Вскоре попутчик замкнулся – то ли уснул, то ли задумался о последних событиях, – и инспектор оказался предоставлен самому себе.

«В Стокпорте ты переседаешь на поезд до Уотерфолда, – писала миссис Литтлджон. – А из Уотерфолда до Хаттеруорта доберешься автобусом. Они ходят редко, раз в час, и, надеюсь, твой поезд прибудет вовремя, потому что в запасе у тебя будет только десять минут. Автобус проезжает семь миль, дорога ведет прямо в горы».

Поезд остановился и снова тронулся с уже привычными равномерными рывками и скачками. Одна станция сменяла другую. Иногда с перрона доносились чьи-то шаги, а порой, словно в насмешку, царил мертвая тишина, будто все железнодорожники разошлись по домам, а забытый поезд, брошенный на произвол судьбы, продолжал сам собой катиться по рельсам. Временами мимо окна проплывала мрачной тенью сигнальная будка, светились в темноте зеленые или красные семафорные огни. По обе стороны от полотна не было видно ни малейших признаков человеческого жилья. Состав, судя по звукам, двигался через бесконечную череду туннелей: протяжные гудки напоминали мощные зевки невидимого великана; когда же путь лежал вдоль узких проходов между горами, снова слышались грохот локомотива и ритмичное клацанье колес по рельсам. На одной из станций Литтлджон опустил окно и выглянул наружу. Горластый носильщик бессвязно выкрикивал название этого загадочного места, ни к кому не обращаясь. «И-и-глуп, И-и-глуп, – голосил он, потом гаркнул: – Посторонись!» – после чего поезд тронулся.

Ночь была ясной и звездной, а воздух холодным и бодрящим, словно вино.

– Я попросил бы вас закрыть окно, если не возражаете, мистер, – раздался голос в углу: порыв колкого морозного ветра вернул старика к жизни. – У меня слабые легкие, а здесь и без того зябко, ни к чему напускать еще больше холода.

Ни единого человеческого лица, вздохнул Литтлджон. Кто знает, где мы теперь? Лишь голоса да мешанина звуков. Подавленный, несчастный инспектор начал подозревать, что злополучное путешествие никогда не закончится.

– Следующая остановка – Уотерфолд, мистер.

Боже, какое облегчение! Поезд замедлил ход, затормозил рывком и, тяжело переваливаясь, подполз к станции. Литтлджон попрощался со своим попутчиком, пожелал ему счастливого Рождества и услышал в ответ троекратно повторенную фразу.

Станция Уотерфорд казалась совершенно пустой и заброшенной. Ледяной ветер метался по перрону, обжигая щеки и уши, но в нем чувствовалось свежее дыхание вересковых пустошей. Мимо, тяжело волоча ноги, прошаркал носильщик.

– Эй, носильщик, где останавливается автобус до Хаттеруорта? – спросил его инспектор.

– Он ушел примерно четверть часа назад, – ответил тот.

Литтлджон мысленно выругался: «Вот невезение! Чтоб я еще раз поддался на уговоры!» Если и дальше так пойдет, пожалуй, встретиться с женой удастся только под Новый год!

Откуда-то слева из темноты донесся веселый голос с заметным йоркширским выговором:

– Это вы, инспектор Литтлджон?

– Да, – отозвался детектив, удивленный, что в этом Богом забытом месте кто-то может знать его.

– Я Хаурт, суперинтендант Хаурт из Хаттеруорта.

Литтлджон тяжело вздохнул. После всех мытарств этого бесконечного путешествия не успел он увидеться с женой, как его отзывают из отпуска! Он живо вообразил, как в местную полицию позвонили из Скотленд-Ярда и потребовали, чтобы он незамедлительно вернулся к службе.

– Миссис Литтлджон и моя жена – подруги, я пообещал заехать на станцию, встретить поезд. Мы быстрее доберемся на моей машине, чем на автобусе. Рад знакомству с вами, Литтлджон. С наступающим вас Рождеством!

Во тьме две руки встретились в дружеском рукопожатии, и Литтлджон обрадовался, что все-таки приехал сюда.

Маленький автомобильчик мчался через поросшую вереском пустошь по извилистой дороге, которая то взбиралась в гору, то легко сбегала вниз. В преддверии Рождества движение оживилось, на пути часто встречались машины. В тусклом свете фар мелькали придорожные столбы из белого камня, указывавшие путь. В воздухе витал запах торфа, ветер шелестел вереском. Литтлджон не мог разглядеть во мраке местность, которую они проезжали, но чувствовал, что его окружают открытые просторы. Спутник его сосредоточился на дороге и в основном молчал. Инспектор даже не знал, как выглядит новый приятель. Он мог лишь сказать, что тот среднего роста, среднего сложения и говорит с резким йоркширским акцентом.

– Мы проезжаем Майлстоун-Мур и скоро будем в Хаттеруорте, – подал голос Хаурт. – Извините, что я не слишком разговорчив, но езда в темноте – сущее проклятие.

– Не беспокойтесь, Хаурт. Я вполне доволен. После долгого путешествия в одиночку приятно сидеть рядом с товарищем, даже если тот немногословен! Я был возле Стаффорда, когда стемнело, и с тех пор все играю в жмурки. Меняю поезда, пересаживаюсь в автомобиль и ничего вокруг не вижу. Понятия не имею, где мы и каков окружающий пейзаж. Вероятно, завтра утром меня ждет сюрприз.

– Да. Вы поймете, что здесь совсем не плохо. Наш городок расположен среди торфяников. На сотни, вернее – на тысячи, акров вокруг простираются болота. Население нашего района и самого города примерно тридцать тысяч. Это в основном фермеры, рабочие текстильных фабрик и металлурги, а также торговцы, владельцы магазинов, полицейские и все остальные, кто помогает наладить жизнь в городе. Вот мы и приехали... Добро пожаловать в Хаттеруорт! Миссис Литтлджон проводит вечер у нас, это всего в паре сотен ярдов от того места, где она остановилась. Скоро мы будем дома, там нас ждут тепло и свет, вдобавок будет чем утолить голод и жажду...

– Да, в такую ночь не грех разжечь камин, да и перекусить тоже не помешало бы – после Кру, примерно с пяти часов, у меня и крошки во рту не было.

Машина остановилась, и двое мужчин, подсвечивая путь фонариками, побрели ощупью к жилищу Хаурта, аккуратному домику на краю города. Ночь выдалась ясной и морозной,

звезды сверкали словно бриллианты. Несмотря на затемнение, на улицах царило праздничное оживление. Слышались веселая болтовня, радостные восклицания, приветственные крики. Стайки мальчишек бродили от порога к порогу и распевали у дверей домов рождественские гимны: то здесь, то там раздавались их голоса, затем пение смолкло, и начиналось бурное обсуждение добытых подношений.

В ярко освещенном холле детективы с любопытством оглядели один другого. Темнота разделяла их барьером, и теперь, когда каждый из них смог наконец увидеть лицо своего спутника, они снова поздоровались, обменялись рукопожатиями и поздравили друг друга с Рождеством. Впрочем, без всякой надобности, скорее от смущения.

Хаурт оказался крепким, розовощеким, гладко выбритым мужчиной с лысой головой и пронзительными синими глазами. Твердый квадратный подбородок выдавал решительность, но лукавая, озорная улыбка и насмешливые искорки в глазах смягчали выражение этого, пожалуй, сурового лица. Литтлджону пришло в голову, что, когда суперинтендант не расположен к веселью, с ним нелегко иметь дело, особенно если его противник находится по другую сторону закона.

Они направились в уютную комнату. Миссис Хаурт вышла с улыбкой приветствовать их, следом спешила миссис Литтлджон. Теплый прием, радость встречи и веселый дух Рождества, который так и витал в воздухе, заставили Литтлджона забыть о долгой поездке.

Когда улеглась радостная суматоха, обычная в подобных случаях, все сели в тепле за праздничный стол. После ужина маленькая компания расположилась у камина за дружеской беседой. Воздух наполнился сигарным дымом, а Литтлджон воздал должное хозяйскому виски. Они говорили о множестве вещей, включая бомбардировки Лондона, которые пришлось пережить Литтлджонам, но вскоре их прервал громкий топот в саду. Литтлджон даже не успел сообразить, что явились нежданные гости, как за дверью послышалось пение. Хор методистской церкви Хаттеруорта не ударил в грязь лицом: гремел в полную силу под окнами Хауртов, почтенных прихожан местной общины. Гимны «В тиши ночной», «Христиане, пробудитесь» и «Однажды в городе царя Давида» стремительно прозвучали друг за другом без остановок, после чего входная дверь широко распахнулась и шумная толпа певцов ввалилась в дом, где, несмотря на ограничения военного времени, их ожидало щедрое угощение: сладкие корзиночки, пряники, кексы и имбирное вино. Виновники переполоха и жертвы вторжения выкрикивали веселые приветствия и поздравления, потихоньку перекидывались шутками (больше всех хихикали краснощекие незамужние девушки-хористки), затем преподобный Реджинальд Готобед, полномочный посол трупы и распорядитель церемонии, призвал всех к тишине:

– А теперь, суперинтендант, услуга за услугу! Отплатите нам песней за песню. – Пастор добродушно засмеялся, показав зубы.

Судя по количеству поглощенной снеди, гостей и без того вознаградили сторицей, подумал Литтлджон, однако ему стало любопытно, к чему клонит священник. Инспектора ждал сюрприз. Хаурт попытался увильнуть и протестующе замахал руками, однако хористы проявили твердость. Из их толпы вышел высокий мужчина, сел за пианино в углу и, растерев посиневшие от холода пальцы, замер в ожидании.

– «Меньше стадо – меньше забот»! – потребовал хор.

Суперинтендант Хаурт из полиции Хаттеруорта поднялся с кресла у камина и запел. У него был сильный, хорошо поставленный баритон, и Литтлджон невольно заслушался. От звуков этого голоса потеплело на душе. Песня, из североанглийских, на стихи Эдвина Во, исполнялась, похоже, ежегодно и уже вошла в традицию. Каждый куплет сопровождался припевом, который слаженно выводил хор.

Лэдди, славный мой пес, работе конец,
И солнце склонилось к закату.

Запоздалые птицы, одна за другой,
Спешат упорхнуть в гнездо.
Тихий вечер прозрачными пальцами
Занавес дня задернул – нужен покой
Сонным холмам и долинам.
Дремлют они, укрытые сумерек мглой.

Хор дружно подхватил рефрен:

Меньше стадо – меньше забот,
Добрый мой пес, отдыхай и ты!

Заразившись общим весельем, Литтлджон с женой тоже присоединились к хору.

– Ну, – сказал инспектор своему коллеге, когда хористы отправились в другой дом распевать гимны, поздравлять хозяев с Рождеством и пробовать угощение, – я слышал о полицейских, которые были первоклассными боксерами, футболистами, непревзойденными мастерами по прыжкам в длину или в высоту и даже чемпионами по метанию дротиков, но вы первый настоящий поющий полицейский, кого я встретил на своем веку.

– В полиции их полным-полно, Литтлджон. Это просто случайность, что вы услышали меня сегодня. Раньше я много пел, но теперь слишком занят, чтобы заниматься этим всерьез.

– Если Филипп Гриздейл завтра не появится, тебе снова прибавится работы, милый, – вмешалась его жена, и Литтлджон озадаченно посмотрел на нее.

Ему показалось, он уловил в ее голосе надежду, что неведомый Филипп Гриздейл, кем бы тот ни был, все же не придет.

– Не волнуйся, он будет здесь, – заверил Хаурт, затем повернулся к Литтлджону и объяснил: – Вы наверняка слышали о Филиппе Гриздейле, известном лондонском певце. Так вот, этот парень из местных, достиг самой вершины успеха, но не забывает свой родной город. Мальчишкой пел в методистском хоре Хаттеруорта, и теперь каждое Рождество возвращается, чтобы исполнить партию в «Мессии»³, концерт всегда проходит вечером. В нынешнем году он написал, что слег с ангиной. Это было в прошлую среду. Посоветовал найти ему замену, но пообещал приехать, если сможет. Я и есть замена. Надеюсь, Гриздейл поправится. В противном случае публика будет разочарована.

Любопытно, подумал инспектор.

В рождественскую ночь супруги Литтлджон отправились спать около трех часов. Где-то в отдалении, не щадя сил, надрывался хор, гремел во всю мощь духовой оркестр, слышались звучные басы – свободные импровизации теноровой тубы. Забираясь в постель, Литтлджон чувствовал, что переполнен до краев духом Рождества. На нем была полосатая пижама. Яркостью расцветки она не уступала форме какого-нибудь футбольного клуба. Инспектор сам когда-то купил себе этот спальный костюм и гордился им.

– Господи, неужели ты снова взял с собой это! – рассмеялась жена.

– Почему бы и нет? Хорошая пижама. Я купил ее вечером накануне того дня, когда приехал Тосси Маркса в Кардиффе...

– Выключи свет, Том, пока тебя никто в ней не увидел.

– Знаешь, Летти, – задумчиво протянул Литтлджон без всякой связи с началом разговора, – я надеюсь, что этот Гриздейл завтра не появится.

– Я тоже.

³ Оратория Г. Ф. Генделя для солистов, хора и оркестра; либретто составлено из библейских текстов.

– Если он не придет, мы отправимся в церковь. Не каждый день услышишь, как полицейский, и вдобавок суперинтендант, поет в «Мессии».

– Значит, договорились.

Духовой оркестр заиграл «Да пошлет вам радость Бог» и вместе с бунтующей тубой, которая окончательно распоясалась и творила что хотела, угрожающе приближался к дому. Но прежде чем музыканты встали под самыми окнами, Литтлджон успел провалиться в сон, от которого его вряд ли пробудил бы даже последний трубный глас в день Страшного суда.

Глава 2. «...И восстанут мертвые»

*Очи открытые
С болью гнетущею
Сквозь забытое,
Тиной покрытое,
Смотрят в грядущее⁴.*

Преподобный Реджинальд Готобед, пастор методистской церкви Хаттеруорта, со смешанным чувством взирал со своей кафедры на толпу прихожан, которые пришли послушать «Мессию». При таком наплыве публики собранных средств должно было хватить на долгие месяцы, что избавляло церковь от необходимости залезать в долги, и это радовало пастора. Но, сравнивая нынешнее огромное сборище с той жалкой горсточкой, что обычно посещала его воскресные проповеди, он горестно вздыхал. Этим вечером преподобный не намеревался наставлять паству, он должен был выступать в роли ведущего. Пастор приветливо кивнул казначею, сидевшему внизу на задней скамье рядом с полкой, где стояли горкой ящики для пожертвований, потом с улыбкой оглядел лица людей в центральном нефе и на переполненной галерее. Молодые члены общины уже приносили деревянные скамейки и стулья из соседнего здания воскресной школы, а затем с грохотом ставили их в проходах, поскольку церковные ряды не вмещали всех пришедших, которые шумно требовали, чтобы их впустили. Филипп Гриздейл в последний момент все же позвонил, извинился и сообщил, что не сможет приехать, но публику это не смутило. Фрэнк Хауорт был хорошей заменой, и, когда объявили о новом составе, никто не опечалился. С пяти часов до шести, к началу действия, по извилистой дорожке на вершину холма, где стояла церковь, тянулась нескончаемая процессия. Публика прибывала и прибывала. Тем из жителей окрестных земель, кто не сумел добраться до города на автобусе, хватило энтузиазма дойти пешком, благо рождественский вечер выдался на славу – ясный и тихий. Многие считали, что настоящее Рождество непременно должно завершиться «Мессией» в церкви, а без этого праздник будет неполным. Среди публики попадались честные, добродушные, пышущие здоровьем лица полицейских: в свободное от службы время одетые в гражданское отцы семейств привели своих домашних послушать, как будет петь их шеф. На одной из задних скамеек сидели два местных прощельги, неоднократно судимые за браконьерство. Они оказали исключительную честь человеку, который столько раз отправлял их за решетку, что это уже вошло у него в привычку: оба явились с чисто умытыми лицами, в лучших костюмах и при галстуках. Им хотелось послушать, так ли хорошо поет суперинтендант, как служит закону. Рядом с ними неловко ерзал на скамье председатель местного суда магистратов. Он пришел поздно и занял свободное место в конце скамьи, однако под натиском прибывающей публики не смог держаться на внушительном расстоянии от своих постоянных «клиентов» и был вынужден пересесть к ним.

Помост, словно большая лестница, покрытая багровым сукном, окружал кафедру. Когда Литлджоны со своей домовладелицей, мисс Стейлибридж, и миссис Хауорт появились в церкви, хор занимал места на красных ступенях. Скромные сопрано, которым пришлось взбираться на самый верх, старались держаться с достоинством, их более ветреные подруги смело показывали ножки и белье. Хор усилили певчими из другой церкви. На двух передних скамьях настраивали инструменты оркестранты. Публика шуршала программками, а самые тон-

⁴ Гуд Томас (1799–1845). Мост вздохов.

кие знатоки нарочито листали страницы оратории, готовясь следить за действием от первой и до последней ноты.

Четыре солиста взошли на первую ступень красной лестницы и уселись на венские стулья. Мистер Готобед встал, прочитал короткую молитву, затем передал бразды правления хормейстеру.

Хормейстер, дородный мужчина в годах, с обширной лысиной, обрамленной седыми кудряшками, поднялся на возвышение. Он был в старомодном фраке и держал в руке солидную дирижерскую палочку из черного дерева, отделанную серебром, – подарок от хора в знак признательности за долгую службу. Хормейстер раскрыл партитуру, сосредоточенно взгляделся в нее и снова закрыл, показывая, что знает ораторию от начала до самого конца, затем постучал палочкой по шаткому попитру. Любительский оркестр составляли музыканты со всей округи. Многие из них, истинные энтузиасты, неделями ходили на репетиции пешком через весь город в любую погоду. Струнные преобладали, а деревянных духовых инструментов явно не хватало, но дирижер знал свое дело и держал оркестрантов в строгости, поскольку играли они слаженно.

Зазвучала чудесная увертюра, и Литтлджон будто перенесся из полного незнакомцев зала в маленькую церквушку своего детства. Он вновь увидел перед собой старые, знакомые лица певчих. Большинства уже давно не было в живых. Ему вспомнился доморощенный органист, который старался изо всех сил не отстать от хора, вечно пропускал ноты и яростно давил на педали. Солисты с неба звезд не хватало, но пели вполне прилично. Святочный Дух Пропшлых Лет⁵ встал неслышно за плечом у инспектора. Сольная партия тенора вслед за увертюрой вывела Литтлджона из задумчивости. На скамьях не осталось ни единого свободного места, на каменных стенах выступила влага, в церкви было жарко как в духовке. Суетливый церковный сторож открыл одну из дверей, ведущих из притвора на главную улицу, и звуки восхитительной арии вырвались на свободу, поплыли над поросшими вереском холмами в темноту еще не окончившейся рождественской ночи. «Всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся», – прокатилось дерзкое эхо среди тихих гребней и долин неспящих Пеннинских гор. Литтлджон вспомнил былые дни в Манчестере, когда вышел из полицейского участка в городской ратуше и проскользнул в Зал свободной торговли, чтобы послушать, как эти же арии исполняют Фрэнк Маллингз и Норман Аллин в сопровождении оркестра Халле. Дирижировал ораторией в тот день Хамилтон Харти. Литтлджону еще не сообщили новость, что этой зимой свирепые варвары при налете на Манчестер обратили в пепел место его счастливых воспоминаний.

Хор громогласно ревел: «И явится слава Господня». Хаурт прекрасно справлялся со своей ролью и мощно «потрясал море и сушу». Его густой звучный голос разносился по церкви, к восторгу как законопослушных прихожан, так и нескольких нарушителей закона. На улице перед дверями церкви останавливались прохожие. «Вроде бы это Фрэнк Хаурт», – сказал кто-то. Грузная, простоватая женщина, сидевшая позади Литтлджона, произнесла театральным шепотом: «Да, но поет он дивно». Эта короткая фраза довольно точно передала общее впечатление.

В полицейском участке Хаттеруорта зазвонил телефон. Ответил инспектор Росс, крайне недовольный тем, что приходится нести дежурство, когда его шеф поет. Он как раз задавался вопросом: может, не просто пройти мимо церкви, а заглянуть внутрь при исполнении служебных обязанностей? Надо же выяснить, как дела.

– Да, – раздраженно буркнул он в трубку.

⁵ Аллюзия на «Рождественскую песнь в прозе» Ч. Диккенса.

На другом конце провода заговорили, и выражение лица инспектора изменилось. В его глазах мелькнул интерес.

– Правильно. Ждите. Ничего не трогайте, пока я не приеду. Инок Сайкс? Откуда вы знаете? Кольцо на пальце с его инициалами? Ладно. Мы скоро будем.

Росс торопливо нацарапал записку, потом звонком вызвал констебля и вручил ему листок.

– Передай это суперинтенданту Хаурту в церкви, – велел он. – Только не нужно врываться прямо сейчас и сбивать его посреди «Зачем мятутся народы», но отдай сразу, как только появится возможность. Я еду на Майлстоун-Мур, а ты скорее возвращайся в участок, потому что нам предстоит беспокойная ночь. Отряд ополченцев наткнулся на останки Инока Сайкса на болотах, нам необходимо включаться в работу. Иди, и нечего стоять там и тарашиться...

Констебль Джо Шаттлуорт поспешно выскочил за дверь и понесся по темным улицам к методистской церкви. Там он увидел Джорджа Вудроффа, церковного сторожа. Тот стоял у открытой двери в темный притвор. Из глубины церкви доносился чарующий голос.

Он отторгнут от земли живых...
Ибо Ты не оставишь души моей в аде...

– У меня сообщение для суперинтенданта, Джордж, – произнес констебль Шаттлуорт, пожившись. – Как бы мне передать ему записку?

– Лучше подождать, пока он закончит, старина, а потом перехватить его на выходе. А что стряслось, Джо?

Констебль Шаттлуорт доверительно понизил голос до замогильного шепота:

– Ополченцы рыли окоп на одном из холмов Майлстоун-Мур перед самыми сумерками и выкопали скелет. На пальце у него кольцо с инициалами «и» «эс». Судя по всему, это Инок Сайкс. Меня послали доложить об этом суперинтенданту Хаурту, «Мессия» или нет – не важно.

У Джорджа Вудроффа отвисла челюсть.

– Нет, Джо! Не говори так!

Сторож взволнованно всплеснул руками и нервно переступил с ноги на ногу, словно солдат, марширующий на месте. Его раздирали противоречивые чувства. Наконец он справился с собой. Он не позволит никому, даже скелету, испортить ежегодное торжество. Джордж Вудрофф решительно закрыл внутреннюю дверь притвора, будто защищал дом Господень от зла.

– С этим придется подождать, Джо. Его нельзя сейчас прерывать. Инок Сайкс пролежал, наверное, на этой твоей пустоши лет двадцать, а то и больше. Он может подождать еще полчаса или около того – по крайней мере до тех пор, пока мистер Хаурт не допоеет «Ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными». Тогда я передам ему записку.

– Послушай, Джордж...

– Если хочешь вызвать его раньше, тебе придется пойти туда и увести мистера Хаурта со сцены посреди действия, – заявил сторож и с непреклонным видом выставил вперед маленький острый подбородок.

Констебль Шаттлуорт замер в нерешительности. Его ботинки ужасно скрипели. Робкий от природы, хотя и старательный полицейский, он немало натерпелся из-за своей застенчивости, а его привычка краснеть по малейшему поводу служила в городе поводом для бесконечных шуток. При мысли, чтобы со скрипом пройти, точно сквозь строй, между рядами прихожан за закрытой дверью, констебль покрылся холодным потом, колени задрожали. Он без колебаний бросался в гущу жестокой потасовки, мощными ударами сбивал с ног самых отчаянных драчунов и в одиночку или с помощником оттаскивал их в участок. Однако на сей раз предстоящая задача повергла его в ужас. Среди сопрано в хоре, что выводил в эту минуту свою партию,

была одна юная леди, которую констебль надеялся однажды назвать миссис Шаттлуорт, когда наберется храбрости сделать ей предложение.

– Ладно, Джордж. Но мне за это здорово нагорит от инспектора Росса.

– Будет еще хуже, если суперинтендант прервет выступление. Здесь приходится выбирать меньшее из двух зол, Джо. Кстати, мать Инока Сайкса тоже в церкви. Надо бы и ей сказать, когда придет время.

Вудрофф снова распахнул дверь притвора, и двое мужчин уселись рядом в темноте – ждать подходящего момента. Временами, заслушавшись музыкой, они забывали обо всем на свете. Аплодировать солисту в конце выступления в церкви неуместно, но дух всеобщего восхищения, казалось, витал в воздухе и мягко обволакивал двух слушателей в притворе, когда Хаурт опустил на скамью после вдохновенной арии «Зачем мятутся народы». Вступило нежное сопрано, и у сторожа с констеблем пересохло в горле: чудесные звуки «А я знаю, Искупитель мой жив» лились в открытые двери притвора, вызывая в памяти печальные воспоминания. Хор поднялся и взял первые зловещие ноты «Ибо, как смерть через человека, так через человека и воскресение мертвых» на кошмарном, невнятном пианиссимо, и двое мужчин внезапно вспомнили о цели прихода констебля. Оба почувствовали, как волосы на затылке встали дыбом.

Литтлджон едва не испекся заживо – так жарко было в церкви, – однако наслаждался каждой минутой и обменивался с женой восхищенными взглядами. Восторженное умиление охватило всех в этих стенах. Куда бы ни посмотрел инспектор, повсюду взгляд его встречал сияющие радостью простодушные лица. Истощенные нуждой и трудом забыли об усталости, сбросили с себя груз каждодневных забот; истерзанные тревогами обрели покой; заносчивые и чопорные смягчились, смилив гордыню; униженные распрямились, подняли головы. Корнетист выбрался из оркестра и смущенно сел рядом с Хауртом. Они представляли собой странную пару: элегантный, подтянутый певец с великолепной осанкой, в котором так и бурлила энергия, и щуплый музыкант, кривоногий и бледный. Оркестр заиграл вступление к «Ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными», пара снова поднялась. Корнет, скромное подобие серебряной трубы на парадных представлениях, звучал ярко и чисто, и маленький человечек, что дул в него, преобразился. Он уже не казался несуразным, лишним или жалким. Звуки, словно легкие радужные пузыри, взлетали ввысь и лопались над головами слушателей. В конце сольной партии публика с трудом удержалась от бурных восторженных рукоплесканий.

Когда хор уже готовился загреть с новой силой, маленький Джордж Вудрофф решительно зашагал по проходу между рядами, его ботинки скрипели и громко стучали по паркету. Вначале он приблизился к иссохшей, усталого вида старой женщине, одетой в черное, которая сидела на боковой скамье параллельно центральному проходу, и что-то прошептал ей на ухо. Та испуганно посмотрела на него, оглянулась на дверь, поднялась и неуклюже побрела к выходу, чтобы услышать страшную новость от констебля Шаттлуорта. Вудрофф направился дальше, подошел к возвышению, сделал знак Хаурту и передал ему записку. Удивленный суперинтендант развернул листок и прочитал строчки, потом что-то сказал сидевшему рядом тенору и торопливо сошел вниз с помоста. Он намеренно выбрал боковой проход, чтобы пройти мимо Литтлджона, который сидел в конце скамьи. Поравнявшись с инспектором, тронул его за локоть и жестом предложил следовать за ним. Грянул финальный хор, и суматоха вмиг улеглась. Громогласные раскаты «Достоин Агнец закланный» настигли детективов уже на главной улице.

– Ох и каша заварилась, Литтлджон, – произнес Хаурт, когда они вышли в морозную ночь. – Я подумал, что вам, вероятно, захочется поучаствовать. Конечно, вы в отпуске, но если мы с вами похожи, то это дело, которое так неожиданно на нас свалилось, заденет вас за живое.

– Я с вами, Хаурт. Можете на меня рассчитывать, буду рад помочь.

– Что ж, в записке говорится, что останки Инока Сайкса обнаружили в земле на Майлстоун-Мур. Для полиции случай небывалый, что и говорить! Через пять минут мы будем в участке, но я перескажу вам историю вкратце. Это дело связано с убийством, совершенным в тысяча девятьсот семнадцатом году, во время прошлой войны!

– Боже милостивый! Значит, мрачные тени прошлого?

– Да. В октябре тысяча девятьсот семнадцатого года Джереми Трикетт, местный рабочий-металлист, а заодно и браконьер, был найден убитым на Майлстоун-Мур, в глухом месте, через которое мы проезжали прошлой ночью. Болота тянутся до самого горизонта, вы можете любоваться ими из окна спальни дома, где остановились. Между ним и Иноком Сайксом, тоже металлистом и браконьером, была давняя вражда из-за девушки. Трикетта застрелили из дробовика, и, когда после убийства Сайкс исчез, полиция, естественно, посчитала его виновным. В то время я служил констеблем в Хаддерсфилде и не занимался этим делом, однако слухи о нем разошлись по всей округе, разговоров хватило на долгие месяцы. Сайкса так и не нашли. Все решили, что он либо сбежал за границу, несмотря на трудности военного времени, либо отправился на фронт и был убит. Его объявили в розыск, прочесали окрестности вдоль и поперек, но безуспешно. Дело так и осталось незавершенным, легло на полку. А сегодня днем отряд местной обороны проводил маневры на болотах. Они копали траншею и наткнулись на человеческий скелет. По счастью, когда они это поняли, им хватило ума не трогать находку. Но они обнаружили на пальце скелета кольцо с инициалами Сайкса. Такие вот дела. Похоже, Сайкс пролежал там все эти годы. Кто-то совершил двойное убийство, чтобы сбить полицию со следа. Хитрая уловка, верно?

– Если ваша догадка верна, убийца – человек хладнокровный и неразборчивый в средствах, его обман раскрылся через много лет по чистой случайности.

– Да. Двадцать три года – немалый срок. С тысяча девятьсот семнадцатого года много воды утекло. Вероятно, убийца уже умер или исчез.

– Значит, дело откроют вновь?

– Да. Хотя след уже холодный, как остывшая баранина. Но нам предстоит расследование, придется начать все сначала и сделать все возможное, покопаться в прошлом, что уже давно мертво. В моей практике это нечто новое.

– И в моей тоже, Хаурт. Я полностью в вашем распоряжении. Неофициально, разумеется.

– Ну нет, вам так просто от меня не отделаться, Литтлджон. Если дело не удастся раскрыть до окончания вашего отпуска, я поговорю с главой полиции графства, и мы затребуем помощь Скотленд-Ярда, а в запросе укажем ваше имя. Тогда, наверное, вы у нас немного задержитесь.

– Хорошо! – кивнул Литтлджон, и двое мужчин вошли в тускло освещенный вестибюль полицейского управления.

Часы на приходской церкви пробили девять. Где-то в отдалении буйствовал духовой оркестр с бомбардоном и басовым тромбоном. Спотыкаясь и фальшивя, он приближался к финалу весьма вольной интерпретации «Прекрасного Сиона», чтобы потом на выручку за дневные труды подкрепить свои силы в любимой пивной.

Глава 3. Майлстоун-Мур

*О славный герцог Йоркский!
Было у него десять тысяч солдат.
На вершину холма он повел свое войско
И с войском спустился назад.*

Старинная песенка

На следующее утро после того, как обнаружилось преступление более чем двадцатилетней давности, Хаурт с Литлджоном осторожно втиснули свои крупные тела в полицейскую машину, и когда часы на церкви пробили десять, уже ехали вверх по холму к Майлстоун-Мур. День выдался морозным и ясным, раннее солнце озаряло яркими лучами улицы города и заливало светом окрестные деревни. Булыжные мостовые и каменные строения Хаттеруорта вскоре остались позади, автомобиль легко катил по ровной гладкой дороге через болота. Теперь вокруг, на сколько хватало глаз, простиралась безмолвная пустыня. Утесник и вереск, чьи узловатые цепкие корни виднелись на рыхлой торфяной почве, колыхались, словно бурые морские волны, когда резкие порывы ветра клонили стебли то в одну сторону, то в другую. По обоим обочинам дороги вдоль края торфяников тянулись ряды белых каменных столбиков с черными шляпками – путевые вехи, различимые в темноте или в снегу. Большие белые облака величаво плыли по синему зимнему небу. Вид был великолепный. По одну сторону до самого горизонта расстилалась вересковая пустошь, расцвеченная багрово-коричневыми красками зимы. Блестели лужицы, покрытые тонкой ледяной корочкой. Ручейки пробивали себе дорогу в земле и собирались в поток, журчавший подо льдом в кювете. По другую сторону вздымался крутой травянистый склон, переходивший постепенно в пастбище, где уже чувствовалось присутствие человека, покорителя природы. Внизу лежала долина, где у быстротечной реки Коддер укрылся Хаттеруорт, дальше местность понемногу повышалась и снова переходила в бескрайние волны холмов. Построенный из местного камня город прекрасно вписывался в общую картину. Длинные ряды трехэтажных коттеджей, общественные здания, трубы, башни и открытые пространства Хаттеруорта растянулись вдоль нижнего шоссе, которое с высоты холмов казалось лишь волнистой тонкой нитью, ведущей вдаль. Дикую землю между Майлстоун-роуд наверху и городом внизу человек обжил и подчинил своим нуждам. Грубые стены сухой каменной кладки разделяли ее на клеточки, словно огромную шахматную доску. На луговых склонах паслись коровы и овцы. Фермер разбрасывал известь на зеленой траве лужайки, белая пыль взлетала в воздух, словно клубы пара. Шла извечная битва между болотами и человеком, утверждающим свое господство. В отдалении вился белый дымок поезда, с натугой вползавшего на гребень горы, в самое сердце Уэст-Райдинга.

Полицейский автомобиль храбро взбирался в гору. Мимо проносились телеграфные столбы. Тяжело увешанные проводами, они выстроились в боевом порядке, чтобы дать отпор любой непогоде, будто армия, сомкнувшая ряды против врага. Посреди пустоши проводили учения ополченцы. Проблему скелета они решили – доложили о своей находке в соответствующую инстанцию – и теперь вернулись к неотложным задачам, более важным, чем возня с какими-то высохшими костями из прошлого. Повсюду одетые в хаки люди бегали, прыгали, спотыкались, падали и бросались в атаку. Свои театральные сражения они разыгрывали серьезно. «Неприятель» из Уэст-Райдинга без видимого успеха пытался отвоевать Хаттеруорт и окрестные дороги у местных добровольцев.

Машина резко остановилась на пяточке возле дороги, и детективы выбрались на обочину. В этом месте через ручей в кювете был перекинут мостик, дальше по пустоши тянулась тро-

пинка. Едва различимые колеи от колес почти сгладились с годами, но раньше по этой дорожке возили камень из маленькой заброшенной каменоломни на склоне холма. Дальше по тропе, примерно в пятидесяти ярдах от шоссе, возле высохшего куста утесника виднелась небольшая группа людей. Двое мужчин в рубашках копали; рядом стояли двое полицейских, грубый с виду малый (наверное, местный фермер или наемный работник) и один из ополченцев. При виде суперинтенданта и его спутника полицейские взяли под козырек, мужчины с лопатами (как оказалось, констебли) последовали их примеру.

– Ну, парни, – добродушно произнес Хаурт, – что-нибудь нашли?

– Мы извлекли все кости, сэр, – ответил один и вытер тыльной стороной ладони пот со лба. – Доктор Гриффитс заезжал сюда, но сказал, что ничего не может сделать, пока мы не найдем весь скелет. Мы собирались отвезти кости в морг, когда закончим работу. Вот они.

Он указал на расстеленный брезент, поверх которого был разложен пестрый набор грязных костей, темных, в бурых пятнах от влажного торфа, вьевшегося за те долгие годы, что скелет пролежал в земле. Коричневый череп с насмешкой косился на детективов пустыми глазницами. К костям прилипли клочки ткани, и, судя по остаткам старой сгнившей кожи, труп был обут, когда его зарыли. Рядом на брезенте лежал дробовик двенадцатого калибра. Его стволы сильно пострадали от ржавчины, однако приклад сохранился на удивление хорошо. Хаурт осторожно коснулся его.

– Вижу, покойника похоронили с оружием, словно вождя, – заметил он. – Наверняка мы сумеем определить происхождение ружья и установить владельца.

Один из полицейских тщательно просеивал землю сквозь несколько сит, чтобы не пропустить мелкие фрагменты. Хаурт повернулся к нему с улыбкой:

– Славная у тебя здесь работа, Хиклинг. Нашел что-нибудь любопытное?

Констебль поднял юное розовощекое лицо и ухмыльнулся в ответ.

– Несколько монет, сэр, часы, складной нож, курительную трубку, жестянку из-под табака и около десяти дробинок, свинцовых. Похоже, они выпали из тела при разложении. Доктор Гриффитс попросил, чтобы мы постарались найти их, если сможем.

– Хорошо. Продолжай, Хиклинг. Занятие это нудное, но очень важное. Собери то, что найдешь, а когда закончишь, доставь в участок. Там мы тщательно все изучим. А теперь, Литтлджон, я покажу вам, где нашли труп Трикетта. Как я уже говорил, я отсутствовал в это время в городе, но позже меня сводили туда. Нам в ту сторону.

Хаурт повел своего спутника по тропинке через болото. Они прошли около пятидесяти ярдов. Каменная стена сухой кладки, осыпавшаяся и заросшая бурьяном, обозначала когда-то границы небольшого освоенного участка земли, у дальней межи виднелись пустынные развалины фермерского дома. С внешней стороны стены, примерно у середины, рос еще один чахлый куст утесника, побитый ветром и дождями. Хаурт указал на него:

– Вот здесь. Как видите, это недалеко от того места, где нашли Сайкса. Раньше считалось, что один из них убил другого, а затем ловко сбежал. Теперь, когда мы обнаружили останки второго трупа, эта версия более чем двадцатилетней давности развалилась. Нам придется начинать заново, хотя, наверное, все улики уже исчезли, а большинства важных свидетелей нет в живых.

Литтлджон зажег трубку, жадно затянулся и огляделся. Холодное бескрайнее болото – превосходное место для того, кто хочет скрыть ото всех свою тайну. Глухое, тяжелое безмолвие нарушали лишь редкие крики птиц да голоса ополченцев, которые продолжали свои учения. Казалось, даже присутствие множества людей на обширном пространстве не в силах прервать уединение этого пустынного места. Над бурыми волнами вереска витали древние духи стихий. Вкрадчивые пальцы сил разрушения незримо делали свое дело: выкручивали растения и замедляли их рост, стирали возведенные человеком границы, сокрушали его жилище, безжалостно скользили по возделанным им полям и возвращали землю назад, к одичанию.

– Думаю, Литтлджон, нам следует встретиться с тем, кто занимался расследованием убийства в то время. Это человек, чью должность я занял. Суперинтендант Пикерсгилл. Он живет на окраине города. В его рассказе прозвучат любопытные детали и подробности, если нам удастся вызвать его на разговор. Воспоминания Пикерсгилла дополнят безжизненный сухой скелет полицейских отчетов, которые нам передадут чуть позднее.

– Хорошая мысль. У нас есть еще время до обеда, если вы согласны.

– Отлично, Литтлджон. Тогда поедem прямо сейчас. Забавно, что предшественник Пикерсгилла на посту шефа, инспектор Энтуистл, тоже еще жив и живет вместе с суперинтендантом и его женой. Он тесть Пикерсгилла. Вместе они бы нам много чего порассказали. Старику около восьмидесяти, однако он полон сил. Эти двое помешались на курах. Мы, наверное, найдем их в курятнике.

Детективы вернулись к шоссе и сели в машину. Воздух был морозным и прозрачным. На небе вдалеке темнели свинцовые облака.

– Похоже, будет снег. – Хауорт набросил плед на колени Литтлджону и укутался сам.

Автомобиль плавно покотил вниз, в долину. По пути они миновали торжествующих ополченцев. Те одержали победу над «врагом», и теперь бодрым шагом направлялись в город.

Литтлджон оглянулся и сквозь маленькое заднее окошко увидел, что полицейские уже закончили раскопки и осторожно переносят на брезенте все, что осталось от Инока Сайкса и трагедии давно прошедших дней.

Глава 4. Совещание в курятнике

*Так! И живет в путь!
Видишь, солнце заходит.
Но до заката,
До того, как меня, старика,
Затянет в болото,
Беззубый зашамкает рот,
Затрясутся колени...⁶*

Машина остановилась перед аккуратным бунгалом на берегу реки. Дом стоял чуть в стороне от воды и выходил окнами на дорогу. Детективы выбрались из салона и направились вверх по посыпанной гравием дорожке. Хауорт позвонил в дверь.

Хмурое лицо сварливого вида женщины появилось между занавесками гостиной и быстро исчезло, а в следующее мгновение дверь распахнулась.

– Доброе утро, миссис Пикерсгилл. Чарли дома?

– Он с моим отцом в курятнике. В последнее время они не выходят оттуда целыми днями. «Неудивительно!» – подумал Литтлджон.

С виду жена бывшего суперинтенданта Пикерсгилла казалась настоящей мегерой. Похоже, в доме всем заправляла она. Это была худая женщина среднего роста, властная и своенравная. На лице ее выделялись длинный тонкий нос и острые серые глаза. Волосы, собранные в большой седой пучок, строго удерживались на затылке чем-то похожим на рыболовную сеть. В ее взгляде сквозило назойливое любопытство. Едва заметный говор выдавал в ней уроженку этих мест.

Когда Пикерсгилл служил сержантом под началом инспектора Энтуистла, честолюбие толкнуло его на брак с дочерью шефа, которая уже давно имела на него виды. Он восхищался ее стряпней и бережливостью, их союз оказался весьма удачным. Поговаривали, что мозгом и направляющей силой в их семье была миссис Пикерсгилл. По слухам, ее муж чрезвычайно успешно продвинулся по службе, поскольку отыгрывался на подчиненных и отдавал работе всю ту энергию, которую ему приходилось сдерживать дома. Пятеро их детей, все девочки, унаследовали от матери экономность и напористость, однако отец всегда был их кумиром. Они составляли его личную охрану, защищали от любых нападков, и благодаря им суперинтендант избежал горькой участи быть окончательно заклеванным. За месяц до того, как он отправился на пенсию, вышла замуж его самая младшая дочь. Положение спас тесть, поселившийся в доме зятя. Отставной инспектор Энтуистл, вдовец, не на шутку испугался притязаний своей экономки: та явно вынашивала матримониальные планы в отношении хозяина, невзирая на его почтенный возраст. Своих кур при переезде он забрал с собой. Бывшие полицейские объединились, основали совместную птичью ферму, соорудили роскошные загоны и домики для кур и стали проводить все дни в обществе птиц.

– Мы можем пройти и поговорить с ним? Это инспектор Литтлджон из Скотленд-Ярда, миссис Пикерсгилл.

– Доброе утро.

Упоминание о Скотленд-Ярде и его доблестном сотруднике оставило равнодушной эту женщину с суровым лицом. Она жила с полицейскими всю свою жизнь.

– Да. Вам лучше пройти на задний двор через дом. Вытирайте ноги.

⁶ Гете Иоганн (1749–1832). Бравому Хроносу.

Хозяйка провела детективов вдоль узкого холла в столовую, откуда открывалась дверь в хозяйственные помещения. Комната ломилась от мебели, так что негде было повернуться. Литтлджон невольно запоминал все, что замечал, и не мог избавиться от ощущения тесноты, будто его сдавили тисками. Он сам был уроженцем севера Англии, и в своем родном Ланкашире ему случалось видеть странные дома, но этот побил все рекорды!

На ножках стола красовались чулки, чтобы защитить дерево от неуклюжих или своевольных ног! На полу лежали кокосовые циновки, тогда как лучшие ковры хранились свернутыми в рулоны – их расстилали только по выходным, и тогда же извлекали на свет божий и ставили возле очага превосходные каминные принадлежности из сверкающей меди. Старая мебель красного дерева сияла полировкой. Буфетом служил изящный комод. Вокруг стола стояли в педантичном порядке неудобные стулья. На стенах в рамках висели две картинки из рождественского календаря, где предавались идиллии странно одетые персонажи «Сна юной любви»⁷ в одном случае и «Свидания»⁸ – в другом. Большая гравюра на стали изображала сцену дерби в Эпсоме, а деревянная резная табличка, плод упорного кропотливого труда, гласила: «В гостях хорошо, а дома лучше». На каминной полке выстроились строго по росту медные подсвечники всех форм и размеров. Безупречный порядок в столовой определенно давался хозяйке ценой немалых усилий. В начищенной до блеска комнате не чувствовалось уюта, слишком уж она была строгой и опрятной. Неудивительно, что мужчины в этом доме предпочитали курятник.

Хаурт и Литтлджон последовали за хозяйкой в кухню, где яблочные пироги дожидались на столе, когда их накроют верхним слоем теста и поставят выпекаться в духовку. Тщательно нарезанные яблоки в начинке лежали безукоризненно ровными рядами. Миссис Пикерсгилл указала на самое большое из солидных строений на аккуратном, покрытом травой участке ярдах в двадцати от задней двери дома.

– Вы знаете, где их искать, верно, мистер Хаурт? – сказала она и вернулась в дом.

Литтлджон заметил краем глаза, как хозяйка схватила щетку и принялась яростно чистить циновки, по которым ступали детективы, когда шли через столовую.

В дальнем конце сада над дерзко торчащей на крыше трубой курился дымок. Туда и направился Хаурт. Он постучал в дверь строения, где, судя по всему, засели мужчины и вдали от женской болтовни наслаждались теплом печи.

– Входите! – раздался бодрый зычный голос.

Если Литтлджон ожидал увидеть робкого забитого беднягу, угнетенного многолетним брюзжанием, мелочными придирками и домашней тиранией, то он ошибся. Хаурт представил его высокому, крепкому мужчине плотного сложения, с пышными седыми усами. Облысевшую голову окружала бахрома серебристых волос. Под косматыми бровями поблескивали карие глаза. Товарищем Пикерсгилла оказался коренастый старик с голубыми, слегка навывкате глазами, с густой копной белоснежных волос и длинной окладистой бородой. Он походил на состарившегося легендарного Капитана Кетгла⁹. Узловатые руки с набухшими темными венами выдавали его почтенный возраст. Лица обоих отставных полицейских покрывал здоровый румянец.

Зять с тестем сидели бок о бок на деревянной скамье, подложив для удобства под спины длинную подушку. Головы обоих прикрывали матерчатые кепки. Младший курил длинную изогнутую трубку со специальной камерой в солидном «отростке» чубука у основания чашки –

⁷ Стихотворение Томаса Мура (1779–1852), ирландского поэта-романтика, автора песен и баллад.

⁸ Стихотворение Уильяма Сутара (1898–1943), шотландского поэта, известного своими эпиграммами.

⁹ Персонаж серии приключенческих романов и рассказов английского писателя и путешественника Ч. Дж. Катклиффа Хайна (1866–1944).

для оседания влаги и смол. Старик сжимал в немногих оставшихся зубах старую почерневшую трубку из верескового корня.

Теплый курятник служил, очевидно, штаб-квартирой создателям сложной системы разведения кур и производства яиц. В одном углу помещения располагался большой инкубатор. Вокруг стояли лари с кормами. На полках лежали подкладные яйца¹⁰. Наверху, под низкой крышей, висели на крюках две крысоловки, старая птичья клетка и керосиновая лампа. Повсюду можно было наблюдать сцены из жизни пернатых. Куры искали зерна в сухой мякине, которая толстым, по щиколотку, слоем покрывала пол. Хозяйева с мечтательным восхищением наблюдали за ними, когда вошли посетители. Судя по победному кудахтанью и крикливым перебранкам, в соседних домиках кладка яиц шла полным ходом. Петух, важно расхаживавший среди кур, при появлении незнакомцев хрипло недовольно заклохтал. Чтобы оставаться в центре внимания, он постоянно притворялся, будто нашел зерно, и звал фавориток на угощение. Те каждый раз охотно спешили на зов и возвращались несолоно хлебавши, однако с куриным простодушием снова и снова попадались на эту уловку. Одна белая курочка насакивала на подвешенный над полом кочан капусты, и раз за разом отщипывала кусочек, словно заводная игрушка.

Иногда старик заговаривал с птицами, причем обращался к ним по именам, а во время последующего совещания периодически прерывал беседу беглыми замечаниями о поведении той или иной своей любимицы. Старческое слабоумие странным образом сочеталось в нем с острым, пронизательным умом. Если не считать жизни кур, текущие события мало его интересовали. Энтуистл жил прошлым и любил пускаться в воспоминания, пространные, скрупулезно точные и скучные.

– Рад знакомству с вами, мистер Литгдджон. – Пикерсгилл с приветливой улыбкой подвинул ближе к гостям вторую деревянную скамью.

Литгдджон и Хаурт сели и набили трубки табаком.

– Вот я в свое время не обращался за помощью в Скотленд-Ярд, хотя никто не скажет, что какой-нибудь прощельга ушел от меня безнаказанным, – произнес отставной инспектор Энтуистл.

Пикерсгилл добродушно подмигнул детективам.

– За годы службы, папаша, вам попадались одни пьяные дебоширы, браконьеры да мелкие воришки... Эй, как насчет бутылочки пива?

Глаза старика загорелись, и он тотчас забыл о вспыхнувшем споре.

– Я мигом, – объявил он, протопал к двери и вскоре вернулся с четырьмя бутылками, стаканами и большой имбирной коврижкой на тарелке. – Дочь вытирает пыль в гостиной, так что я и пирог прихватил. – Он захихикал, словно проказливый мальчишка. – Когда она обнаружит пропажу, поднимется шум, но к тому времени эта коврижка будет уже у нас в животах.

Они наполнили стаканы. «Что ж, по крайней мере, миссис Пикерсгилл неплохо печет!» – отметил Литгдджон.

– Значит, вас интересует убийство Джереми Трикетта? – Пикерсгилл вытер усы тыльной стороной ладони. – Да, я помню то дело, будто все случилось вчера. И не без причины. Это было мое первое в жизни дело об убийстве, к тому же преступник удрал, будь я проклят! Вернее, мы так решили. Но теперь, насколько я слышал, все изменилось, и наши старые версии рассыпались в труху. Странная штука.

– Не вижу ничего странного, – возразил старик, вытер мокрые от пива губы и стряхнул крошки с бороды. – Я всегда тебе говорил: главное – факты, а не версии. Лучше синица в руках, чем журавль в небе. Глядите-ка, Бидди снова хромает. Значит, завтра снесет яйцо с

¹⁰ Имитация куриного яйца из фаянса, гипса и т. д.; используется для стимуляции кладки в отведенном для этого месте.

двумя желтками. Помяните мое слово. Она всегда прихрамывает в таких случаях. Он указал черенком трубки на ковыляющую курицу красной род-айлендской породы.

– Ладно, ладно, папаша. Не отвлекайтесь на то, что не имеет отношения к делу. У нас всего полчаса до обеда, а Элис устроит нам выволочку, если мы опоздаем. Так что давайте перейдем сразу к сути.

– Да, – ввернул Хаурт. – Может, вы нам расскажете, что случилось и как далеко продвинулось расследование? Все, что сможете вспомнить.

– Удача, что ополченцы откопали Инока Сайкса. Славно получилось, – вмешался неугомонный старик. – Многие из тех, кого затронуло то расследование, отправились вверх по холму, на городское кладбище, а остальные уже одной ногой в могиле. Двадцать с лишним лет немалый срок. Кстати, мне и самому недолго осталось. Хотел бы я напоследок распутать данное дело. Так что поторопитесь, пока меня тоже не заколотили в гроб. Я всегда говорил Чарли, что он не на то дерево лает, когда Сайкса искали везде и всюду. «Ищи поближе к дому, – твердил я ему, – ищи поближе к дому». Спросите его, он подтвердит. Теперь уж вам, парни, придется разобраться с этим делом окончательно и доказать, что я был прав. Поспешите, пока я не помер.

– Мы будем благодарны вам за помощь, мистер Энтуистл, – вежливо произнес Хаурт. – Но поскольку время поджимает, может, Чарли продолжит свой рассказ?

– Ну, тело Джереми Трикетта нашли на болотах в октябре тысяча девятьсот семнадцатого года. Это случилось рано утром: местный фермер проезжал мимо на повозке с молоком, заметил труп и поднял тревогу. Доктор определил, что Трикетта убили накануне вечером. Естественно, мы начали подозревать Инока Сайкса. Эти двое были приятелями, но разругались из-за девушки. Ее звали Мэри Тейтем. Позднее она вышла замуж за Джозайю Райлза. Оба – и Трикетт, и Сайкс – были рабочими-металлистами, монтажниками на литейно-механическом заводе Майлза. Они ушли оттуда, когда Калев Хейторнтуэйт, заводской управляющий в те годы (теперь он сэр Калев), основал собственную компанию на пару с Люком Кроссом.

– Да. После ухода Калеба завод Майлза так больше и не оправился, – заметил мистер Энтуистл. – Конечно, миссис Майлз к тому времени овдовела и во всем полагалась на Хейторнтуэйта. Он знал, как управляться с рабочими, при нем завод держался на плаву. Говорят, потом Калев и старая миссис Майлз повздорили, но в чем там было дело, никто не знает. В общем, Калев переметнулся к Люку Кроссу и с тех пор быстро пошел в гору.

Пикерсгилл остановил взглядом словесный поток тестя.

– Итак, как я уже сказал, Сайкс и Трикетт были приятелями. В юности они вместе браконьерствовали: охотились на куропаток среди болот, на частной земле, которая теперь принадлежит самому сэру Калебу.

В ночь убийства Буллер, егерь, видел Сайкса, а потом и Трикетта, на болотах. Представляете, как преуспел Хейторнтуэйт за два года, если смог позволить себе обзавестись и охотничьими угодьями, и егерем! Короче, Буллер видел этих бедняг порознь на болотах и слышал выстрелы, но подумал, что они охотятся на птиц. Когда они перешли работать к Калебу, их стали пускать на его земли, так что Буллер не придал этому значения.

Примерно за четверть часа до выстрелов егерь выдворил с пустоши одного бродягу из местных, известного под прозвищем Трехпалый Билл. Мы потом задержали этого Билла и допросили, но он ничего путного нам не сказал.

Теперь что касается девушки. Сайкс ухаживал за ней, и она не возражала, но тут неожиданно за ней приударил Трикетт и увел ее прямо из-под носа у своего дружка. После этого приятели прекратили всякие отношения и перестали общаться друг с другом. Если раньше они всюду появлялись вдвоем, то с того дня их больше не видели вместе, только в день убийства. Они встретились в пабе «Лошадь и жокей» на болотах. Сайкс заглянул туда после охоты, и когда вошел Трикетт, сидел за выпивкой. Инок направился к нему, завязалась драка. Владелец

заведения вышвырнул их вон. Он слышал, как Сайкс пригрозил, что еще посчитается с Трикеттом. Разумеется, после убийства мы решили побеседовать с Сайксом, однако тот исчез, и для нас это стало лишним доказательством его вины. Мы подумали, что он, наверное, записался добровольцем, и начали поиски в армии и на флоте. В конце концов нам пришлось бросить это безнадежное дело и признать, что Сайкс ускользнул от нас. Сами понимаете, мы просто ахнули, когда обнаружилось, что все эти годы он пролежал в земле, как Трикетт. Я бы сказал, что их убили разом, одного за другим, а вы что думаете?

– Да, – кивнул Хаурт. – Единственное разумное объяснение. Либо один из них убил другого, а потом его прикончил кто-то третий, либо – что более вероятно – этот третий застрелил обоих. Но почему?

– Вы меня спрашиваете? Надо было нам с самого начала установить мотив.

Старый Энтуистл снова подал голос:

– То давнее убийство – событие небывалое в наших краях – всколыхнуло город. Люди многое помнят. Все, что происходило тогда, отпечаталось в памяти тех, кто еще жив. Вам следует начать с той самой Мэри Тейтем, а потом обойти остальных.

Хаурт достал свой блокнот.

– Давайте-ка запишем имена.

Пикерсгилл принялся перечислять:

– Ну, как сказал папаша, начнем с Мэри Райлз. Она живет с мужем в южной части города, на Марбл-стрит. Вы удивитесь, когда увидите ее. Толстуха средних лет. Трудно представить, как два молодых парня могли сцепиться из-за нее насмерть и рваться убить друг друга, но в свое время она была красавицей. Трехпалый Билл тоже жив, околачивается в наших краях. Запиши еще Сета Уигли, владельца паба «Лошадь и жокей», хотя сейчас делами заправляет его замужняя дочь. Он живет вместе с ней и зятем. Сильно постарел за эти годы. Буллера, егеря, уже нет в живых. А сэр Калев в добром здравии. Ищите его в Спенклаф-Холле, это примерно в двух милях отсюда. Старая миссис Майлз тоже жива, ей сейчас под восемьдесят. Коротает свой век в маленьком домике на Мур-лейн и почти не выходит за порог. Вот и все, что я могу вам сообщить.

Хаурт выглядел удрученным. Детективы ожидали чего-то более существенного, нежели беглое, поверхностное описание основных фактов. Он повернулся к Литтлджону.

– У вас есть какие-нибудь мысли по этому поводу?

Инспектор Литтлджон вынул трубку изо рта. Он наблюдал за старым Энтуистлом, который, похоже, давно потерял интерес к рассказу своего зятя и с удовольствием почесывал шейку почти ручной курицы, а та робко, бочком подступила к нему и поклевывала дырочки для шнурков на его ботинках. Внезапно он поднял голову и с усмешкой посмотрел на зятя. Его маленькие глазки лукаво блеснули.

– Чарли никогда не был говоруном, – заметил Энтуистл. – И память у него уже не та, что прежде. Лучше попросите его дать вам свои старые блокноты с заметками по делу и еще наш дневник – журнал расследования, мы вели его, когда совещались вдвоем. Видите ли, мы с Чарли решали его проблемы сообща. Я немного помогал ему в те дни. Как-никак я сам бывший инспектор. Мы делали записи по ходу обсуждения, чтобы лучше уяснить себе картину.

Пикерсгилл заметно оживился. Он чувствовал, что сплеховал, не оправдал надежд Хаурта, а тесть предлагал ему готовое решение.

– Я с радостью передам вам все бумаги! – воскликнул он. – Они у меня здесь, ты можешь хоть сейчас забрать их с собой, Фрэнк.

Пикерсгилл поднялся и отпер свой сундук с сокровищами. Это был старый разохшийся улей, покрытый цинком изнутри и снаружи. Отставной суперинтендант навесил на ящик замок и хранил там свой личный архив – блокноты и дневники в жестких переплетах. Нужная тетрадь и книга нашлись без труда – Пикерсгилл аккуратно проставил на обложках даты.

– Ну вот, Фрэнк. Если прочитать эти записки вместе с официальными отчетами, которые скоро придут по моему запросу из архива графства, то будешь знать столько же, сколько знал я, когда вел данное дело.

Пронзительная трель свистка заставила мужчин вздрогнуть.

– Обед готов, – объяснил Энтуистл.

Тесть и зять смущенно замялись, на их лицах отразилось беспокойство. Хаурт открыл дверь курятника и увидел, как угловатая фигура миссис Пикерсгилл исчезла в доме. Хозяйка весьма оригинальным способом позвала к обеду двоих любителей кур. Оба определенно боялись опоздать хотя бы на минуту.

– Спасибо за помощь, Чарли, – произнес Хаурт. – Мы вернем тебе обе тетради, как только они сослужат свою службу.

– Заходите еще: расскажете нам, как продвигается расследование, – ввернул Энтуистл. Он стоял с корзинкой яиц в руках и нетерпеливо ждал, когда гости уйдут и он сможет приступить к обеду. – Я же вам говорил: это будет мое последнее дело. Хочу увидеть развязку.

– Мы будем держать вас в курсе, мистер Энтуистл.

Двое полицейских попрощались с пожилыми коллегами и поспешили прочь, чтобы избавиться от неловкости.

Глава 5. Октябрь 1917 года

*О, дайте мне взглянуть в лицо тому злодею!
Когда мы встретимся – храни его Господь.
Пусть только в церковь сунет он свой нос,
Дубиной голову снесу ему немедля!*

Венгерская народная песня

Мороз покрыл улицы Хаттеруорта незаметной тонкой корочкой льда, и на следующий день после визита к своему предшественнику суперинтендант Хаурт поскользнулся на ступенях полицейского участка и вывихнул лодыжку. Литтлджон нашел его дома в столовой. Распухшая нога, перевязанная бинтами и обутая в старую тапочку, покоилась на табуретке. Вынужденная неподвижность раздражала суперинтенданта до крайности.

– Хорошенькое дельце! – проворчал он, когда детективы обменялись приветствиями. – И надо же такому случиться, когда мы только начали расследование. Конечно, труп пролежал в земле более двадцати лет, все эти годы убийство оставалось нераскрытым, и еще несколько дней ничего не изменят, но все же чертовски досадно, что так вышло. После того как мы растались вчера днем, я получил архивные материалы из управления графства и почти всю ночь просидел за бумагами – пытался построить общую картину с помощью отчетов, заметок и дневников Пикерсгилла. Однако теперь я вынужден на время передать дело Россу, хотя, видит Бог, он и без того завален работой...

Уловив призыв в голосе друга, Литтлджон произнес:

– Послушайте, Хаурт, не нужно изводить себя и сокрушаться из-за того, что невозможно изменить. Придется вам оставаться дома, пока доктор не позволит вернуться в строй, а я займусь бегом вместо вас – неофициально, разумеется. В конце дня мы с вами будем вместе обсуждать результаты моих усилий, и, надеюсь, сообща сумеем найти разгадку, прежде чем вы снова встанете на ноги.

– Но ведь вы в отпуске, Литтлджон. Нечестно отнимать у вас время. И что скажет ваша жена? Она хотела бы провести с вами те немногие дни, что вы пробудете здесь...

– Летти решила вернуться в Лондон вместе со мной, когда я поеду обратно, так что ей есть чем заняться перед отъездом: навестить друзей, попрощаться, пока я буду опрашивать свидетелей.

После недолгих препирательств приятели сошлись на том, что Литтлджон возьмет на себя опрос свидетелей, а делать выводы и подводить итоги они станут вдвоем.

– Теперь, когда мы выработали план, вы могли бы изложить вкратце, как шло расследование старого дела двадцать с лишним лет назад, – предложил Литтлджон. – Вы говорили, что прочитали и сопоставили множество отчетов и записей. Думаю, общее представление вы получили. Что удалось установить в ходе следствия?

– С него мы и начнем. Я постараюсь обрисовать картину в целом, как мне она видится. Набивайте трубку и устраивайтесь поудобнее.

Хаурт начал свой рассказ, и, по мере того как раскрывались подробности случившегося, перед глазами Литтлджона все яснее проступала картина событий октября 1917 года.

Он увидел бескрайнюю пустошь, похожую на пестрое лоскутное одеяло, где смешались оттенки бурого, зеленого и пурпурного. Дикую, нехоженую землю, покрытую сухим вереском, кустиками голубики и увядающими золотистыми папоротниками. Почерневшие каменные стены на границах участков и горы сохнущего торфа по краю рвов.

Над водоемами окрестных деревень, невидимых за вересковыми холмами, поднимались чайки и с криками кружили в воздухе. Раздавались булькающие трели кроншнепов. Сливались в хриплый шелест людские голоса – чья-то болтовня, споры и смех. В тот день на болотах шла охота на куропаток, и несколько мужчин из пестрой компании загонщиков опрокидывали в себя стакан за стаканом в пабе «Лошадь и жокей». Крепкое приземистое строение из обветренного местного камня, готовое выдержать любую непогоду, стояло сиротливо возле дороги между Хаттеруортом и Уотерфолдом. Пристанище странников, охотников и их прихлебателей, браконьеров и тех, кто привык долго терпеть жажду в пути, чтобы утолить ее в конце.

Вдоль горизонта, словно ряд неровных гнилых зубов, растянулась гряда осыпающихся скал. Их резкий силуэт темнел на фоне пламенеющего багрового заката.

В «Лошади и жокее» выдался жаркий денек: хозяин, Сет Уигли, сбивался с ног. Мало того что в зале бушевала толпа пьяных загонщиков и заряжающих, так еще явился Инок Сайкс и, накачавшись ромом, принялся осыпать бранью Джерри Трикетта и описывать в красках, что сделает с ним, когда поймает. Долго ждать ему не пришлось.

Трикетт с двумя приятелями показался во дворе паба. Он охотился на куропаток из укрытия. По неведомым причинам его и Сайкса беспрепятственно пускали на земли Калеба Хейторнтуэйта. Подобный им сброд обычно выдворяли из владений, но этих двоих терпели даже в те дни, когда на болотах устраивали охоту для близких друзей Калеба из числа местных промышленников, производителей стали и шерсти.

Сайкс заметил в окне своего бывшего друга, выругался и шагнул к ружью, которое оставил в углу, прежде чем заказать выпивку. Сет Уигли подоспел раньше и схватил дробовик.

– Нет, Инок, твое ружье останется здесь. Ты его не получишь.

Владелец паба был крупным, грузным мужчиной, и подвыпивший браконьер, похоже, решил, что с ним лучше не связываться. Он нетвердой походкой вышел на задний двор безоружным.

Там прохлаждалась парочка бездельников из обслуги паба. При виде Сайкса они выжидающе притихли. Поглядеть на драку они были не прочь, но стать свидетелями перестрелки им не хотелось. Спутники Трикетта зашептали ему что-то на ухо. Они стремились ободрить его и призвать к осторожности. Убеждали приятеля оставить дробовик им, схватиться с Сайксом врукопашную и взгреть его хорошенько, чтобы клочья полетели. Но их благоразумный совет пропал втуне. Трикетт замер с ружьем в руках, ожидая Сайкса. Тот стоял в дверном проеме и свирепо смотрел на бывшего друга. В воздухе повисла зловещая тишина. Было слышно, как в маленьком хлеву фыркают и жуют жвачку коровы. Сет Уигли невозмутимо наполнил кружку элем, затем медленно выпил ее и вышел из паба. Его добродушное красное лицо выражало решимость. В своей огромной ручище он держал дробовик Сайкса.

Зрителям не пришлось долго томиться в ожидании: за напряженной драматической кульминацией последовала нелепая развязка. Сайкс оттолкнулся от дверного косяка и неуклюжей, вихляющей рысью бросился на врага, яростно размахивая руками в воздухе. Тяжелые сапоги грохотали по булыжнику. Трикетт приготовился отразить удар, но Сайкс на бегу зацепился ногой за выступающий камень, закачался и растянулся на земле. Там он и остался лежать, оглушенный, в тупом изумлении.

Сет Уигли оказался возле Сайкса, схватил его за ворот куртки, рывком поднял на ноги, вытолкнул со двора и погнал прочь по дороге. Оказавшись на внушительном расстоянии от паба, он отдал ему ружье.

– А теперь убирайся, пока я не сломал тебе челюсть. Я никому не позволю дебоширить в моем заведении. Из-за таких, как ты, запросто можно лишиться лицензии, а мне неприятности не нужны. В будущем держись подальше отсюда.

С видом фермера, отправляющего резвого жеребенка на выпас, Уигли жестом отослал пьяного браконьера с глаз долой и неспешно зашагал к своему пабу. По пути он остановился

сказать пару слов Трикетту. Тот, явно довольный столь удачным оборотом дела, балагурил в толпе подгулявших приятелей, на лице его читалось облегчение.

– А что до тебя, Джереми, обходи стороной своего старого друга, если тебе дорога твоя шкура. Он задумал недоброе, парень.

– Не забивай себе голову, Сет. Это мои дела. Я сам с ним разберусь.

Трикетт шагнул в паб следом за хозяином, выпил кружку домашнего пива и ушел своей дорогой, унося убитых птиц, притороченных к ягдташу за тонкие лапы.

Гуляки продолжали пьянствовать, громогласно хвастаться и хохотать. Уигли выставил за дверь самого буйного, остальные заказали закуски и снова наполнили стаканы. Они явно намеревались просидеть в пабе до закрытия. За разговорами о былых днях, старыми охотничьими историями, грубыми шутками и розыгрышами о войне почти не вспоминали. В общем гвалте происшествие во дворе быстро забылось.

Хозяин поворотил кочергой в камине, задернул шторы и зажег медную масляную лампу, подвешенную к балке под потолком. За окном совсем стемнело. Проезжий возчик, по пути в Уотерфорд заглянув в паб промочить горло, выкладывал последние городские новости группе осоловелых полупьяных рабочих. Вошла официантка, полногрудая краснощекая девица с новой бутылкой виски из погреба. Кто-то из мужчин шлепнул ее пониже спины, когда она проходила мимо. Это вызвало дружный хохот. Девушка повернулась, чтобы дать наглецу достойный отпор... И тут со стороны торфяников прозвучал выстрел. В зале воцарилась тишина, будто кто-то щелчком погасил шум.

– Господи, так поздно, а на болотах стреляют по куропаткам! – удивился возчик, его рука со стаканом зависла на полпути ко рту. Он покачал головой и выпил.

– Стреляли далеко отсюда, – заметил один из гуляк и звучно икнул.

– Надеюсь, это не те два бешеных черта решили окончательно, раз навсегда разобраться между собой...

Сет Уигли нахмурился. Кто-то громыхнул по столу стаканом, чтобы ему налили еще. Хозяин паба поспешил отогнать тревожные мысли, обогнул стойку и направился к посетителю. Часы в коридоре пробили шесть. Пять минут спустя прогремел еще один выстрел...

На следующее утро с рассветом Сет Уигли поднялся с кровати, где мирно спала его жена, тихо прошлепал босиком по линолеуму к окну, отдернул занавеску, отодвинул мешок с песком от оконного переплета, поднял нижнюю створку и сделал глубокий вдох. Мистер Уигли старался впускать в свою спальню как можно меньше ночного воздуха. Он считал его вредным для здоровья.

– Прекрасное утро, милая, – обратился он к жене.

Миссис Уигли что-то проворчала в ответ, медленно, с наслаждением повернулась на другой бок и снова уснула.

Владелец «Лошади и жокея» вдруг просунул голову в окно и проревел:

– Эй, ты! Я же тебя предупреждал: держись подальше отсюда. Если я снова поймаю тебя в своей конюшне, Трехпалый, то возьму ружье и...

Но незванный гость скрылся за углом паба, следом за ним шмыгнула неряшливого вида женщина со стройной фигурой и рыжими волосами. Сет повернулся к жене:

– Трехпалый нашел себе дармовой ночлег – проспал ночь в моей конюшне вместе с этой стервой, с которой путается. Когда-нибудь он спалит весь дом, и я пожалею, что не запираю постройки во дворе. Я сообщу о нем в полицию. Может, они его приструнят, чтобы не показывался здесь. Не доверяю я этому парню.

Не дожидаясь ответа, он надел рубашку и брюки, поспешно спустился по лестнице, пересек неубранный зал, где повсюду были разбросаны грязные стаканы, а в воздухе с минувшей

ночи висел тяжелый запах застарелого табачного дыма, и обошел двор, чтобы убедиться, что все благополучно.

А тем временем мужчина и женщина, которые ночью самовольно воспользовались гостеприимством Сета Уигли, торопливо направлялись в Хаттеруорт. На руке бродяги не хватало безымянного пальца, оттого он и получил прозвище Трехпалый¹¹. В городе поговаривали, будто бы он сам храбро отрезал себе ножницами палец, чтобы избежать заражения крови. Трехпалый Билл обладал неприятной внешностью. Его лицо поражало несоразмерностью черт. Рот, нос и глаза казались смещенными вверх к темени, словно их туда вытолкнули. У него был сломанный, кривой длинный нос, безвольный скошенный подбородок и вялый рот с желтыми щербатыми зубами и отвислой верхней губой. Он походил на гротескный манекен, созданный чьей-то причудливой фантазией, чтобы привлечь взоры прохожих. Правда, с тех пор как связался с женщиной, которая стала его постоянной спутницей, Трехпалый начал более или менее регулярно бриться.

Женщина слыла бы красавицей, если бы не пренебрегала водой с мылом и уделяла должное внимание своим великолепным волосам. Впрочем, в той жизни, что вела эта пара, не было места ни разборчивости, ни брезгливости. Подруга Трехпалого была молода, среднего роста, с длинными ногами и пышной грудью. Крупные черты лица могли показаться грубоватыми, но безупречно гладкая кожа, покрытая разводами грязи – следами ночевки под открытым небом и презрения к нормам гигиены, – отличалась изысканной смуглостью. Под тонким платьем женщины видно было каждое движение ее гибкого мускулистого тела. Как такое красивое создание могло настолько увлечься Трехпалым, чтобы связать с ним свою судьбу, оставалось загадкой. Однако, похоже, этот союз вполне устраивал обоих, и странная парочка с довольным видом молчаливо брела в сторону города...

Через полчаса после того, как Сет Уигли удостоверился в сохранности своего имущества, мимо паба продребезжала телега молочника Джетро Хеймера. Тот развозил товар по домам в городе. Этот добродушный неунывающий малый владел небольшой фермой на болотах, где держал несколько коров. Кобылка бежала веселой рысцой вниз с холма, брэнчала и звенела сбруя. Джетро насвистывал мелодию и при этом жевал соломинку, что требовало известного мастерства.

– Доброе утро, Сет! – крикнул он, поравнявшись с пабом. – Кажется, денек выдался отменный.

Прежде чем Сет успел заговорить, телега унеслась прочь, и ответа Джетро уже не услышал. Неожиданно Хеймер изо всех сил рывком натянул поводья, и лошадка остановилась. Его взгляд не отрывался от кустов вереска ярдах в ста от края дороги. Там распростерлась на земле лицом вниз человеческая фигура. Молочник прицелкнул языком и мягко направил кобылу к обочине, затем спрыгнул с телеги и, спотыкаясь на неровной земле, побежал к неподвижному телу. Оно было холодным и мокрым от росы. Фермер опустил на колени и приподнял голову мертвеца.

– Боже мой! – воскликнул он, и на лице его сквозь крепкий загар проступила бледность. – Сет! Сет! – заголосил Хеймер и, когда тот почти в четверти мили от него услышал крик и выглянул из-за угла дома, бешено замахал обеими руками. – Скорее сюда!

Сет Уигли был потрясен не меньше своего приятеля.

– Джереми Трикетт! Значит, один из выстрелов, что мы слышали вчера, предназначался ему. Похоже, Сайкс его все же подловил...

¹¹ В оригинале прозвище персонажа – Three Fingers. В английском языке большой палец имеет особое название – «thumb»; слово «finger» употребляется по отношению к оставшимся четырем. Таким образом, у Трехпалого Билла на руке три пальца, не считая большого.

Сет Уигли тяжело отдувался. Он запыхался от быстрой ходьбы по сырому торфу и вдобавок никак не мог оправиться от шока. В нескольких словах он рассказал Хеймеру о событиях прошлого вечера.

– Я еду в полицию, – произнес молочник и бросился бежать к своей телеге. Он хлестнул кнутом кобылу и помчался в Хаттеруорт, оставив хозяина паба охранять тело.

Глава 6. Расследование суперинтенданта Пикерсгилла

*Тут мальчик перебил: «А прок
От этого какой?» —
«Молчи, несносный дуралей!
Мир не видал побед славней!»¹²*

Литтлджон внимательно слушал рассказ Хаурта, стараясь не пропустить ни слова. Трубка инспектора погасла, он даже забыл про виски – бокал так и остался нетронутым. Суперинтендант обладал редким даром повествователя. Житель этих мест, он хорошо знал всех действующих лиц старой истории, поэтому коротко обрисовал их характеры, как художник-график несколькими быстрыми штрихами создает образ.

– Вы прирожденный рассказчик, – заметил Литтлджон, когда Хаурт замолчал.

Они вновь набили и раскурили трубки, затем наполнили бокалы.

– Когда любишь холмы и долины, среди которых живешь, это выходит легко, – объяснил Хаурт и перешел к описанию дальнейших событий, к картине далекого прошлого, воссозданной по записям и дневникам. Его коллега снова весь обратился в слух.

Суперинтендант Пикерсгилл дослужился до поста начальника полиции Хаттеруорта благодаря поддержке тестя – выехал на его плечах. Но ему повезло не только в этом: стремительное восхождение от сержанта до суперинтенданта происходило на фоне промышленного развития района, город разрастался, занимал окрестные сельские земли.

Отставной инспектор Энтуистл был человеком острого ума. В дни его молодости полиция на местах мало что знала о научных методах расследования, но недостаток специальной подготовки с лихвой восполнялся присущим Энтуистлу здравым смыслом и проницательностью. Попавшие в руки Хаурта тетради свидетельствовали о том, что своими успехами Пикерсгилл во многом обязан старику. Благодаря Энтуистлу удалось раскрыть большинство преступлений.

На приложенных к отчетам фотографиях труп лежал в том же положении, в каком нашел его молочник: распростертым на земле лицом вниз. Высокий плотный мужчина в старой куртке, бриджах армейского покроя, черных чулках и тяжелых, подбитых гвоздями сапогах. Рядом с телом лежало ружье – обычная охотничья двустволка. Согласно полицейскому отчету, в кармане жертвы обнаружили шесть нерасстрелянных патронов, однако ружье оказалось незаряженным. Патроны марки «Или», самые дешевые, были набиты дробью, пятым номером.

В заключении полицейского врача говорилось, что смерть произошла накануне вечером, приблизительно в то время, когда на холмах слышались выстрелы. В Трикетта всадили полный заряд дроби. Стреляли в спину, с близкого расстояния. Выстрел пробил сердце и раздробил позвоночник.

Разумеется, подозрение сразу пало на Инока Сайкса. Тот бесследно исчез. Мать, с которой он жил, в последний раз видела сына утром в день охоты на куропаток, когда Инок взял на работе выходной и с ружьем отправился на болота. Судя по протоколу, женщину допрашивали долго и обстоятельно.

Дознание проводил мистер Бенджамин Баттеруорт, коронер графства, высокий худой желчный старик с красноватым лицом, густой копной белоснежных волос, белыми усами и густыми седыми бровями, которые он выразительно вскидывал и опускал, чем неизменно добивался желаемого эффекта. Серые глаза за сверкающими стеклами очков в золотой оправе

¹² Саути Роберт (1774–1843). Бленгеймский бой.

смотрели пронзительно и грозно. В начале слушаний коронер отпустил несколько едких замечаний об обилии публики в зале. В военное время, сказал он, людям не подобает приходить на такие заседания ради развлечения. Лучше бы они трудились на благо государства. Мистер Баттеруорт добавил, что не потерпит и малейшего нарушения порядка. Даже беспокойного ерзанья будет достаточно, чтобы он приказал освободить зал.

Представленные полицией доказательства носили формальный характер. Пикерсгилл не сомневался, что Сайкс убил своего приятеля, и даже не просил coronera отложить разбирательство. Были заслушаны показания Сета Уигли и других свидетелей о выстрелах на закате и стычке во дворе паба в тот памятный день. Следствие признало доказанным фактом, что между бывшими друзьями возникла вражда.

– Что делали здесь, в тылу, двое крепких, здоровых мужчин двадцати с небольшим лет? – поинтересовался мистер Баттеруорт.

– Оба были опытными механиками, работали у Кросса и Хейторнтуэйта – на этом основании комиссия освободила их от военной службы, – объяснил суперинтендант.

Допросили и Мэри Тейтем, девушку, за которой прежде ухаживал Сайкс, ту, что позднее предпочла ему Трикетта. Темноволосая, тонкая как тростинка, с хорошей фигурой и пухлыми розовыми щеками, она обычно встречала каждого сияющей улыбкой, но на дознании была грустной и подавленной. Мэри встречалась с Трикеттом в минувшие выходные.

– Я не хочу расстраивать вас еще больше, – произнес мистер Баттеруорт. Очки его холодно блестели, а твердый пронизывающий взгляд ничуть не смягчился. – Но это из-за вас между двумя молодыми людьми вспыхнула неприязнь?

Свидетельница залилась слезами, но потом, немного успокоившись, ответила:

– Они поссорились из-за меня.

– Вы были раньше обручены с Сайксом и разорвали помолвку из-за Трикетта?

– Мы не были помолвлены. Просто встречались какое-то время.

– У вас возникла ссора?

– Да.

– Потому что вы отдали свои симпатии другому, верно?

– Мы разругались до того, как Джереми... мистер Трикетт пригласил меня на свидание.

– Я не хотел бы вторгаться в вашу личную жизнь без крайней необходимости, но, возможно, это важно. Ваша размолвка была лишь пустяковой ссорой влюбленных, из тех, что легко забываются, или чем-то более... существенным? Так сказать, окончательным разрывом?

– Я сказала Иноку, что не хочу больше видеть его. Никогда.

– Почему?

Казалось, Мэри Тейтем подыскивает нужные слова.

– Я... поняла, что больше не люблю его... Он очень изменился, стал другим, непохожим на себя прежнего...

– Другим? В чем же?

– Ну, с тех пор как он уволился с завода Майлза и перешел к Хейторнтуэйту, его будто подменили. Работа там была лучше, и платить ему стали больше, но Инок сделался чванным и... не таким, как раньше. Все время, что мы проводили вместе, он только хвастался да важничал, говорил о своих планах и о деньжищах... то есть деньгах, которые скоро потекут к нему рекой. Упивался своими мечтами, а обо мне даже не вспоминал. В конце концов мне это просто надоело.

– И тогда вы обратили свой взор на его друга?

Свидетельница густо покраснела, глаза ее вспыхнули.

– Все было вовсе не так. Джереми Трикетт позвал меня на прогулку, и ему пришлось долго меня уговаривать после всего, что я пережила.

– Вы когда-нибудь видели или слышали, как двое молодых людей ссорятся?

– Да, и меня это возмутило! На следующий день после того, как я впервые пошла на свидание с Джереми, явился Сайкс и пригрозил, что мы с Джереми поплатимся, если я не остановлюсь. Умолял меня вернуться к нему, но я была сыта всем этим по горло. Я прогнала его. Потом до меня дошли слухи, что Инок сильно пьет. У него с Джереми постоянно случались стычки, доходило и до драк. В городе судачили, что Инок грозился убить Джереми, хотя и, как он говорил, однажды его за это повесят.

Полицейский врач явился на слушания с опозданием: задержался на срочном вызове к роженице, – и тем не менее коронер сурово отчитал его за неуважение к суду. В своих показаниях доктор указал причину и назвал время смерти.

– Самое скверное, что стреляли в спину, – трусливый и презренный поступок. Впрочем, ничем другим убийство и не может быть, – изрек мистер Баттеруорт. – Как я понимаю, вы извлекли всю дробь, насколько это возможно.

– Да. По моим наблюдениям и по оценке оружейника, с которым я консультировался, в покойного разрядили только один патрон. Видимо, другой остался в стволе ружья. Второй выстрел прозвучал позднее, чем первый: похоже, преступник выследил или догнал жертву, а затем его дробовик дал осечку.

– Вы здесь для того, чтобы огласить экспертное медицинское заключение, и только, доктор Бакли...

– Прошу прощения, мистер коронер.

– Оружейник присутствует?

Тимоти Туигга, оружейного мастера из Хаттеруорта, привели к присяге, и он занял свидетельское место.

– Верны ли слова доктора Бакли, мистер Туигг? Иначе говоря, заряд дроби, извлеченной из тела жертвы, представляет собой содержимое одного патрона или больше?

– Судя по разбросу дроби и ее количеству, в парня выпустили один патрон.

Мистер Туигг, щуплый, бледный человечек с клинообразным лицом и обширной лысиной, несомненно, с удовольствием выступал в роли эксперта-свидетеля.

– Сайкс покупал патроны у вас?

– Да, сэр. Они с Трикеттом обычно пользовались патронами одной марки и дробью одного размера: пятым номером, как правило, – но иной раз и сами заряжали патроны. Знаете, в наших краях многие рабочие так делают.

– Да-да. Итак, мистер Туигг, насколько я понимаю, вы изучили дробь, извлеченную из тела. Какого она номера?

– Это была смесь. Номера четвертый и пятый. Многие охотники считают, что четвертый номер хоть малость и тяжеловат, однако бьет сильнее. Хорошая дробь, такой можно убить наверняка. А что до смешанного заряда, либо это специальный заказ, либо стрелявший сам заряжал патроны дробью.

– Вы сказали, что местные охотники часто сами заряжают свои патроны. Сайкс или Трикетт покупали у вас дробь для этих целей?

– Нет, сэр. Но, конечно, в Хаттеруорте есть и другие оружейные лавки, вдобавок люди часто обращаются напрямую к производителю за пределами города: делают вскладчину крупный заказ, а потом распределяют его между собой. Покупать оптом дешевле.

– Хорошо. Благодарю вас, мистер Туигг.

В заключение заслушали показания Буллера, местного егеря, который, судя по всему, последним видел Трикетта и Сайкса живыми. Он рассказал, что встретил их порознь: оба направлялись в сторону Хаттеруорта. Буллер ни с тем, ни с другим не разговаривал и не заметил ничего необычного. Разве что Сайкс был так пьян, что едва держался на ногах.

Затем мистер Баттеруорт обратился с речью к присяжным. Жюри состояло из местных жителей: лавочников, конторских служащих и прочих. К своей работе они отнеслись серьезно.

Коронер обстоятельно объяснил им, какие преимущества в данном деле дает вердикт «Преступление совершено неизвестным лицом или лицами». Полиция разыскивает подозреваемого, и, если со временем его задержат, подобный вердикт оставит ему возможность оправдаться и вместе с тем никак не помешает работе следствия, подчеркнул мистер Баттеруорт.

Однако неуступчивые присяжные решили по-своему и признали Инока Сайкса виновным в предумышленном убийстве.

Мистер Баттеруорт, крайне раздосадованный этой своевольной выходкой, распустил их не поблагодарив, словно нашкодивших школьников. Свое неодобрение он выразил угрюмым молчанием и грозно сдвинутыми бровями.

Пикерсгилл согласился с вердиктом. Он уже все решил и запустил на полную мощь машину закона, чтобы выследить пропавшего Сайкса. По словам владельца «Лошади и жокея», суперинтендант задержал Трехпалого и его женщину, хотя к тому времени парочка уже добралась до Шеффилда. Оба яростно отрицали, что видели тело утром после убийства, и клялись, что не встречали ни Трикетта, ни Сайкса, когда накануне вечером бродили по болотам в поисках места для ночлега.

На поимку Инока Сайкса были брошены все силы полиции Британских островов. Стражи порядка перетряхнули призывные пункты армии, флота и Королевского летного корпуса, тщательно проверили рядовой и сержантский состав. Ничего. За миссис Сайкс, мать беглеца, пристально следили на случай, если та помогала сыну скрываться. Впрочем, эта обезумевшая от горя женщина едва ли могла оказаться виновной в пособничестве. Запугивать бесхитростную несчастную вдову было бессмысленно.

В конце концов следствие заключило, что Сайкс, наверное, записался в армию добровольцем и встретил свою смерть под чужим именем. В городе столько семей потеряло близких в этой войне, что людям хватало и своих забот. Папки с отчетами убрали на полку, и дело считалось закрытым, хотя вялые поиски продолжались еще долгое время.

Суперинтендант Пикерсгилл добавил расследование к списку своих побед, а бесследное исчезновение Сайкса лишь убедило его в правоте собственных выводов. С годами дело об убийстве на болотах стало казаться ему успешно раскрытым, хотя преступника так и не нашли. Эту уверенность укрепило в нем решение коронерского жюри. Несмотря на желание мистера Баттеруорта дать подозреваемому шанс оправдаться, присяжные, такие же простые люди, как Сайкс, признали его виновным и поддержали версию суперинтенданта. Пикерсгилл считал себя победителем.

Глава 7. Высохшие кости

*Иду я теперь, словно странник чуждой,
По зале для пиршеств, отныне пустой,
Померк и веселых огней ее свет,
Гирлянды увяли, хозяина нет!¹³*

– Между нами говоря, Пикерсгилл лучше разбирается в курах, чем в расследованиях, страж закона из него никудышный, – заметил суперинтендант Хауорт. – Он сразу объявил Сайкса виновным и даже не собирался рассматривать другие версии. В этом деле Пикерсгилл шел по прямой, никуда не сворачивая, словно лошадь с шорами на глазах.

Два детектива изучили записи и свидетельские показания, связанные с убийствами на пустоши, и теперь обсуждали план расследования.

– Может, нам не стоит судить его слишком строго, – произнес Литтлджон. – В конце концов, запах был так силен, что он, как хорошая гончая, тотчас взял след. Именно этого и добивался преступник, не так ли? И, видит Бог, его уловка удалась. У нас ничего не осталось, кроме высохших костей да выцветших воспоминаний. С ними нам и предстоит работать.

– Что ж, тогда нам нужно составить список «высохших костей», как вы их называете, Литтлджон, и посмотрим, что они нам поведают. Возможно, сегодня днем дознание прольет хоть какой-то свет на это дело, хотя Гриффитс, наш полицейский врач, отнюдь не доктор Торндайк¹⁴. Когда я в последний раз видел его, он старательно доставал дробь из позвоночника Сайкса.

Они взяли бумагу с карандашом и записали имена всех фигурантов дела, словно два режиссера, занятых отбором актеров для пьесы.

«Мэри Тейтем. Теперь миссис Райлз, бывшая возлюбленная обоих убитых мужчин. Живет в Хаттеруорте, на Марбл-стрит.

Трехпалый Билл. Жив и еще бродяжничает в окрестностях города.

Пег, на время убийства – женщина Билла; ушла от него и вышла замуж за какого-то рабочего. Живет в Уотерфолде.

Сет Уигли. Жив. Инвалид, проживает с дочерью в «Лошади и жокее».

Миссис Трикетт, мать Джереми. Умерла.

Миссис Сайкс, мать Инока. Живет в том же доме в Хаттеруорте. На пенсии.

Бенджамин Баттеруорт, коронер графства. Умер.

Доктор Бакли, полицейский врач на время убийства. Умер.

Миссис Майлз, владелица завода, где работали обе жертвы. Жива, в преклонном возрасте, проживает в Хаттеруорте.

Сэр Калед Хейторнтуэйт, бывший наниматель обеих жертв. Жив и процветает.

Буллер, на время убийства – егерь на охотничьих угодьях. Умер. Его сын Питер, который часто сопровождал отца, держит закусочную «Погребок Питера» в Хаттеруорте.

Пикерсгилл, Энтуистл, полицейские, проводившие расследование убийства. Живы, в отставке».

¹³ Мур Томас (1779–1852). В ночной тишине.

¹⁴ Персонаж серии романов и рассказов британского писателя Р. Остина Фримена (1862–1943).

– Ну вот и все. – Хауорт отложил карандаш и с усилием передвинул поврежденную ногу. – Что мы сумеем выжать из расследования, которое Пикерсгилл провалил?

– Мы можем лишь сделать все, что в наших силах, – ответил его коллега и поднялся. – После обеда я собираюсь на дознание, а затем мы проведем еще одно совещание и решим, в каком направлении двигаться. Дело обещает быть интересным, если только нам удастся раздуть огонь под погасшими угольями. Да, кстати, а как отнесется к моему вмешательству инспектор Росс? Как я понял, он будет представлять полицию на коронерском слушании. Я не хотел бы задеть его.

– Не волнуйтесь, я с ним поговорил. Он рад, что вы занялись расследованием. Как временный шеф полиции, Росс получит свою долю славы. Он славный малый, каких поискать, вы сами убедитесь.

Из партнеров старой конторы «Баттеруорт, Коги, Миллз, Баттеруорт и Миллз. Адвокатские услуги» в живых остался только мистер Саймон Миллз. В известном смысле для города это стало облегчением, ведь раньше никто толком не знал, который из Баттеруортов числится первым в названии фирмы и кто из них кто; что же до второго Миллза, тот, вероятно, был невидимкой, поскольку ни один человек никогда его не видел. Мистер Коги из-за бесконечного брюзжания жены начал поглядывать на сторону и вскоре после смерти обоих Баттеруортов сбежал со своей секретаршей. Таким образом, единственный видимый человеческим глазом Миллз остался один на опустевшем поле и при отсутствии иных претендентов облачился в мантию коронера графства. Он и возглавил дознание по делу о несчастных костях Инока Сайкса.

Слушание в новом здании суда проходило при огромном стечении публики, и, хотя теперь вновь шла война, уже другая, на сей раз коронер обошелся без поучений. Ему нравилось выступать перед полным залом.

Мистер Миллз был маленьким тучным человечком с гладким багровым лицом африканского типа, толстыми бесформенными губами и почти лысой головой, если не считать короткой щеточки волос за ушами. Он носил крупное пенсне на толстом шнурке, а большие глаза с желтоватыми, налитыми кровью белками почему-то напомнили Литтлджону красные апельсины-корольки. Человек тщеславный, коронер держался напыщенно и любил слушать собственные речи. Он открыл заседание небольшой проповедью об ошибках, которые совершают люди.

– Вот человек, кого осудили как коварного трусливого убийцу, – начал Миллз. – Когда-то его признали виновным присяжные, похожие на тех, что сегодня защищают его в суде. Инок Сайкс долгие годы носил на челе печать Каина, клеймо позора и проклятия, а оказался безвинной жертвой той же подлой руки неизвестного злодея. Это призывает нас к осторожности и показывает, сколь важно на подобном слушании судить разумно и беспристрастно.

Коронер подчеркнул, что его покойный друг и предшественник, мистер Баттеруорт (Миллз почтительно склонил голову, так что каждому в зале стало ясно: будь на нем шляпа, он бы ее снял), советовал присяжным вынести открытый вердикт. Какой мудрый совет! Более того, пророческий. Далее мистер Миллз заявил жюри, что на сей раз не потерпит никаких глупостей, затем сел и откинулся на спинку кресла, будто ожидал восторженных оваций. Рукоплесканий не последовало, и дознание началось.

Найденные останки принадлежали Иноку Сайксу, чему нашлось немало доказательств. Например, на большой берцовой кости остались следы перелома. Мать жертвы припомнила, что в детстве Инок упал на школьном дворе и сломал ногу. Опознала она и кольцо на пальце скелета. Оно принадлежало прежде отцу покойного, Иноку Сайксу – старшему. Женщина узнала и серебряные охотничьи часы своего мужа. Эти часы, как и кольцо, она подарила Иноку-младшему на двадцать первый день рождения. Пробытые дробью, они остановились на пяти

сорока пяти. Как видно из старых отчетов, в это время прозвучал первый выстрел. Наверное, Сайкс стал первой жертвой, а Трикетта убили вслед за ним.

Доктор Гриффитс сказал, что кости точно соответствуют описанию роста и фигуры покойного. Судя по расположению дроби в позвоночнике и ребрах, заряд выпустили в грудь. Доктор затруднился определить, была ли смерть мгновенной. Он извлек из костей часть заряда, остальные дробины нашли в земле возле скелета – видимо, их удержала истлевшая одежда.

Вслед за врачом выступил специалист по баллистике из Лидса. Он заявил, что преступник использовал четвертый и пятый номера дроби. Несомненно, патрон зарядили смесью! Возможно, бывших друзей застрелили из одной двустволки – в каждого выпустили по заряду. Ружье, обнаруженное в земле рядом с останками Сайкса, было разряженным.

Инспектор Росс весьма умело вкратце описал давнее преступление, а мистер Саймон Миллз, не желая уступать сопернику лавры первенства, превратил его соло в дуэт, чем изрядно затянул слушание. Фурора его выступление не произвело, лишь смутило жюри. Присяжные не стали удаляться в совещательную комнату и сразу вынесли вердикт: «Убийство совершено неизвестным лицом или лицами». Их призывал к этому мистер Миллз, и в отличие от своих более вольнодумных предшественников они послушались.

Полиция не торопилась допросить свидетелей до похорон Сайкса. Это было необычное дело.

Миссис Сайкс давно считала сына умершим. Зная характер Инока, она не верила в его виновность и, как всякая мать, отказывалась принять мысль, что он может быть убийцей. Она оплакала сына много лет назад, и со временем горе притупилось, остались лишь приятные воспоминания о более счастливых годах. Миссис Сайкс стойко выдержала обрушившееся на нее несчастье. Ее друзья, прихожане методистской церкви, всегда были добры к ней, и приписываемое Иноку злодеяние не изменило их отношения. Однако остальные жители города оказались не столь милосердны. Несчастливая женщина вызывала у них отвращение, как и ее сын: люди презирали миссис Сайкс за то, что она произвела на свет чудовище. Мать несла наказание вместо сына. Годы шли, и убийство на пустоши почти забылось. Миссис Сайкс уже могла ходить по улицам и не видеть, как люди с осуждением смотрят ей вслед или отворачиваются. И вот о событиях давнего прошлого вспомнили снова, однако на сей раз мать Инока окружили всеобщим сочувствием. Вчерашняя пария сделалась в одночасье едва ли не героиней. Прежние гонители стремились теперь всеми силами воздать ей за былые страдания, поэтому толпой повалили на похороны останков ее сына.

Миссис Сайкс этого не хотела. Она свыклась со своим горем и забыла о нем. Высохшие кости ничего для нее не значили. Женщина лишь проследила, чтобы их, как положено, предали земле там, где тридцатью годами ранее она похоронила мужа. Содержимое простого дощатого гроба, за которым она последовала в наемном экипаже рядом с преподобным Готобедом и двумя-тремя подругами из женского кружка рукоделия, не было для нее останками сына. Двадцать с лишним лет миссис Сайкс ничего не знала о его судьбе, успела похоронить Инока в своем сердце, где он и остался навсегда.

На кладбище Литтлджон наблюдал за ней издали. Публичная церемония и большое стечение народа смущали ее. Она была в старом, сильно поношенном траурном наряде и старомодной шляпе. Лицо напомнило Литтлджону гравюру на дереве: угловатое, с маленьким острым носом и выступающим решительным подбородком; вместо мягких округлых линий – резкие рубленые черты. Миссис Сайкс вела себя спокойно, с тихим достоинством, и та часть публики, что выставляла напоказ свои легковесные или притворные чувства, невольно устыдилась. Пережитая буря сделала эту маленькую женщину равнодушной к людскому суду. Она давно стала хозяйкой собственной жизни.

Литтлджон явился к ней утром через два дня – визит пришлось отложить, чтобы не беспокоить миссис Сайкс в воскресенье. Она жила в доме номер девять по Уильям-Генри-стрит, в

маленьком коттедже. Инспектор постучал, и дверь тотчас отворилась – ее открыла сама пожилая дама. Наверное, она приняла его за торговца, потому что собиралась захлопнуть дверь у него перед носом со словами: «Нам сегодня ничего не нужно». Литтлджон едва успел поспешно объяснить цель своего визита:

– Я полицейский, миссис Сайкс. Можно мне поговорить с вами?

– О, я ждала вас. Входите.

Парадная дверь вела прямо в гостиную. Эта аккуратная комната сияла чистотой. Чугунный чайник тихо посвистывал в начищенной графитом кухонной печи, стальная решетка и каминные приборы блестели как новенькие. Две старые фарфоровые собачки и маленькие часы из черного мрамора украшали каминную полку. На полу лежали кокосовые циновки и самодельные коврики, сплетенные из тряпок. У камина располагались качалка и мягкое кресло, набитое конским волосом и напоминающее формой седло. Два дешевых деревянных стула были плотно придвинуты к простому, покрытому клеенкой кухонному столу, на котором стоял кувшин с молоком. Вероятно, хозяйка собиралась выпить утреннюю чашку чая. Часть стены занимал массивный буфет красного дерева с затейливыми резными украшениями и двумя хрустальными канделябрами, защищенными от пыли стеклянными колпаками. На буфете стояли еще одни часы, небольшие, с маятником в виде девочки на качелях, которая монотонно раскачивалась, отчего у всякого, кто смотрел на нее, начинала кружиться голова.

Миссис Сайкс была сухой жилистой женщиной с белыми волосами, гладко зачесанными над открытым лбом и собранными в узел на затылке. В полумраке слабо освещенной комнаты ее карие глаза казались блестящими черными бусинами. У нее были маленькие ладони и ступни, а рот походил на тонкую короткую щель. Вблизи она еще больше напоминала Литтлджону одну из швейцарских резных фигурок, деревянную старушку. Гладко вытесанное угловатое лицо с правильными чертами будто хранило следы резца. Ее одежду составляли черная юбка, темно-синий джемпер домашней вязки и белый фартук, повязанный вокруг талии. Миссис Сайкс обмахнула фартуком кресло и пригласила детектива сесть.

– Выпьете чашечку чаю? – радушно предложила она. Литтлджон ей явно понравился.

– С удовольствием! Спасибо, миссис Сайкс.

Она достала из буфета чашку с блюдцем, наверное, из лучшего своего сервиза, заварила чай в керамическом чайнике и разлила по чашкам.

– Чем я могу вам помочь, мистер? – спросила хозяйка, когда они оба сделали по глотку.

– Я понимаю, для вас это мучительно, миссис Сайкс, но мы должны действовать. Видите ли, теперь, когда обнаружили тело вашего сына...

– Кости, – с храброй прямоотой поправила инспектора хозяйка.

– Да, кости. Находка заставила открыть дело, долгое время лежавшее на полке. Ваш сын очищен от подозрений, которые висели над ним более двадцати лет. Теперь мы должны найти убийцу, виновного в смерти не только Трикетта, но и Инока.

– Для меня это вовсе не мучительно, мистер. За прошедшие годы вся моя боль иссякла. Я рада слышать, что мой мальчик невиновен. Сама я никогда не верила в его вину, хотя о других такого не скажешь. Впрочем, я ни на кого не держу зла и не думаю о мести. Те, кто нас осуждал, живут с грузом на совести, это и есть их наказание. Что до меня, то я готова дать вежливый ответ на вежливый вопрос. Так что спрашивайте, мистер, а я постараюсь ответить.

– Как долго Трикетт и ваш сын были друзьями?

– Всю жизнь. Ни один из этих двоих никогда не убил бы другого. Ни Джереми, ни Инок не отличались вспыльчивым нравом.

– Но ведь они поссорились из-за девушки?

– Да. Может, в этом вина Инока. Мэри была славной девушкой, она и сейчас такая. А Инок только и думал что о своей новой работе, и совсем забросил Мэри. Он постоянно трудился сверхурочно и говорил о своих планах. Не то что Джереми: тот любил повеселиться,

побалагурить. Когда Мэри бросила Инока, Джереми стал за ней ухаживать. Они оба сохли по ней еще с тех пор, как она была ребенком. Стоило Джереми начать встречаться с Мэри, как Инок опомнился, но было поздно. И тогда он начал пить, хотя раньше спиртного в рот не брал. Я ничего не могла с ним поделать, сколько ни старалась. Инок стал угрюмым и задиристым. Только, может, он и цеплялся к другим, но матери за все время ни одного худого слова не сказал, так и знайте.

– А что вы сейчас говорили о его работе?

– О, я забыла предложить вам к чаю овсяные лепешки, мистер. – Литтлджон взглянул на связку тощих, похожих на сухие тряпки пресных лепешек, висевших над головой на пустом крюке для одежды, и вежливо отказался.

– Так вы сказали, его работа. Ах да. Ну, Калев Хейторнтуэйт был прежде управляющим на литейно-механическом, работал на миссис Майлз, а в военное время заказов хватало с избытком, и он захотел открыть свое дело. Старый Люк Кросс, уже тогда человек в годах, владелец завода в долине, предложил ему партнерство. Калев ушел и взял с собой Инока. Инок был одним из лучших его работников, вот он и стал уговаривать моего мальчика перейти к нему. Но Инок сказал, что не уйдет без Джереми. В итоге ушли оба. Калев хорошо платил моему сыну. После того как суд постановил считать его умершим, я обнаружила, как много он мне оставил. То-то я удивилась.

– Достаточно, чтобы вы ни в чем не нуждались? – уточнил Литтлджон.

Он понимал, что ступает на зыбкую почву, но его занимал вопрос, как молодой мужчина, которому не исполнилось еще и тридцати лет, сумел сколотить такую сумму.

Миссис Сайкс нерешительно помолчала, а потом с гордостью произнесла:

– Он обеспечил меня пожизненной рентой – я получаю фунт в неделю по почте.

– Это хорошо. Рад слышать, что вы по крайней мере избавлены от нужды...

– Конечно, мне пришлось привести в порядок кое-какие дела, но теперь я получаю пенсию по старости, так что все у меня благополучно.

– Ваш сын много не рассказывал о своей работе?

– Ну, это было так давно, мистер. Помнится, в то время они выпускали снаряды. Но Калев Хейторнтуэйт уже тогда думал о том, что будет после войны. Видите ли, оба завода – Майлза и Кросса – производили ткацкие станки и соперничали между собой. Миссис Майлз никогда не предложила бы Калебу войти в долю. Это старое семейное предприятие, посторонним там не было места. Однако Кросс ухватился за возможность переманить Калеба к себе и оказался в выигрыше. Старик не остался внакладе. Ведь когда война окончилась и нормальная жизнь начала понемногу восстанавливаться, завод Кросса рванул вперед семимильными шагами, а у миссис Майлз дела шли хуже и хуже, так что старой даме пришлось закрыть завод, чтобы расплатиться с кредиторами. Миссис Майлз женщина редкая, таких поискать надо. Она не один год вела дела после смерти мужа. Знаете, у нее осталось двое сыновей, она ради них старалась удержаться на плаву. А позднее обоих убили на войне. Когда подобное случается, все теряет смысл. Она и по сей день жива, ей сейчас около восьмидесяти лет.

– Что ж, миссис Сайкс, думаю, мне не следует больше отнимать у вас время. Спасибо вам за чай и за беседу. Мы сделаем все, чтобы найти виновного в этих преступлениях. Насколько я понял, у вашего сына не было врагов?

– Это правда. Моего мальчика все любили, пока он не ушел с завода Майлза. Потом, конечно, люди начали завидовать его благополучию. Завистники всегда найдутся, правда? Но никто из них не стал бы в него стрелять. Нет, если кто-нибудь и желал ему зла, мне об этом ничего не известно. После того как сменил работу, сын все больше отмалчивался. Рассказывал мне меньше, чем прежде.

Они направились к двери: Литтлджон заметил над буфетом фотографию в раме, изображение мужчины с маленькой круглой головой и большими усами, в белом галстуке и с воин-

ственным взглядом. Под стекло была вложена поминальная карточка с надписью «Инок Сайкс» и с датами рождения и смерти. Литтлджон прочитал строки:

Наши мысли с тобой, милый отец.
Зовем мы тебя, но молчанье в ответ.
Далеко ты теперь от земных наших бед,
Только смотрит на нас со стены твой портрет.

– Мой муж. Он умер, когда Инок был еще мальчишкой, – объяснила миссис Сайкс.

Литтлджон попрощался с ней и ушел. По пути к дому Хаурта он закурил трубку и задумался о главных, узловых моментах беседы с матерью Инока.

Бедная вдова осталась одна с молодым пареньком и едва сводила концы с концами, а сын все меньше рассказывал ей о себе. Новая работа обошлась Иноку дорого: он потерял девушку и лучшего друга, вдобавок люди начали завидовать ему. Смена работы изменила и его характер. Инок Сайкс совершил нечто, за что его убили, и оставил матери достаточную сумму, чтобы обеспечить ее до конца жизни доходом в один фунт в неделю. Что же за всем этим скрывалось?

Наверное, Мэри Тейтем, давняя любовь Сайкса, могла бы пролить свет на причину ссоры и внезапную перемену в поведении бывшего возлюбленного. Литтлджон решил заглянуть к ней после обеда.

Глава 8. Старая любовь

*Брожу по дому я как тень, скрываясь ото всех.
О Джейми думать мне нельзя – тяжелый это грех.
Я постараюсь быть такой, как должно быть
жене.
Ведь он, мой старый Робин Грей, всегда был добр
ко мне¹⁵.*

Литтлджон с волнением подходил к дому миссис Райлз, той самой Мэри Тейтем, за которой успешно ухаживали оба покойных. Это о ней Трикетт и Сайкс мечтали с самого детства. Из-за нее между ними разгорелась жестокая ссора. Даже мать Инока вступилась за девушку, тепло отозвалась о ней, назвала славной. И та же девушка через полгода после убийства одного своего возлюбленного и исчезновения другого вышла замуж за третьего, Джозайю Райлза!

Марбл-стрит заметно отличалась от Уильям-Генри-стрит и явно выигрывала в сравнении с последней. Дома здесь тоже стояли рядами, но не выходили прямо на улицу – при каждом имелся небольшой садик. Участки болотистой земли, кое-где покрытые мохом, с искусственными каменистыми горками и цветниками или жесткими кустиками растений, а в иных местах – запущенные, заросшие пожухлой травой или замаранные едкими метками равнодушных к садовым посадкам котов, избавили эти дома от названия «коттедж» и предоставили им сомнительную честь именоваться поместьями. Чугунные решетки на низких каменных опорах отделяли участки друг от друга и от улицы. Дома будто выставляли напоказ темные гостиные у входа, а сливные трубы, торчащие из стен, свидетельствовали о наличии «современных удобств» (если воспользоваться фразой из рекламного проспекта).

Литтлджон поднял тяжелый дверной молоток, прикрепленный к почтовому ящику с номером 21, и постучал. Шум детских голосов за закрытой дверью мгновенно стих, сменившись тишиной затаенного ожидания. Дверь медленно отворилась. Появилась женщина. Маленький ребенок льнул к ее ногам, уцепившись за подол. Она с подозрением воззрилась на инспектора. Литтлджону хватило одного цепкого взгляда, чтобы угадать историю ее жизни. Простой подсчет показывал, что ей года сорок два, но выглядела она скорее на пятьдесят. Грузная, нескладная, с короткими прямыми волосами, подстриженными скверно, клоками, словно какой-то доморощенный парикмахер надел ей на голову миску и обрезал пряди по краю. Круглое лицо с пухлыми щеками казалось обрюзгшим, а в безмятежных темных глазах отражалась смесь простодушия и невежества. Фигура расплылась. Руки и ноги располнели, под платьем выступали тучный живот и тяжелая обвисшая грудь. Женщина, увядшая прежде времени от непрерывного многолетнего труда, изнуренная родами и тяготами материнства. У нее был муж-водопроводчик и пятеро детей.

– Миссис Райлз? – обратился к ней Литтлджон. – Я полицейский. Можно мне поговорить с вами?

Женщина продолжала спокойно разглядывать инспектора, однако открыла дверь шире. Она ожидала подобного визита. В небольших городах новости узнают быстро.

– Заходите.

Черная кошка скользнула к ребенку, потерлась о его ноги, метнулась по темному коридору к лестнице и взлетела вверх по ступеням, едва различимым в мутной полутьме.

¹⁵ Линдсей Анна (1750–1825). О старом Робине Грее.

– Ступай в кухню и посиди там с бабушкой, – сказала мать ребенку, и тот послушно заковылял к двери, выполняя ее указание.

Хозяйка с инспектором вошли в гостиную, тесно заставленную почти новой на вид дешевой мебелью с обивкой из зеленого кожзаменителя. На дубовом буфете стояла ваза с искусственными фруктами, вокруг нее располагались фотографии детей на разных этапах взросления, попадались здесь и групповые семейные снимки. Угол занимала этажерка, на трех полках которой теснились бесчисленные безделушки, украшения, тарелочки, статуэтки всех форм и размеров. Над камином в раме висел диплом водопроводчика.

Детективу не сразу предложили сесть: хозяйка сгорала от любопытства и ждала объяснений, – так что пришлось остановиться на коврик перед камином. Когда он назвал цель своего визита, миссис Райлз предложила ему стул, но сама осталась стоять, пока не поняла, что инспектор не сядет, если не сядет и она. Тогда она грузно опустилась на край зеленого дивана, вцепившись в складки фартука.

Вблизи, при более ярком свете Литтлджон смог рассмотреть ее лучше. Семейная жизнь и прожитые годы прибавили ей тучности, но когда-то она, несомненно, была красива. Так проходит земная слава... Глаза не утратили яркости, и, несмотря на смущение и тревогу, она казалась вполне счастливой женщиной.

Из задней комнаты доносился шум – дети снова затеяли игру, слышалось громкое ворчание бабушки: очевидно, та пыталась успокоить шалунов, чтобы вели себя тихо в присутствии гостя.

– Я пришел поговорить об очень старой истории, миссис Райлз, – начал Литтлджон. – Если вас это смущает, пожалуйста, поверьте: меня привело сюда не любопытство, а необходимость. Мы должны, если сумеем, схватить и предать суду убийцу Сайкса и Трикетта, хотя со времени их смерти много воды утекло.

Женщина кивнула, хотя, похоже, не понимала, чего от нее ждут.

– Вы, кажется, встречались с обоими... по очереди.

– Это правда.

Миссис Райлз слабо, неуверенно улыбнулась, словно вспоминала свои полузабытые любовные увлечения двадцатилетней давности. Взгляд потеплел и сделался почти кокетливым. В нем появилась гордость женщины, чья красота когда-то покорила сердца, как бы ни сложилась ее жизнь в дальнейшем.

– Вы с Сайксом поссорились. Не могли бы вы рассказать мне подробно, какие перемены в его характере заставили вас расстаться с ним? Много лет назад вы сказали коронеру, что Инок изменился, верно?

Миссис Райлз покраснела и смущенно стиснула руки:

– Тогда мне так казалось. Чувствам ведь не прикажешь, правда? А я замечала, что на первом месте у него уже не я, а новая страсть – большие планы, как добыть кучу денег и пробиться на самый верх. А мне хватило бы маленького домика и скромных доходов. Но Инок хотел стать настоящим джентльменом, а из меня сделать леди. Наше положение его не устраивало, он метил выше. Похоже, денежки у него водились: мелочь Инок не считал и все твердил, что скоро получит целое состояние, а однажды сам станет хозяином завода. Он мечтал сделаться совладельцем, не меньше, и тогда мы разбогатели бы. Сказать по правде, мистер, я начала его побаиваться. По-моему, он совсем помешался на этих своих грандиозных планах.

– Вы знали, как Инок Сайкс собирался получить деньги? Откуда они могли поступить?

– Нет. И это тоже меня пугало. Раньше, когда он работал на заводе Майлза, мы всем делились, Инок обо всем мне рассказывал. Это были самые счастливые дни, что мы провели вместе. Но вскоре он ушел с завода и стал замкнутым, у него появились свои секреты. Инок закрыл для меня свое сердце.

– Вы поэтому бросили его?

– Да. Я поняла, что с ним никогда не буду счастлива.

Последние слова она произнесла тихо, словно вспоминала благословенное время первой любви. В ее голосе заключено было особое очарование. Простая речь жительницы долины казалась мелодичной благодаря густому, звучному контральто.

– А Трикетт тоже изменился, когда перешел на новую работу?

– Нет. Джереми остался прежним: веселым, бесшабашным. Ему вполне хватало тех денег, что платили на заводе, он мечтал о доме и детишках, любил поохотиться в свое удовольствие. Да, Джереми был забавным.

По лицу миссис Райлз снова пробежала легкая тень грусти, но на сей раз глаза ее блеснули, будто она вспомнила какой-то смешной случай из далекого прошлого.

– Двое друзей поссорились из-за вас?

– Отчасти. Но их дружба дала трещину еще раньше. Инок обращался с Джемери так же, как со мной. Ему вечно не хватало времени на старого приятеля, он был слишком занят своими грандиозными планами.

– Однако один не повинен в смерти другого, теперь это доказанный факт...

– Ни один из них не убил бы другого, такое и представить нельзя! Оба были честными, добрыми людьми, каких еще поискать... пока не ушли с завода Майлза. Тогда-то между ними и возник разлад.

– Вы не знаете, кто мог желать зла им обоим?

– Нет. В городе их любили. Миссис Майлз тяжело переживала их уход, к тому же она лишилась и Хейторнтуэйта. Она хотела сделать Инока помощником управляющего, но он не дал себя уговорить. Пожелал уйти с Хейторнтуэйтом. Вот Джереми и последовал за ним.

– А они тесно дружили с Хейторнтуэйтом?

– Нет. Кaleb воображал себя джентльменом, хотя сам никто, пустое место, хитрый и заносчивый. Когда служил управляющим, то не общался с простыми людьми вроде нас. Но на заводе все увивался вокруг Инока – водой не разольешь. Они вечно держались вдвоем, и, если хотите знать мое мнение, Кaleb выпрашивал Инока и присваивал себе его идеи. Хейторнтуэйт мне никогда не нравился. Это еще одна причина наших с Иноком размолвок.

– Вам не нравился Хейторнтуэйт?

– Так вы еще не встречались со старым Калемом? Посмотрим, как он вам понравится, когда вы его увидите.

– Значит, вам нечего больше сообщить? Ничего, что могло бы пролить свет на случившееся и помочь мне в расследовании?

– Пожалуй, нет. Столько лет прошло. К тому же мне пора. Нужно приготовить мужу чай.

– Да-да, конечно. Простите, что побеспокоил вас и оторвал от дел.

– Да все в порядке, мистер. Не надо извиняться. Но ведь та история произошла так давно, правда?

Литтлджон подумал, что женщина, вероятно, после бурной молодости нашла наконец тихую гавань, хотя ее внешность и жизненные обстоятельства значительно изменились. Он попрощался с миссис Райлз, и та проводила его до дверей.

Смеркалось, рабочие возвращались домой. Людские потоки выплескивались из ворот заводов и мастерских, грубые башмаки грохотали по плиткам, на обшарпанной улочке слышались оживленные голоса и веселые шутки. Когда Литтлджон закрывал за собой калитку, с ним поравнялся небольшой человечек с веселым румяным лицом, поздоровался и повернул к дому. Видимо, муж Мэри Райлз, Джозайа, тот, за кого она вышла замуж через полгода после смерти обоих своих бывших возлюбленных, честолюбивого и беззаботного.

Маленький водопроводчик с седыми усами и в матерчатой кепке нес рабочую сумку с инструментами, из которой торчал носик паяльной лампы. В зубах он держал короткую трубку из верескового корня и с явным удовольствием пускал клубы дыма. Добродушный малый,

решил Литтлджон. Наверное, закончил дела на сегодня, а может, пришел за каким-нибудь инструментом, хотя в это время дня едва ли, уже довольно поздно. Предвкушает приятные минуты за чаем с женой, в кругу семьи.

Провожая взглядом честного трудягу с севера Англии, Литтлджон понял, отчего у Мэри Райлз такой безмятежный довольный вид. С этим мужчиной она жила как за каменной стеной. Он ограждал ее от всякого зла.

Глава 9. Человек из стали

*Зачем, о рыцарь, бродишь ты,
Какая боль в душе твоей?
Полны у белок закрома,
Весь хлеб свезен с полей.¹⁶*

Литтлджон и Хаурт устроились около камина с трубками и бокалами, чтобы обсудить, как продвигается расследование инспектора Скотленд-Ярда. Жены обоих в соседней комнате вязали теплые шарфы и шлемы для солдат, их голоса за стеной то затихали, то звучали громче.

– Пока ясно одно, – произнес Литтлджон. – Чем скорее я побеседую с сэром Калемом Хейторнтуэйтом, тем лучше. Его имя постоянно всплывает в данном деле. Вдобавок вся цепь событий, что привела к ссоре между двумя друзьями и убийству обоих, начинается, похоже, с того дня, когда Хейторнтуэйт ушел с завода Майлза и увел с собой парней на свое новое предприятие.

– Да, Литтлджон, задача вам предстоит трудная. К сэру Калебу не так-то легко подбаться. Он черствее сухаря и угрюмый как сыч. Успех не принес ему счастья, вот что я вам скажу. Одно время в здешних краях о нем ходили всякие мрачные слухи.

– Какие например?

– Ну, прежде всего об обстоятельствах, при которых он ушел с завода Майлза. К тому времени Джонатан Майлз уже давно скончался. Его жена осталась одна с двумя подрастающими сыновьями, и заботы о заводе легли на ее плечи. Миссис Майлз была женщиной умной и решительной. Впрочем, годы ее не изменили – она и сейчас такая, несмотря на почтенный возраст. Вдова совершила настоящий подвиг, взяв дело мужа в свои руки. Она и раньше, при жизни Джонатана, интересовалась заводскими проблемами, но после его смерти целиком отдала себя работе. Конечно, вдова хотела сохранить семейное предприятие, пока мальчики не повзрелеют.

– Но, разумеется, ей пришлось нелегко в мире мужчин-металлистов?

– Она хорошо понимала, на что идет. Эта женщина умела постоять за себя и могла потягаться с лучшими из них. Дочь Мэтью Хардкасла, она принадлежала к местной аристократии, к сливкам общества. Но, как вы верно заметили, ей нужен был мужчина-управляющий. Вот тут и появился Хейторнтуэйт. Он поднялся с самых низов – начинал когда-то подручным в литейном цехе – и дело знал досконально. Однако место простого управляющего его не устраивало, он метил выше. Желал получить долю в предприятии. Вы можете судить о его хватке, когда я скажу, что к тому времени ему не исполнилось еще и сорока. Ходили слухи, будто он сватался к миссис Майлз, хотя та намного его старше. В общем, они повздорили, а причина неизвестна. Поговаривали, что вдова собиралась привлечь Калеба к суду, когда тот ушел, но не сумела. История темная, никто так и не докопался до правды.

– Так после ухода Хейторнтуэйта дела на заводе Майлза покатались под откос?

– Не сразу. Поначалу всем работы хватало: в условиях военного времени у машиностроителей и металлургов не было недостатка в заказах, – но потом сыновья миссис Майлз отправились на фронт и оба погибли. Ее жизнь лишилась смысла. Дела расстроились, завод пришел в упадок. Пока Хейторнтуэйт процветал, миссис Майлз оказалась в долгах, однако сполна рас-

¹⁶ Китс Джон (1795–1821). Баллада.

платилась с кредиторами. Удивительно, но эту женщину ничто не смогло сломить. Она живет в загородном доме с парой слуг и, боюсь, уже не выходит – слишком слаба.

– Думаю, ее мне тоже стоит навестить, если это возможно, Хаурт. Вероятно, сейчас она согласится поговорить о событиях тех лет.

– Даже если и нет, посетить ее надо. Она личность исключительная... и может быть настоящим дьяволом в юбке, если стих на нее найдет.

– А сэр Калев?

– Он заработал порядочное состояние, и довольно быстро, но с богатством возникли и проблемы. Он женился на дочери Люка Кросса. О любви здесь речь не шла, как вы можете догадаться. Эта пара не жила долгие годы душа в душу, их даже никогда не видели вместе. В наших краях говорят: прадед голю был – в богачи вышел, так правнук деньги спустит да голю станет. Ну а Калебу повезло еще меньше – если дальше так пойдет, правнуки не увидят его богатства. Молодого Джона Хейторнтуэйта, единственного ребенка Калеба, интересуют лишь виски, быстрые автомобили и доступные женщины. Отец вечно вытаскивает его из передраг. Теперь Калев единственный владелец завода, и ему уже недолго осталось.

– Значит, миссис Майлз может праздновать победу?

– Да. Калеба все терпеть не могут из-за его скверного характера. Он местный мировой судья, но постоянно грызется с другими судьями и даже пытается поучать секретаря суда и адвокатов, как им вести дела. Кстати, ему пришлось проглотить горькую пилюлю, когда он задумал баллотироваться в парламент от нашего округа. Калев пожертвовал солидную сумму в фонд партии и благодаря этому получил рыцарское звание, а потом какой-то подхалим предложил выдвинуть его кандидатом. Калев решил, что его ждет легкая победа. Местный житель, крупный работодатель в сфере промышленного производства, от него зависят сотни людей. Но они ему показали! Калеба прокатили, да еще как! Победил его соперник, Том Хаул, кандидат от лейбористов. От этого удара сэр Калев так и не оправился. Его преследовали неудачи, и история с выборами стала последней каплей. Сталь – его ремесло, у этого человека стальное сердце, стальной кулак, и, думаю, душа у него тоже из стали.

– Ну, если я отправлюсь беседовать с ним, то буду знать, на что иду.

– Тут вы правы. Но нужно помнить еще одно: он человек тщеславный. Льстите ему, соглашайтесь с ним, и он разговорится. Другое дело, что он может вести речь вовсе не о том, что вам надо.

Литтлджон вздохнул:

– Подобная тактика не в моем вкусе. Однако цель, похоже, оправдывает средства. Я постараюсь, насколько позволит мне самоуважение. Сэр Калев меня всерьез заинтересовал: есть пара вопросов, на которые я хотел бы получить ответы, и прежде всего деньги, что свалились на Сайкса незадолго до убийства. Он где-то раздобыл весьма солидную сумму, достаточную, чтобы обеспечить матери безбедную старость. Возможно, сэр Калев заплатил ему за молчание? Что это, шантаж или награда за услугу? Вряд ли мне удастся вызвать старика на откровенность, но я все же попробую. Может, получится сломить его лобовой атакой.

– Восхищаюсь вашей дерзостью, Литтлджон!

– Сэр Калев любил поохотиться. Ему принадлежала земля, на которой обе жертвы встретили свою смерть. Где он находился, когда прозвучали выстрелы? Прошло двадцать лет, но у меня хватит нахальства спросить его, где он был в то время. Он может вытолкать меня в зашей, только и всего.

Хаурт от души расхохотался, пошатнул табуретку, на которой покоилась его больная нога, и вздрогнул от боли.

– Чертова нога! Будь она неладна! Я пропущу все веселье. Хотел бы я увидеть, как сэра Калеба просят представить алиби.

– Как вы думаете, в котором часу мне лучше отправиться в Спенкляф-Холл?

– Днем вы ничего не добьетесь. Дома вы его не застанете, а если явитесь на завод, немедленно оглохнете от адского шума, который проникает везде и всюду. Вдобавок в кабинете сэра Калеба вечно толпятся подчиненные, они стекаются к нему потоком. Я побывал там в прошлом месяце, когда молодой Джон въехал в столб на главной улице. Он сел мертвецки пьяным за руль и разнес вдребезги знак разворота, превратил свою машину в груды металлолома, а сам не получил и царапины. Похоже, Бог пьяниц любит. В участке дежурил Росс, и он отправил парня на всю ночь в камеру – остудить пыл. Потом вокруг того случая поднялся шум до небес... Но довольно о нем. Вечер – лучшее время. Вы найдете старика дома в любой день.

– Еще нет и девяти часов. А если я отправлюсь туда прямо сейчас?

– Лучше вначале позвоните и узнайте, согласится ли он вас принять. Можете взять мою машину.

– Хорошо. Думаю, это не займет много времени. Я вернусь к вам, если останусь цел, когда мы закончим...

Спенклаф-Холл строился без большого размаха. Квадратный особняк с короткой подъездной аллеей и широкой, посыпанной гравием площадкой перед входом, а вокруг парк, раскинувшийся на несколько акров. Нынешний хозяин купил дом вместе с землей и обстановкой у какого-то разорившегося миллионера. Главные ворота были открыты, и Литтлджон выехал на аллею, не остановившись у будки сторожа. Уже совсем стемнело, и он заметил маленькую деревянную постройку, лишь когда миновал ее.

Дверь открыла пожилая служанка – толстуха в белом чепце и длинном белом переднике с трудом ковыляла. Она напонила Литтлджону горничную из какой-нибудь захолустной гостиницы. Служанка проводила его в маленькую, мрачного вида комнату и включила электрообогреватель, который немедленно принялся отважно, но безуспешно бороться с холодным сырым воздухом. Женщина взяла визитную карточку инспектора и удалилась, оставив его разглядывать помещение. Нагромождение мебели наводило на мысль, что обитатели дома согласно своему вкусу или из сентиментальности не смогли расстаться со скромным скарбом, накопленным в прежние, менее благополучные времена, и втиснули его в комнату, доставшуюся им при покупке вместе со всем остальным.

Служанка почти сразу вернулась и пригласила Литтлджона последовать за ней. Они прошли вдоль холодного, сплошь устланного коврами коридора в кабинет сэра Калеба, когда из радиоприемника в районе кухни донесся звон Биг-Бена – часы на башне Вестминстерского дворца пробили девять.

Сэр Калед Хейторнтуэйт, тучный приземистый мужчина лет шестидесяти, выглядел намного старше своих лет. Тревоги и волнения испортили и его характер, и пищеварение. Крупную голову с огромной блестящей лысиной обрамлял на затылке венчик тонких седых волос. На круглом мучнисто-бледном лице выделялся длинный и острый нос характерного розового цвета, какой бывает при несварении желудка. Довершали портрет плотно сжатые тонкие губы, редкие седые брови, а также твердый подбородок, как и щеки, гладко выбритый. «Кого же мне напоминает это лицо? – задумался Литтлджон и тотчас сообразил: – Грока!»¹⁷ Белая как мел кожа, красный нос, нездоровые пятна румянца на скулах, обширная лысина и жидкие волосенки на затылке вызвали в памяти образ клоуна в гриме. Но картинка мелькнула и исчезла. Бледно-голубые глаза встретили взгляд детектива. Глаза были жесткими, стальными. Крепкий квадратный подбородок выдавал упрямство и напористость. Сэр Калед водрузил на нос очки в черной оправе с широкими дужками. Они отчасти скрывали темные круги у него под глазами, но подчеркивали мертвенную бледность лица. Хейторнтуэйт поднялся и протянул руку гостю, но в этом приветствии не чувствовалось дружелюбия.

– Ну, инспектор, чем я могу быть вам полезен?

¹⁷ Грок (Шарль Адриен Веттах), (1880–1959) – знаменитый швейцарский клоун, композитор и музыкант.

Говорил он чисто, без примеси диалекта, хотя и с заметным североанглийским акцентом.

– Добрый вечер, сэр Калев. Меня привело сюда дело Сайкса – его открыли вновь, после того как на пустоши обнаружили останки...

– Уж конечно, к этому расследованию не стали бы привлекать Скотленд-Ярд. Садитесь.

– Верно. Я встречал Рождество вместе с суперинтендантом Хауртом, а он, как вы знаете, повредил ногу, поэтому вынужден оставаться дома.

– Да. Я об этом слышал.

– Я вызвался помочь ему. Неофициально. Взял на себя всю беготню.

– А что насчет Росса? Разве он не может возглавить расследование?

– У него и без того хлопот хватает. Наше соглашение будет успешным, если только мне удастся склонить к сотрудничеству всех, кто связан с данным делом.

– Полагаю, вы говорите обо мне, инспектор. Но какое отношение имею я к той истории и почему вы явились сюда в столь поздний час? Мне нечего вам сказать.

– Вы близко знали обоих покойных, Трикетта и Сайкса, сэр. Может, вам приходит на память какой-нибудь случай из их жизни или черта характера, любая мелочь, способная дать нам подсказку? Я понимаю, прошло много лет, но нам приходится работать с тем, что у нас осталось, а вы, сэр Калев, осмелюсь заметить, часть этого, ведь вы были их последним нанимателем.

– Ну и чего вы от меня хотите? Я занят, как видите, так что нет нужды ходить вокруг да около. Давайте сразу перейдем к сути.

В тоне Хейторнтуэйта не ощущалось дружелюбия. Он не предложил Литтлджону закурить или выпить, но достал из ящика стола большую трубку и зажег ее, чиркнув спичкой. Затем толкнул к гостю по столу сигаретницу. Это вышло так резко и грубо, что инспектор отказался. Когда свидетель не скрывает враждебности, то и обращаться с ним следует соответственно!

– Что вы можете сказать об отношениях между Сайксом, Трикеттом и другими рабочими в период, когда те двое работали на вас, и раньше, до того как они ушли с завода Майлза вместе с вами, сэр Калев? – спросил Литтлджон.

– Вы, верно, думаете, что у меня хорошая память, инспектор. Что ж, вы правы. На память я не жалуясь, но мне не слишком много известно о том, что делается в цехах. Конечно, Трикетт был обычным механиком. Что до Сайкса, тот служил у меня помощником управляющего и подчинялся непосредственно мне.

– А кто был управляющим, сэр Калев?

– Я сам и вдобавок младшим партнером. Так что можете мне поверить: управляющий не убивал Сайкса из зависти, если вы к этому клоните.

– На заводе Сайкса любили?

– Он был моим человеком. Понимаете, о чем я? Я увел его за собой с завода Майлза, потому что он мне нравился. Сайкс был парнем с мозгами. Люди, как правило, не жалуют начальников, кто бы ни занимал это место, тем более на заводе. Но это не значит, что они бы охотно застрелили его.

Сэр Калев говорил оскорбительно высокомерным, властным тоном. Всем своим видом он показывал, что видит Литтлджона насквозь и отлично знает, о чем тот думает.

– Сайкс не был профсоюзным активистом? – невозмутимо продолжил Литтлджон.

– Нет. Будь это так, я бы не сделал его своим помощником. Я не люблю тех, кто служит и нашим, и вашим.

– Вам не приходилось слышать, сэр Калев, что у Сайкса или Трикетта имелись враги? Влиятельные враги?

– Нет. Сайкс не пользовался особой любовью, после того как получил повышение, я уже говорил, если вы вообще меня слушали. Но я не представляю, чтобы кто-нибудь рискнул собственной шеей и убил его или Трикетта.

– Они ушли с завода Майлза вместе с вами. Уволились сами или их уволили?

– Оба ушли с прежней работы по собственной воле. Сайкс перешел ко мне первым и привел приятеля. – Сэр Калев нетерпеливо поднялся. – Это нас никуда не приведет. Зачем беспокоить меня в такой час вопросами, на которые может ответить любой другой – его мать, например?

– Я хотел выслушать независимое мнение – суждение, которому можно доверять.

– Бросьте, инспектор, мне не нужна ваша лесть!

Однако сэр Калев заметно смягчился, сменив гнев на милость. Литтлджон решил задать еще вопрос:

– Как я понял из полицейских отчетов, тех двоих убили на ваших охотничьих угодьях, вскоре после того как вы с гостями покинули пустошь. В это время вы находились где-то поблизости, сэр?

– Я ждал этого вопроса, инспектор. Итак, вы хотите, чтобы я представил вам алиби? – Взбешенный обладатель рыцарского звания навис над столом, бледное лицо исказилось от злобы. – Идите вы к дьяволу!

– Это мне не слишком поможет...

– А я и не собираюсь вам помогать. С того дня прошло более двадцати лет. Многие из тех, кто там был, уже в могиле. Остальные – глубокие старики, их незачем беспокоить. Почему нельзя просто забыть о том, что давно миновало? Лучше не тратьте время попусту. Вам не раскрыть этого дела, вы не добьетесь больше, чем Пикерсгилл. А что до моего алиби, я расскажу, как все было. Я ушел с пустоши вместе с егерем, тот умер много лет назад. Мы с ним расстались, и меня подбросил на машине один молодой парень. Он служил во Франции, приезжал в отпуск. Так вот: этот малый, что доставил меня домой, потом погиб на передовой. Я добрался до дома и сел за стол обедать вместе с женой. Нам прислуживал дворецкий. Того дворецкого нет в живых, а свидетельство моей жены не может быть принято... В общем, проверять чье-то алиби – пустое дело. Все это ваше расследование просто чушь собачья.

Хейторнтуэйт снова уселся с видом победителя, на его бескровном лице проступил румянец, а глаза с набрякшими веками сверкали злорадством.

– Ведь мне решать, верно? – заметил Литтлджон.

– Вам! Да кто вы такой? Чужак. Вы ничего не знаете ни о местной жизни, ни о том, что происходило в наших краях. Спросите Пикерсгилла и того старого хрыча, его тестя. Они вас вразумят насчет этого дела.

– Что ж, у меня всего один вопрос, сэр Калев. Последний.

– Ну, тогда послушаем и покончим с этим.

– Сайкс умер, оставив матери приличные средства. Более тысячи фунтов. Где такой молодой человек мог добыть подобную сумму? Разумеется, не за счет жалованья.

– Почему вы спрашиваете об этом меня? Можете не сомневаться: из денег, что я ему платил, он не сумел бы скопить столько, хотя в последнее время зарабатывал неплохо... десять фунтов в неделю.

– Вы не выделяли ему средств сверх того... я говорю о единовременной выплате, вознаграждении, денежном возмещении?

– Или о шантаже! Почему бы не сказать прямо? Кто вам внушил этот вздор? В этом нет ни слова правды, что бы вы там ни думали.

Сэр Калев возмущился и сбился на протяжный местный говор – так он обычно бранил своих рабочих на заводе.

– Я ни на что не намекаю, сэр Калев. Вы неверно истолковали мои слова. Деньги откуда-то взялись, и естественно предположить, что это была крупная выплата, заказ или нечто подобное.

– Что ж, ничем не могу помочь! На этом я с вами прощаюсь.

Он поднялся. Литтлджон встал и, уже собираясь уходить, проговорил как бы про себя:

– Полагаю, нам помогут старые банковские счета Сайкса, если они существуют...

Хитрая уловка удалась. Сэр Калев заметно смутился и, нерешительно закусив губу, произнес:

– Прошло немало лет – вероятно, я забыл. Мне нужно просмотреть свои записи. Присаживайтесь, я скоро.

Хейторнтуэйт вышел из комнаты. Литтлджон не сомневался, что тот тратит время, хочет собраться с мыслями. Выстрел, сделанный наугад, попал точно в яблочко. Инспектор усмехнулся: он знал то, о чем, судя по всему, не догадывался сэр Калев, – добраться до банковских записей без предписания суда так же трудно, как до резервов наличности. В ожидании он обвел глазами комнату.

Тяжелая мебель красного дерева. Кресла, обтянутые волосистой тканью. На стенах громоздкие картины в золоченых рамах. Натюрморты, олени и быки на шотландских холмах, коровы в высокой траве, озера. Большею частью мазня, приобретенная, похоже, вместе с домом. Полки с почти новыми книгами в темных кожаных переплетах. На крышке массивного бюро лежал потертый чехол для ружья, отполированный до блеска. Литтлджон задержал на нем взгляд и прислушался. Ни звука. Он бесшумно прокрался по мягкому ковру к бюро, снял чехол и положил на пол. Потом опустился на колени, щелкнул замками и откинул крышку.

Внутри уютно лежали два великолепных охотничьих ружья. Каждое стоило несколько сотен фунтов, не меньше, работа первоклассного мастера! Детектив не стал их касаться, хотя соблазн был велик – ему нравились подобные вещи. Рядом оказалась коробка с патронами. Литтлджон ее не тронул, но заметил название фирмы на старой упаковке: «Ашурт и Холл», Хаддерсфилд. Он закрыл чехол и успел вернуться в свое кресло прежде, чем сэр Калев отворил дверь.

Перед тем как промышленник вошел в кабинет, Литтлджон услышал, как открылась и хлопнула входная дверь. Приблизились медленные шаги – очевидно, вошедший встретил сэра Калева на пороге кабинета. Раздались громкие гневные голоса. Сэр Калев яростно бранил кого-то, а новоприбывший отвечал чуть тише, развязным тоном. Наверное, беспутный сын вернулся домой после очередной попойки. Незадачливый рыцарь появился в дверях с искаженным лицом, покрытым багровыми пятнами, опустился в кресло, помолчал, потом вытянул шею в сторону Литтлджона.

– Когда Сайкс перешел ко мне, я заплатил ему за изобретения, над которыми он работал. Парень согласился продать мне патенты. Я совсем об этом забыл...

– Патенты? А на заводе Майлза они тоже использовались?

– Это вас не касается. Думаю, вы выяснили достаточно для одного визита. Теперь уже задаете вопросы наобум, лишь бы спросить. Но с меня довольно. Мне больше нечего вам сказать, и я не вижу пользы в дальнейшей беседе.

Казалось, нервы Хейторнтуэйта напряжены до предела. Что вывело его из себя: новые вопросы или возвращение сына, – инспектор не знал, хотя догадывался.

– И снова это мне решать, сэр Калев, – произнес он. Обращение Хейторнтуэйта начинало его раздражать. – Спасибо за информацию. Может, я еще зайду к вам. Посмотрим, как будет двигаться расследование.

– Я человек занятой, инспектор. Нужно что-то поважнее всей этой ерунды, иначе я вас не приму. Я никому не позволю попусту тратить мое время.

– Я приду снова, если сочту это необходимым, сэр Калев. И вы меня примете, если будете дома. Отнимать у людей время не в моих правилах, вдобавок я дорожу собственным временем и не терплю, когда приходится расходовать его впустую. Доброй ночи.

Хейторнтуэйт оставил эту отповедь без внимания, звонком вызвал горничную и попрощался с посетителем.

Когда Литтлджон заводил машину Хаурга, где-то рядом взревел мотор. Спортивный автомобиль, стоявший, очевидно, за углом дома, пронесся в опасной близости от инспектора по подъездной дорожке и вылетел в черноту ночи. Затемнение было ему ни о чем. Представитель второго поколения Хейторнтуэйтов спешил оправдать печальную поговорку о голытьбе, что выбилась в богачи.

Глава 10. Трехпалого предали

*У меня нет жены – упаси меня бог, —
Пусть болваны ярмо это тащат!
В дороге жена – обуза одна,
Все брюзжит да ворчит, сатана.*

Амон Ригли

Из персонажей пьесы, что были на сцене, когда произошло двойное убийство, осталось лишь несколько. И один из них особенно интересовал Литтлджона. К нему-то и направился инспектор морозным утром на следующий день после визита к Калебу Хейторнтуэйту. Он решил прогуляться пешком до «Лошади и жокея», чтобы встретиться с Сетом Уигли, бывшим владельцем паба, давно удалившимся на покой.

Старый паб, словно крепость, прочно стоял на земле, открытый солнцу и ветрам Пеннинских гор. У этого заведения были свой характер и история. Суровыми зимами он, бывало, по полтора месяца оставался безлюдным, а в пору молодости Сета Уигли паб славился домашним пивом и обильным столом. В прежние дни, когда продуктов было вдоволь и стоили они недорого, там неизменно подавали коронное блюдо, яичницу с ветчиной, а Сет Уигли умел готовить ее мастерски. Водился там и жареный сыр, и сочный рассыпчатый уэнслидейл¹⁸, который выкладывали одним куском на тарелку, чтобы каждый отрезал себе сам. *Eheu fugaces*¹⁹.

Особого внимания заслуживала вывеска «Лошади и жокея», главная здешняя достопримечательность. Крепкая, побитая ветром и дождями, она висела на самом ветреном углу и покачивалась даже от легкого дуновения. Когда Литтлджон остановился под ней после четырехмильной прогулки вверх по холму, ему страстно захотелось яичницы с ветчиной из былых времен, о которой рассказывал Хауорт. На потемневшей вывеске он разглядел изображение святого Георгия, поражающего дракона! Еще когда в пабе заправлял старый Уигли, здесь появился какой-то бродячий художник и вызвался нарисовать вывеску за ночлег и дармовое пиво. Сет угостил его так щедро, что тот забыл название паба, перепутал лошадей и всадников, однако успел сделать отменную вывеску, прежде чем обнаружилась ошибка. Хозяин нашел шутку забавной и решил, что вывеска послужит хорошей рекламой его заведению. История разошлась по округе, название паба слышали все, и туда толпой повалили любопытные, желающие взглянуть на вывеску.

Миссис Брейсгердл, хозяйка «Лошади и жокея», проводила Литтлджона в маленькую душную гостиную, где перед большим камином сидел ее отец. В комнатке теснились медная кровать, комод красного дерева и громоздкий гардероб. Сет Уигли, обложенный подушками, сидел в кресле у огня, теплый плед полностью скрывал его ноги. Это был полный старик с отечным розовым лицом и белоснежными шелковистыми волосами. Видимо, он страдал водянкой, но, несмотря на почтенный возраст и немощь, лучился весельем и с нетерпением ждал весны, когда его кресло вынесут в сад и он сможет снова вдохнуть свежий воздух любимых вересковых пустошей, почувствовать на щеках прохладный ветерок и солнечные лучи, услышать крики летящих птиц. Сет Уигли внимательно слушал, пока Литтлджон объяснял ему цель своего визита.

¹⁸ Сорг английского сыра.

¹⁹ Как быстротечные мелькают годы (*лат.*).

– Только не смешите его, инспектор, – прежде чем оставить мужчин одних, предупредила дочь, пухлая пышногрудая женщина лет пятидесяти. – Я всегда боюсь, что он лопнет, стоит ему начать смеяться.

Сет с добродушным грохочущим смешком предложил гостю сесть и крикнул, чтобы принесли выпить. Вошла девочка с большой стеклянной кружкой эля. Одарив обоих мужчин сияющей улыбкой, она поставила кружку перед Литтлджоном. Крепко сбитая, мускулистая, грациозная, она была в школьном гимнастическом костюме. Девочка двигалась легко, с плавностью балерины, и Литтлджону невольно вспомнились фигуры танцовщиц Дега.

– Ну, дедушка, я ухожу, – сказала она и поцеловала старика.

– Моя внучка, – с гордостью пояснил Сет. – Учится в школе для девочек в Манчестере. Сейчас она на каникулах, собирается в Хаддерсфилд, там у нее танцевальное выступление, концерт организует «Красный Крест». Великая вещь образование... Эта малышка далеко пойдет, мистер. Паб на болотах не для нее. Ну, инспектор, у вас, наверное, много вопросов: хотите послушать, что тут случилось в день убийства. С тех пор много воды утекло, да и мне теперь немало лет. Когда прогремели те выстрелы, мы малость подумали и решили, что кто-то еще охотится на куропаток в сумерках. Мы не могли поверить, что Сайкс с Трикеттом станут палить друг в друга. А теперь получается, что вместо этого какой-то малый застрелил их обоих.

– Да, и кто бы это мог быть, мистер Уигли? У вас есть предположения?

– Нет, приятель. Может, на дороге в то время и было несколько человек с ружьями, но ни один из тех парней не убил бы хладнокровно другого, а я всех их отлично знаю, уж вы мне поверьте.

– Понятно.

– С тех пор как откопали скелет Сайкса, я все задаю себе вопрос снова и снова: кто мог желать смерти ему и Трикетту? И всегда в голову приходит один ответ: никто! Уже стемнело, когда это случилось. Буллер, егерь – его уже нет в живых, – говорил, что находился в то время на болотах и видел обоих парней, перед тем как раздались выстрелы.

– Да. Жаль, что он не задержался и не проводил их до границ владений Хейторнтуэйта.

– Да. Но вот что мне кажется странным. Если Буллер заметил их, почему же не видел того, кто отправился следом за ними? Конечно, тогда все считали, будто Трикетта прикончил Сайкс. И свидетельство Буллера, похоже, это подтвердило. Но если обоих убили вместе, как могло случиться, что Буллер не приметил третьего, шнырявшего поблизости? А если он кого-то углядел, то почему не сказал об этом на первом дознании?

Верно подмечено, подумал Литтлджон.

– В то время Буллер работал на мистера Хейторнтуэйта?

– Да. Но я не уверен, что его с хозяином связывали теплые отношения. Калев взял его на службу, когда купил охотничьи угодья, потому что Буллер был лучшим егерем во всей округе. Прежде болота принадлежали миссис Майлз, и Буллер работал на нее, а еще раньше – на ее мужа. Для бедняги настал черный день, когда земля сменила владельца. Видите ли, мистер, Буллер с детских лет служил семье Майлз, но ему пришлось зарабатывать себе на хлеб.

– А кто-нибудь еще находился на болотах примерно в это время?

– Ну, я никогда толком не понимал, с чего это Трехпалый Билл так притих на время дознания. Он со своей девкой ночевал в моей конюшне в ночь убийства. Они, наверное, бродили где-то по пустоши, когда застрелили тех парней. Однако Трехпалый молчал как рыба. А в последнее время стал задаваться. Два дня назад явился сюда в стельку пьяный, и Чарли, мой зять, отказался обслужить его. Понятия не имею, где он достал выпивку, но Чарли говорит, Билл наакался рома и разило от него как из бочки. Трехпалый раздувался от самодовольства, важничал да хвастался: дескать, ему привалила удача. Не знаю, что он там задумал, но убежден: ничего хорошего.

– Пожалуй, мне нужно поглядеть на этого Трехпалого, мистер Уигли. Он часто здесь бывает?

– Он точно ветер – то тут, то там. Никто не знает, где его носит. Порой мы видим его два-три раза в неделю, а потом исчезает и не показывается месяцами. Похоже, опять бродит где-нибудь поблизости. Если зайдет, я попрошу Чарли позвонить вам в участок.

– Спасибо.

– Я вам еще кое-что скажу. Вы, верно, решили, что у меня много идей, мистер, но в последнее время мне особо нечем заняться, разве что сидеть да думать. Та рыжеволосая девица, с которой путался Трехпалый, вышла замуж и обосновалась в Уотерфолде. На вашем месте я бы наведлся к ней. Может, она расскажет вам, что случилось в тот вечер. Я слышал, Трехпалый прогнал ее с глаз долой. Он ни одну женщину не мог долго терпеть рядом с собой, хотя эта в молодости была красоткой. На допросе в полиции они держались вместе, впились друг в друга точно пиявки. А теперь, когда Трехпалый ее спровадил... точнее сказать, случилось это лет десять назад, а то и больше, время-то как летит, верно? Вдруг она по-другому запоет?

– Отличная мысль. Вы в превосходной форме, мистер Уигли! Какую фамилию она носит после замужества и где живет?

– Ее звали Пегги Хепурт, а теперь она миссис Фэрбарн. Наверное, моя дочь знает, где они живут. Сара!

– Да, папа? – Запыхавшаяся миссис Брейстердл ворвалась в комнату.

– Рыжая Пег, бывшая подружка Трехпалого... Где она живет в Уотерфолде?

– На Кинг-стрит. Я не знаю номер дома, но любой вам подскажет. Ее муж много лет работал на заводе, а теперь устроился на водопроводную станцию. Вы легко найдете их дом: там над дверью висит табличка «Водопроводчик», чтобы люди знали, куда обращаться, если вдруг прорвало трубу и нужно перекрыть воду.

Миссис Брейстердл явно не терпелось поведать подробную историю жизни Пег после разрыва с Трехпалым, и Литтлджон позволил ей продолжить.

– Удивительно, как эта девушка сумела наладить свою жизнь после такого скверного начала. Большинство женщин, что сворачивают на кривую дорожку, как она, да вдобавок путаются с бродягами вроде Трехпалого, чаще всего заканчивают свои дни в сточной канаве. Ну, на свое счастье, она встретила Джо Фэрбарна. Когда-то Джо был горьким пьяницей и законченным мерзавцем, но «Армия спасения» полностью изменила его. Он порвал с прошлым и начал жизнь с чистого листа. Однажды субботним вечером, после того как Трехпалый прогнал Пег, ее сбила машина на главной улице Уотерфолда. Она особо не пострадала, отделалась синяками да перепачкалась. Мимо проходил маршем отряд «Армии спасения» с гимнами и тому подобным – так Джо и подобрал девушку. Он разглядел в ней лучшее, да и Пег, судя по всему, Джо пришелся по сердцу. В общем, он устроил ее работать на одну из фабрик, а потом женился на ней. Только истинный христианин сделал бы такое для известной оторвы и бродяжки вроде Пег. В общем, они счастливы, у них чудесная семья...

В паб вошел посетитель, и миссис Брейстердл замолчала. Литтлджон тоже собрался уходить.

– Пожалуй, я отправлюсь в Уотерфолд, мистер Уигли, – произнес он. – Собственно, полпути я уже проделал. Отсюда можно доехать туда на автобусе?

– Который сейчас час? Почти одиннадцать. Через десять минут пройдет автобус из Хаттеруорта.

Литтлджон пообещал заглянуть снова и навестить старого Сета, затем поблагодарил его, пожелал всего доброго и покинул паб.

Без десяти двенадцать он уже шагал по центральной улице небольшого городка Уотер-фолда. Оживленная главная дорога тянулась вдоль гребня холма, и от нее, словно ребра от спинного хребта, ответвлялось около дюжины боковых улочек. Здесь стояли заброшенные трехэтажные каменные дома, чьи чердаки, судя по большим окнам, служили когда-то своим обитателям ткацкими мастерскими. Во дворах шумными группами играли дети, собаки и кошки – наступили рождественские каникулы, детвора бегала без надзора и резвилась вовсю. Найти Кинг-стрит не составило труда, и вскоре Литтлджон уже стучался в дверь с табличкой «Водопроводчик», о которой предупредила его хозяйка паба на болотах. Пока инспектор дожидаясь у дверей, соседи с любопытством разглядывали его. Похоже, дурная слава жены водо-проводчика оказалась живучей, и местные любители позлословить следили за ней с жадным вниманием. Литтлджон поднял дверной молоток, чтобы постучать снова, когда дверь открылась и перед ним появилась рыжеволосая женщина.

– Что вам нужно?

Она немного располнела с тех пор, когда шаталась по окрестностям со своим дружком бродягой, однако грузной не стала и для сорока лет сохранилась хорошо. В волосах была седина, на щеках проступила легкая краснота, но держалась женщина с достоинством, следила за собой и выглядела опрятной.

Она и теперь затмевала красотой многих своих худосочных соседок, которые вышмыгнули из коттеджей по обеим сторонам улицы в надежде разузнать, что происходит, и делали вид, будто подметают тротуар или моют окна. Литтлджон объяснил, что он из полиции, и спросил, нельзя ли побеседовать с миссис Фэрбарн наедине. По лицу женщины промелькнула тень страха. Бывшая подруга Трехпалого вела тихую жизнь вдаль от житейских бурь и не горела желанием вновь бросаться в самую пучину.

– Вы пришли по поводу...

– Вам не о чем беспокоиться, миссис Фэрбарн. Я лишь хочу, чтобы вы немного помогли мне в одном деле.

– Что ж, тогда входите, но вам лучше поторопиться. Мой муж должен вернуться с работы в половине первого, мы собирались обедать.

– Я не отниму у вас больше пяти минут.

Хозяйка жестом предложила инспектору войти. Ей явно хотелось узнать больше, но она молчала, сдерживалась. Литтлджон прошел следом за ней вдоль узкого холла в гостиную. Дешевая, из простого дерева мебель отличалась безукоризненной чистотой и сияла полировкой. На полу лежал линолеум. Покрытый белой клеенкой стол был накрыт на четверых. На нем стояли две детские кружки и две чашки с блюдцами. На двух тарелках по холодному пирогу с мясом и еще на двух – по половинке пирога. С заднего двора в комнату прошлепал маленький ребенок с криком: «Мама». Заметив незнакомца, он уткнулся лицом в передник матери и захныкал. Женщина отвела его к задней двери и подтолкнула вперед.

– Иди поиграй в песочнице с Бесси, будь хорошим мальчиком. – Она закрыла дверь и вернулась в гостиную. – Простите меня, инспектор. Я не ждала вас, и у меня еще много работы.

Говорила она чисто. Очевидно, рыжая Пег знавала лучшие дни, до того как встретила Трехпалого. Литтлджону стало любопытно, откуда она родом. Он тактично объяснил цель своего прихода. Женщина густо покраснела и посмотрела на него с холодной яростью. Она заслужила право на достойную мирную жизнь и собиралась сражаться, защищая ее.

– Я не имею отношения к вашим делам! Почему вы докучаете порядочным людям? Прощайте. Дверь там. – Хозяйка указала на холл.

– Извините, миссис Фэрбарн, но все не так просто. Я должен исполнить свой долг, а значит, найти убийцу. Предупреждаю: если вы не поможете полиции добровольно, нам придется принудить вас дать показания публично – вероятно, вызвать в суд повесткой и привести к присяге. Но мы можем уладить это дело сейчас, у вас дома. Вы расскажете мне, что вам известно,

а я обещаю сделать все, чтобы избежать огласки. Мне нужно знать лишь одно: были ли вы с Биллом на болотах вечером в день убийства, когда прозвучали выстрелы, и если да, не видели ли кого-нибудь поблизости. А теперь начинайте, миссис Фэрбарн!

Женщина успела овладеть собой. Наверное, сочла за лучшее смириться и выдержать испытание. Литтлджону она напомнила тигрицу, защищающую своих детенышей и логово.

– Хорошо. Но вы дали слово.

– Да.

– Что ж, мы находились на болотах, когда прогремели выстрелы. Мы уже приближались к «Лошади и жокею». Билл сказал, что с наступлением темноты в конюшне можно найти славный сухой уголок для ночлега. Выстрелы раздались позади нас, посреди пустоши.

– Вы что-нибудь видели?

– Смеркалось быстро, все тонуло в полумраке. «Идем, – позвал Билл. – Незачем нам впутываться, даже если это всего лишь браконьеры». И мы двинулись дальше. Когда обогнули трактир, то увидели фигуру, темный силуэт на горизонте. Кто-то спешил к дороге. Он шел со стороны болот. Но тут мы повернули за угол. «Я знаю, кто это», – сказал Билл. «Кто?» – спросила я. «Не твое дело. Чем меньше знаешь, тем меньше будешь болтать», – отрезал Билл, и больше мы к этому не возвращались. На следующее утро, когда все заговорили об убийстве, Билл заставил меня поклясться, что я буду молчать. Мол, мы ничего и никого не видели. «Полицейские сцапают нас, если выяснят, что мы бродили поблизости, нам надо убраться подальше отсюда этим же утром», – добавил он. Однако нас задержали, и мы с Биллом заявили, будто никого не видели.

– Вам известно, кого узнал тогда Билл?

– Нет. Клянусь вам. Я бы не стала врать, мистер. Мне не нужны неприятности с полицией, да и ни с кем другим. Сейчас я счастлива и хочу, чтобы меня оставили в покое и не напоминали о прошлом.

– Хорошо, миссис Фэрбарн. Спасибо за откровенность, вы нам очень помогли. Я постараюсь не обмануть вашего доверия и позабочусь, чтобы все сказанное здесь не получило огласки. Возможно, вы больше не услышите об этом деле.

– Ну, мистер, придется вам меня извинить. Я уже опаздываю, а мне нужно еще кое-что приготовить к обеду.

Литтлджон покинул дом и направился к остановке автобуса на Хаттеруорт. Теперь ему еще больше хотелось встретиться с Трехпалым и выжать из него правду.

Встреча произошла раньше, чем он ожидал. Когда автобус подъезжал к «Лошади и жокею», инспектор заметил в конце дороги миссис Брейсгердл. Она махала ему рукой. Литтлджон попросил кондуктора остановиться, и хозяйка паба просунула голову в дверь.

– Он здесь, инспектор... явился вскоре после вашего ухода. И уже порядочно набрался, так что вам лучше зайти, если хотите поговорить с ним, – предупредила женщина.

Литтлджон вышел из автобуса и последовал за ней в паб, чтобы провести самый отвратительный допрос за все годы своей службы в полиции. Трехпалый, судя по его виду, ночевал под открытым небом. Нелепую, карикатурную физиономию, которую так ярко описал Хауорт, покрывала густая щетина – бродяга не брился несколько дней. Он был в изрядном подпитии и держался задиристо.

– Трехпалый явился уже навеселе, – рассказала миссис Брейсгердл. – Он держал в руке пустую бутылку из-под рома – видно, осушил ее по пути. Мы бы не впустили проходимца, только я решила, что для вас это хороший случай поймать его.

В зале пили пиво и обедали несколько водителей, чьи грузовики стояли во дворе. Трехпалый стал для них забавным развлечением. Они посмеивались над ним и перебрасывались шутками. Бродяга отмалчивался. Литтлджон тронул его за плечо.

– Я хочу поговорить с вами, давайте перейдем в отдельный кабинет.

Трехпалый сидел, ссутулившись, на скамье у камина. Он поднял голову и произнес:

– Чего вам от меня надо? Придется подождать, пока я промочу горло, – грохнул кулаком по столу Трехпалый и потребовал пива. Литтлджон кивнул хозяйке, та поставила перед бродягой полный стакан. – Это что? Мне нужна пинта или кварта. Так дело не пойдет.

Он осушил стакан в два глотка и снова громыхнул по столу, чтобы принесли еще, но Литтлджон не стал больше ждать.

– Или вы идете со мной в кабинет, или я отправлю вас в камеру в Хаттеруорте!

Трехпалый глухо заворчал, икнул, с усилием выпрямился и, пошатываясь, поднялся. Он шагнул к Литтлджону и заговорил. Голос у него охрип, язык заплетался, его речь представляла собой поток бессвязной тарабарщины. Затем бродяга качнулся назад, наткнулся на край скамьи, колени у него подогнулись, и он с размаху уселся на прежнее место, а в следующее мгновение, не предупредив ни словом, ни знаком, изверг зловонное содержимое своего желудка.

Подлетел хозяин паба, схватил пьяного за ворот, нахлобучил ему на голову грязную матерчатую кепку и поволок его во двор. По пути оба яростно бранились, их руки и ноги скрутились в один узел, словно щупальца осьминога. Подросла хозяйка со шваброй и ведром.

Литтлджон направился к двери вслед за дерущейся парой. За ним потянулись и водители грузовиков. Неприглядная сцена прервала их обед, и они недовольно бормотали угрозы.

Литтлджон окликнул хозяина:

– Где вы его оставили?

– В конце двора, возле коровника. Пусть немного остынет, грязная скотина, черт бы его побрал!

– Заприте его в хлев. Позаботьтесь об этом прямо сейчас. Пусть немного проспится, а если потом не захочет говорить, я позвоню в Хаттеруорт и вызову полицейский фургон. Мы арестуем его за пьяный дебош.

Появилась миссис Брейсгердл. Она успела навести порядок в зале.

– Вы, наверное, не обедали, инспектор? – спросила она. – Хотя после такого вам не захочется...

– Пожалуй, я не отказался бы от сэндвича, миссис Брейсгердл.

– Хорошо. У нас осталось немного ветчины. Будете? Вам лучше подождать в гостиной. Папа сейчас отдыхает, а то вы могли бы составить ему компанию.

В пивной снова воцарилось спокойствие. Со стороны кухни слышался шум – там готовили еду. Литтлджон сидел и ждал. Недавняя сцена испортила ему настроение, вдобавок он успел проголодаться. В комнату скользнула кошка и потерлась о его ноги. Инспектор наклонился, чтобы погладить ее, когда в открытую дверь паба просунулась грязная всклокоченная голова.

– Старье берем! – раздался хриплый голос.

Во дворе остановилась запряженная осликом тележка, и девушка с кухни обменяла какое-то тряпье на точильные камни.

После ветчины с соленьями и яблочного пирога Литтлджон почувствовал себя намного бодрее. Он набил трубку и задумался. Если Трехпалый кого-то видел на болотах сразу после убийства, нужно заставить его говорить. Разумеется, он станет упираться и твердить, будто все забыл за давностью лет. Билл солгал полиции во время первого дознания, и теперь боится, что против него выдвинут обвинение. Что ж, тогда его память придется освежить. Инспектор поднялся и позвал хозяина. Появился Брейсгердл. Они вместе отправились в хлев, чтобы выпустить Трехпалого.

Бродяга спал на куче сена. Возле него валялась пустая бутылка из-под рома. Очевидно, он выпил ее уже взаперти.

– Похоже, у него в кармане лежала еще одна бутылка. Чертова пьянь, – проворчал Брейсгердл и пнул ногой бродягу.

Литтлджон наклонился и тряхнул Трехпалого за плечо. Тот остался лежать без движения. Мужчины оттащили его к двери. Он прерывисто хрипел и дышал с трудом. Лицо посерело. Литтлджон присел на корточки, приподнял его веко и с невнятным возгласом вскочил.

– Давайте вынесем Трехпалого отсюда на воздух и попробуем привести в чувство. Нужно разбудить его. Попросите миссис Брейсгердл позвонить доктору и скажите, чтобы тот захватил с собой желудочный зонд. Может, бродяга перебрал рома или с ним случился удар, но, по моему, это наркотическое отравление.

Они плеснули водой Трехпалому в лицо, подхватили его под руки и вытащили на воздух, попытались оказать первую помощь, обычную в подобных случаях, но бедняга лишь беспомощно висел у них на руках. Его не удалось напоить ни кофе, ни рвотным: все вытекало у него изо рта.

Незадолго до прихода врача пульс бродяги стал совсем слабым, дыхание затихло, и Брейсгердл с Литтлджоном поняли, что пытаются привести в сознание мертвеца.

Глава 11. «Лошадь и жокей»

*В сторону манит свернуть
Кровли тень.
На пороге девушка ждет,
И сулит ее взор отраду.
Пей! Мне тоже, девушка,
В сердце влей эту брагу,
Этот питающий бодростью взгляд²⁰.*

Мистер Саймон Миллз решил провести коронерское дознание в «Лошади и жокее». Убийство произошло в административных границах Торна, небольшой деревни на болотах, где две дюжины домов теснились вокруг разрушенной шерстяной фабрики и неконформистской церкви. Последняя служила, как правило, средоточием местной светской жизни, а трагический случай с бродягой, умершим на пороге церкви в 1847 году, позволил с полным правом превращать ее по мере надобности в зал суда. Однако мистеру Миллзу недоставало душевного пыла, с которым прихожане Торна в ту зиму, когда погиб Трехпалый, праздновали все четыре воскресенья Святого Пришествия при десятиградусном морозе, пока за счет благотворительных распродаж, сборов и пожертвований не собрали нужной суммы на ремонт отопления в церкви. Коронер рассудил, что большой зал паба лучше подойдет для дознания, поскольку к тому времени на вершинах гор уже лежал снег.

Два дня, прошедших между внезапной кончиной Трехпалого и коронерским слушанием, Литтлджон работал как одержимый. Он не только начал выяснять причину скоропостижной смерти бродяги, но рьяно продолжил расследование двойного убийства на болотах. Инспектор нанес визит старой миссис Майлз, бывшей владелице литейно-механического завода, в ее мрачном старом доме в Хаттеруорте. Побывал он и в «Погребке Питера», где долго беседовал с хозяином, Питером Буллером, сыном покойного егеря охотничьих угодий на болотах. Вдобавок у него состоялся весьма содержательный разговор с работниками оружейной фирмы из Хаддерсфилда – речь шла о сугубо технических вопросах.

Доктор Гриффитс вскрыл тело Трехпалого и, прежде чем зашить снова, обнаружил, что на момент смерти от лошадиной дозы снотворных таблеток, растворенных в роме, покойному грозила неминуемая и довольно скорая кончина из-за цирроза печени, порока сердца, общего физического истощения и полного пренебрежения к собственному здоровью. Тело оказалось в таком ужасающем состоянии, что врач поспешил скорее закончить вскрытие.

Инспектор Росс показал себя опытным полицейским и немало помог Литтлджону в расследовании нового убийства. Высокий блондин с фигурой атлета и свежим румяным лицом, он носил небольшие усики песочного цвета. Росс жил холостяком, и многие достойные девушки Хаттеруорта надеялись заполучить его в мужья, однако он, похоже, неплохо обходился без жены. Все свое время он отдавал работе и репетициям хора полицейских. Под его руководством хор успешно выступал с концертами и получал награды на музыкальных фестивалях.

Хауорт, Росс и Литтлджон провели совещание в полицейском участке, куда инспектор Скотленд-Ярда доставил хромающего суперинтенданта, который, вопреки советам врача, твердо решил выбраться из дому.

– Ну, теперь-то мы найдем наконец, за что ухватиться в данном деле, – заявил Литтлджон. – Трехпалый что-то знал, некто неизвестный посчитал это опасным и заставил его замол-

²⁰ Гете Иоганн (1749–1832). Бравому Хроносу.

чать. Отсюда следует вывод: виновный в смерти Трикетта и Сайкса еще жив. Трехпалый знал убийцу и представлял угрозу, а потому его следовало убрать.

– Верно, – кивнул Хаурт. – Вы говорили, в последнее время Билла так и распирало от самодовольства: люди замечали, как он ходит с видом победителя. Вероятно, он задумал поживиться. Найденный на болотах скелет доказал, что Сайкс не убивал Трикетта. Это сделал тот, кого, по словам Пег, Трехпалый видел на пустоши в день двойного убийства. Бродяга отважился на шантаж, но встретил решительного противника и получил больше, чем потребовал.

– А значит, – подхватил Росс, – мы должны прочесать окрестности и выяснить все передвижения Билла до того, как тот появился в «Лошади и жокее».

Росс и Литтлджон успели выполнить массу рутинной работы. Они обнаружили, что Трехпалый держал при себе две плоские бутылки с ромом. Находка навела Росса на блестящую мысль, что бродяга имел обыкновение переливать спиртное в небольшие бутылки, похожие на фляги, которые легко умещались у него в карманах. Это удобнее, чем таскать с собой громоздкую обычную бутылку. Росс отправил трех констеблей искать на обочинах дороги большую пустую бутылку, и его проницательность не осталась без награды. В канаве примерно на полпути между Хаттеруортом и «Лошадью и жокеем» лежала темная бутылка без этикетки, пустая, но еще пахнувшая ромом. О своих последних достижениях Росс отчитался перед старшими коллегами.

– Трехпалый куда-то зашел в Хаттеруорте или в здешних окрестностях, кто-то дал ему денег и выпивку. Вероятно, тот, кого он шантажировал. У него в карманах осталось десять фунтов грязными банкнотами, которые мы, наверное, не сумеем отследить, и немного мелочи. Еще складной нож, кусок веревки, удостоверение личности, продовольственные карточки и разрешение на уличную торговлю, а также трубка, табак и спички. Это все, и нам от этого мало проку. Наверное, он нес в кармане большую бутылку рома, пока не вышел за черту города, затем наполнил две свои фляжки, а остатки выпил. На всех трех бутылках только его отпечатки, других нет.

– Вы провели экспертизу остатков спиртного на дне каждой бутылки? – спросил Хаурт.

– Да, сэр. Во всех трех мы нашли примесь снотворного. Лекарство добавили в большую бутылку, перед тем как отдать ее Трехпалому.

– Если он выпил немного, когда наполнял свои фляги, то почему не свалился в придорожную канаву где-нибудь по пути?

– Полагаю, сэр, в большой бутылке осталось не так много, когда он перелил ром. По крайней мере, недостаточно, чтобы свалить его с ног. Вероятно, он почувствовал действие снотворного, однако решил, что просто устал, и потому зашел в паб передохнуть. Первую флягу осушил по дороге, но, как рассказал нам инспектор Литтлджон, в пабе Билл выпил еще стакан пива, а затем его вырвало. Так он избавился от значительной части первой дозы и, наверное, спокойно проспал бы до утра без последствий, но, оставшись один в хлеву, Трехпалый взялся за вторую бутылку. Это его и убило. Вдобавок к тому, что еще оставалось у него в желудке, а не хлынуло фонтаном на пол в баре, вторая доза оказалась смертельной.

– По-моему, звучит разумно. А что скажете вы, Литтлджон?

– Во второй бутылке осталось примерно две чайные ложки рома. Я отправил половину с нарочным одному своему другу в Скотленд-Ярд. Мы получим полный отчет об этом роме. Между разными сортами спиртного существует множество различий, особенности этого напитка нам помогут.

– Старый Сет Уигли говорит, это хороший ром, на порядок лучше того, что поставляют виноторговцы в обычные пабы. А уж Сет понимает толк в спиртном, хотя и не разбирается во всякой там сложной химии. Но чего не знает о выпивке он, того и знать не стоит, – добавил Росс.

– Да, – кивнул Литтлджон. – Но с другой стороны, на большой бутылке не было этикетки. Что это может означать?

– Либо наклейку сняли нарочно, либо бутылку наполнили из бочки в чьем-то винном погребе, – продолжил Хаурт.

– Вот именно.

– В чьем?

– Этого мы не можем сказать, пока не придет отчет моего приятеля из Скотленд-Ярда. Тогда нам будет над чем поработать. Мы получим его завтра утром.

Хаурт с усилием поднялся и нетерпеливо взглянул на инспектора с высоты своего роста.

– Хорошо бы нам сейчас перекусить, если мы хотим успеть на дознание к двум часам. Вы с женой обедаете сегодня у нас: по такому случаю миссис Хаурт готовит отменный пирог с мясом и картофелем, хочет угостить миссис Литтлджон. Так что поспешим.

При упоминании о кулинарном шедевре жены шефа глаза Росса блеснули. Суперинтендант усмехнулся:

– Идем с нами, Росс. В жизни не встречал такого обжоры!

Когда позднее полицейские прибыли в «Лошадь и жокей», там царило оживление. Желающих выпить и закусить обслуживали теперь не в большой гостиной, а в баре у пивной стойки; преобразенный зал отдали в распоряжение мистера Саймона Миллза и его жюри. Сет Уигли так разволновался в ожидании суда, что его запросто мог хватить удар. Чтобы избежать опасности, ему тайком подмешали в питье снотворное (конечно, не столь сильное, как то, что послужило причиной столпотворения в заведении), и старик мирно проспал все слушание. После его пробуждения, когда улегся шум и затихли крики, дочь Уигли решила, что лучше бы отец присутствовал на дознании – гневная вспышка могла причинить ему больше вреда. В конце концов в нарушение предписаний доктора старого Сета удалось умиротворить порцией жареного сыра с луком, приготовленного по его указанию из скудных запасов, которые нашлись в кладовой, после чего он снова уснул. На следующее утро старик проснулся бодрым, в превосходном настроении и заявил, что уже многие месяцы не чувствовал себя так хорошо.

Когда мистер Саймон Миллз прибыл в свой странный судебный зал, он обнаружил пеструю толпу зрителей за выпивкой в баре. Во дворе и между сараями тоже скопился народ. Публика прибывала, по обоим склонам холма – из Уотерфолда и Хаттеруорта – к пабу тянулась нескончаемая процессия. Это зрелище напоминало празднование Великой пятницы или дня Святой Троицы. Еще до того, как началось официальное слушание, толпа, накачавшись элем миссис Брейсгердл, уже провела собственное дознание и вынесла вердикт: «Убийство совершено неизвестным лицом или лицами». Их ждало разочарование: коронер прервал заседание и отложил дальнейшее разбирательство.

Большое стечение публики не вызвало досады у мистера Миллза. В действительности он наслаждался успехом и сожалел, что нельзя воспользоваться громкоговорителем, чтобы его речи на дознании слышала вся огромная толпа, не вместившаяся в зал суда. Жюри присяжных состояло из фермеров с болот, пары лавочников и двоих суконщиков из Торна. Жители этой деревни, народ косный и недоверчивый, издавна женились на своей родне, чтобы сохранить деньги в семье, а потому все состояли в родстве. Близкородственные браки из поколения в поколение наложили след на их внешний вид, и двое присяжных на коронерском дознании не составляли исключения. Оба были маленького роста, большеголовые, с узкими заостренными лицами и глазами, обведенными красной каймой. Оба не отличались многословием. Между собой они говорили свободно, но чужакам отвечали односложно, словно опасались, что малейший дружеский жест может обернуться губительными последствиями: чужак решит, чего доброго, будто ему все дозволено, окрутит их дочерей, вотрется в семьи и растащит скопленное за долгие годы добро. Они пообедали принесенными из дома бутербродами. Оба жевали без-

зубыми деснами, а вставные челюсти вынимали ради удобства и заодно из желания сберечь. Потом они попросили пышную девицу за стойкой налить им по стакану воды.

– На народишко из Торна это похоже, – усмехнулся Брейсгердл, щедро наливая воду из крана. – Они там все слишком жадные, а потому сплошь трезвенники.

Колокольчик мистера Саймона Миллза призвал жюри занять свои места. Двое из Торна торжественно вставили на место челюсти и вошли в зал, полные решимости обвинить в предумышленном убийстве кого угодно, кроме членов собственного тесно сплоченного клана.

Присяжные уже осмотрели тело покойного, которое, как и в 1847 году, выставили с этой целью в притворе церкви. Они слышали показания судебно-медицинского эксперта, доктора Гриффитса, и ужаснулись при мысли, что источником смерти мог стать ром. Долгие месяцы потом никто из побывавших в тот день в «Лошади и жокее» не брал в рот даже капли этого напитка. Жертву опознали несколько свидетелей. Нашлось много желающих выступить в этой роли и помочь правосудию в обмен на возможность взглянуть на труп. Супруги Брейсгердл и Литтлджон описали события, предшествовавшие смерти Трехпалого, а один из очевидцев, водитель грузовика, подтвердил их показания и удалился, крайне недовольный тем, что его вызвали аж из самого Лидса ради крохотной, почти бессловесной роли.

Суперинтендант Хауорт и мистер Миллз долго совещались перед началом заседания и договорились отложить повторное разбирательство без подробного допроса полиции, поэтому о бутылке с ромом на дознании говорилось мало: заслушали лишь показания инспектора Росса о двух пустых флажках. Между тем Хауорт, чья хромота не осталась незамеченной, ловил на себе сочувственные взгляды публики. Литтлджона разглядывали с любопытством и даже с гордостью. «Похоже, Хаттеруорт становится знаменитым, если в дела местного правосудия вмешивается человек из Скотленд-Ярда», – читалось на лицах зрителей. Однако двое присяжных из Торна смотрели на инспектора с подозрением и враждебностью, как на мошенника.

Мистер Миллз заявил о своем намерении отложить дальнейшее разбирательство. Двое мужчин из Торна встрепенулись и завели оживленный разговор со старшиной присяжных, после чего тот поднялся и спросил коронера, соберется ли жюри в прежнем составе, поскольку некоторые присяжные вынуждены на время слушания отрываться от работы за ткацким станком, что лишает их заработка. И еще – предусмотрена ли выплата компенсации за подобные убытки. После этих слов публика в зале зашевелилась, зашептала о характере жителей некой деревни.

Мистер Миллз сдернул очки, смерил испепеляющим взглядом обоих суконщиков и объявил собравшимся, что насчет состава будущего жюри ничего обещать не может, однако нынешние присяжные никоим образом не освобождаются от обязанности вновь принять участие в слушании. Что до издержек, то его удивляет, как граждане страны могли столь низко пасть, чтобы измерять деньгами свой общественный долг. В заключение коронер сообщил, что следующее заседание суда откладывается на неопределенный срок.

Двое присяжных из Торна после горячих препирательств с помощником коронера отправились, полные возмущения, туда, откуда пришли. В деревне их история вызвала бурю негодования, соседи полночи ходили из дома в дом, пока весть о вопиющей несправедливости не облетела весь Торн и не достигла ушей даже самой отдаленной родни. После этого фамильный клан дружно отказался от услуг фирмы «Баттеруорт, Коги, Миллз, Баттеруорт и Миллз» из Хаттеруорта и передал свои дела конторе «Лемюэль Харрисон и сын, Суоллоу и Бич» из Уотерфолда.

Мистер Миллз отбыл в четыре часа, однако неофициальное разбирательство на заднем дворе «Лошади и жокея» продолжалось до половины шестого, до самого открытия паба. В шесть часов иссякли запасы пива, и прения возобновились. Стороны пришли к согласию лишь к шести сорока, когда из Хаттеруорта доставили новые бочки.

Глава 12. Железная женщина

*Свой век влачит он без детей
В существованье скудном²¹.*

Когда Литтлджон пришел к миссис Миллз, его проводили в большую гостиную мрачного старого дома в так называемом «верхнем городе», предместье Хаттеруорта. Здесь нашла себе пристанище пожилая дама после краха семейного предприятия и расчетов с кредиторами. С годами она все реже выходила из дому, пока окончательно не стала затворницей, чье окружение составляли лишь экономка да кухонная служанка, впустившая детектива.

Жилище вдовы казалось темным и заброшенным. Комната, в которой Литтлджона попросили подождать, не отапливалась, несмотря на холодное время года. Пахло пылью и запустением, громоздкую мебель покрывали холщовые чехлы. Дубовая, обильно украшенная резьбой, эта мебель стоила когда-то немалых денег. Наверное, уцелевшие остатки обстановки прежнего большого дома, подумал Литтлджон. Изящный длинный обеденный стол посреди комнаты напоминал о временах, когда миссис Майлз принимала у себя цвет местного общества. Стол окружала дюжина стульев, обитых тусклыми гобеленами. Семейные портреты в рамках украшали стены. Литтлджон посмотрела на торшер с выцветшим розовым абажуром, на побитые молью шкуры на полу, пыльный индийский ковер. Странную, печальную картину старения и упадка.

Вернулась служанка и пригласила инспектора следовать за ней. К удивлению Литтлджона, его повели на второй этаж, где обычно располагаются спальни. Наверху девушка постучала в дверь, затем впустила его в комнату. Первое, что бросилось ему в глаза, – широкое окно с одним большим стеклом в нижней створке. Из окна, подобно картине в раме, открывался прекрасный вид на отдаленные пустоши в бурых зарослях папоротника и вереска, на дальнем плане маячили покрытые снегом холмы. Дорога, словно кайма, тянулась по краю болот. В конце ее вдалеке виднелся паб «Лошадь и жокей». Обстановкой комната напоминала фешенебельную квартиру-студию где-нибудь в Кенсингтоне. Один угол занимала большая старомодная кровать с пологом. Посередине располагались маленький стол и два уютных мягких кресла, пол устилал турецкий ковер, а на стенах висели три изумительные акварели.

В камине ярко горел огонь, а у огня, в высоком кресле с прямой спинкой, повернутом так, чтобы видеть пейзаж за окном, сидела миссис Майлз. Она казалась очень старой. Маленькое сморщенное личико, здоровый румянец на щеках, блестящие карие глаза. Седые волосы заплетены в косу и собраны узлом на затылке. Крупный рот с полными губами плотно сжат. Высокий морщинистый лоб придавал своеобразное благородство ее спокойному, безмятежному лицу с большим, хорошей лепки носом, широкими гордыми ноздрями и твердым круглым подбородком. В негромком, чистого тона голосе слышалась усталость. Миссис Майлз выглядела не дряхлой и жалкой, а глубоко несчастной, погруженной в неизбывную печаль, как те, у кого уже не осталось иллюзий.

– Простите, что заставила вас подняться сюда, но я теперь не покидаю этой комнаты, – произнесла она, когда детектив назвал свое имя. Казалось, цель визита инспектора не вызвала у нее ни тревоги, ни любопытства. – Телефон – моя единственная связь с внешним миром, когда мне что-нибудь нужно, а это случается редко. Мир давно позабыл обо мне и ушел далеко вперед; сомневаюсь, что я узнала бы его, если бы решилась выйти сейчас из дому. Лишь неболь-

²¹ Вордсворт Уильям (1770–1850). Саймон Ли.

шой клочок земли, какой виден мне из окошка, не изменился с тех пор, как я была девочкой. Боюсь, теперь я даже лестницу не смогла бы преодолеть.

Минуту или две они говорили на общие темы. Литтлджон похвалил акварели, особенно одну, с изображением дороги через болото, которая теперь была хорошо ему знакома, и с неизменным силуэтом «Лошади и жокея» вдалеке.

– Так вам они понравились, инспектор? Я назвала эту картину «Дорога через пустошь». Ее написал один мой друг... вот уже сорок лет, как его не стало... думаю, это лучшее, что он создал. Его ожидало большое будущее... он умер в двадцать четыре года.

Детектив объяснил хозяйке, что привело его к ней.

– Я пришел расспросить вас о событиях двадцатилетней давности, миссис Майлз. Наверное, вы слышали о сенсационном повороте в деле Трикетта и Сайкса?

– Да. Моя экономка собирает все здешние новости.

– Если это не слишком утомит вас, миссис Майлз, не могли бы вы рассказать мне, как Хейторнтуэйт, Трикетт и Сайкс ушли от вас? Вероятно, этим поступком они нажили себе врагов?

Пожилая дама помрачнела и выставила вперед дрожащий подбородок.

– Да! – бросила она. – Они нажили смертельного врага прежде всего во мне, и, если двоих из этой дьявольской троицы настигла жестокая смерть, я не испытываю ни малейшего сожаления. Плохо, что третий и худший из них не издох тогда же!

Ее гнев быстро иссяк. Миссис Майлз схватила ртом воздух, словно яростная вспышка лишила ее сил, потом вытерла платком губы и затихла. Она разгладила на коленях темное саржевое платье и продолжила:

– Моя история очень длинная, инспектор. Она охватывает тридцать пять лет, но пересказать ее можно коротко. Муж мой умер молодым, в сорок с небольшим, в тысяча девятьсот двенадцатом году. Я осталась с двумя сыновьями, оба еще ходили в школу. Мне пришлось управлять старым семейным заводом, пока мальчики не подрастут и не возьмут дело в свои руки. Мы специализировались на текстильном оборудовании, ткацких станках. Майкл, мой старший сын, собирался продолжать образование в Кембридже, но когда умер его отец, пошел работать. Патрик остался в школе. Мики был прирожденным инженером и успешно справлялся с делами. Вот мои мальчики... – Она с грустью указала на фотографии в рамках, стоявшие на столе: портреты двух красивых молодых людей в офицерской форме. – Мики погиб в Галлиполи в тысяча девятьсот пятнадцатом году. Пат – в битве при Камбре в тысяча девятьсот семнадцатом. Они все, что у меня оставалось, и, когда Пата не стало, мне казалось, я умерла вместе с ним.

Миссис Майлз отпила глоток из термоса, стоявшего на каминной полке.

– Инспектор, можете курить, если хотите. Я закурю. – Она предложила ему портсигар. Литтлджон взял сигарету, дал прикурить даме и закурил сам. Миссис Майлз затянулась по-мужски и пыхнула дымом, как заядлый курильщик. – Пока муж был жив, он сам управлял заводом. После его смерти я предложила должность управляющего Калебу Хейторнтуэйту, молодому человеку, которого мой муж забрал из литейного цеха, обучил всему и сделал своей правой рукой. Я стала директором-распорядителем вместо мужа. Вначале я мало что знала о производстве, но быстро освоилась. Мне пришлось приложить все силы, поскольку моей первой и главной задачей в жизни стало сохранить безупречную репутацию семейного предприятия, удержать его на достойном уровне, не уронить высокую планку, какую задавал мой муж, а еще раньше – его отец. Сайкс ходил у Хейторнтуэйта в любимчиках. Он взял его под свое крылышко и обучил на помощника управляющего. Я не возражала, при условии, что заводу это принесет пользу.

Миссис Майлз откинулась на спинку кресла и замолчала, словно перебирала в памяти события далекого прошлого. Потом заговорила снова:

– Однако Хейторнтуэйт оказался негодяем и скоро показал свое истинное лицо. Власть и могущество вскружили ему голову, он не выдержал этого испытания. Хейторнтуэйт начал позволять себе вольности со мной. Я никогда не забуду то утро... это случилось у меня в кабинете, Калев долго мялся, ходил вокруг да около, прежде чем перейти к сути... Наконец он заявил, что в двойной упряжке мы составим прекрасную пару. Иными словами, не выйду ли я за него замуж. Наглый мужлан... Я быстро поставила его на место! Если бы один из рабочих формовочного цеха сделал мне предложение, я поблагодарила бы его за комплимент. Но Хейторнтуэйт... Он держался так, будто делал мне одолжение. Когда он явился в следующий раз для серьезного разговора, то вел себя иначе. Теперь он пожелал занять место в правлении. Я решила, что с меня довольно. Достаточно я терпела. Я ответила ему, что считаю себя доверенным лицом своих сыновей и ни при каких обстоятельствах не поступлюсь их интересами. Хейторнтуэйт уже какое-то время увивался вокруг Люка Кросса, и я догадывалась, как он поступит. Он уволился и стал компаньоном Люка. Ушел в конце той же недели и взял с собой приятелей, Сайкса с Трикеттом. А в следующий понедельник я узнала, что Мики убили.

Руки миссис Майлз вцепились в подлокотники кресла: казалось, она вновь переживает свое горе. Затем пальцы ее разжались.

– Хотя я и презирала этих трех перебежчиков, мне их не хватало. То были трое лучших моих работников. Я взяла на их место других, но теперь, когда Мики не стало, все изменилось. Однако у меня еще оставался Пат, нужно было думать о нем, и пришлось взять себя в руки. В то время мы обеспечивали нужды фронта и неплохо зарабатывали. Хейторнтуэйт на новом месте тоже стал обслуживать военные заказы, и завод Люка Кросса, едва сводивший концы с концами, начал стремительно набирать обороты. Я выяснила, что эта троица прихватила с собой множество идей, которые считались собственностью моего предприятия, но не смогла защитить свои права, потому что власти в то время думали лишь о снабжении армии. Больше оружия, больше боеприпасов и амуниции – вот и все, что их заботило.

– Да, – кивнул Литтлджон. – Если бы в то время вы начали тяжбу, это не прибавило бы вам популярности.

– В общем, мы выполняли кое-какую прежнюю работу, занимались ремонтом и обновлением оборудования, а главное, выпускали новые ткацкие станки. В те годы текстильные и швейные фабрики работали на полную мощность – поставляли военное обмундирование и снаряжение. И вот я обнаружила, что заказы на станки, которые мы производили для фабрик в Уэст-Райдинге, уже не поступают к нам, а перешли к заводу Кросса. Оказалось, что Люк и Калев снизили цены и переняли наши технические решения. Тогда я послала своего человека изучить их работу. Хейторнтуэйт с друзьями использовал изобретение, которое запатентовал Мики, когда работал на заводе! Я почувствовала, что наконец-то поймала их. Я вызвала Хейторнтуэйта и сказала ему, что мне все известно. Он перешел черту и понимал, что попался. Хейторнтуэйт ползал у меня в ногах, умолял не давать делу хода, предлагал деньги. Я ответила, что представляю интересы своего сына и накажу мошенников в назидание другим не только за этот проступок, но и за все остальное, ведь Хейторнтуэйт со своими подельниками украл и другие наши открытия и секреты, а затем использовал против меня. Я сказала, что в следующий раз он будет говорить уже не со мной, а с моим адвокатом.

Миссис Майлз провела рукой по лбу, потом потянулась к термосу и сделала еще глоток. Она выглядела усталой.

– Наверное, на сегодня достаточно, миссис Майлз. Не хочу вас утомлять. Лучше я зайду в другой раз, – мягко произнес Литтлджон.

– Мой рассказ завершается, инспектор. Прежде чем мой поверенный взялся за дело всерьез, я получила известие, что Пат погиб во Франции. Я отказалась от иска к Хейторнтуэйту. Какой в этом прок? Завод перестал меня интересовать. Закончилась война, наступил мир, работа утратила для меня смысл. Я забросила дела. А Хейторнтуэйт тем временем убедился,

что я не стану преследовать его по суду, и почувствовал себя увереннее... Правда, работал он теперь один. Трикетта застрелили, а Сайкса обвинили в убийстве. Хейторнтуэйт избавился от... Нет, наверное, это прозвучит так, будто я обвиняю его в двойном убийстве... Конечно, утверждать я не могу, но с него станется. Двое свидетелей происков Хейторнтуэйта против меня оказались мертвы. Люк Кросс отошел от дел, а завод оставил Калебу. С тех пор тот быстро пошел в гору и уже не оглядывался назад. А мой завод постепенно приходил в упадок. Вскоре мне пришлось отказаться от него, чтобы расплатиться с долгами. Я продала старый дом и переехала сюда вместе со своими воспоминаниями. Здесь я и живу.

Какое-то время они сидели в молчании, затем пожилая дама спросила:

– У вас есть еще вопросы, инспектор?

– Один или два, если не возражаете, миссис Майлз.

– Да?

– Как я понял, Буллер, егерь, последним видевший в живых Сайкса и Трикетта, когда-то служил вашей семье и оставался верен вам до самой смерти, хотя и работал на сэра Калеба, после того как вы продали охотничьи угодья. Он никогда не рассказывал вам о том, что заметил вечером на болотах в день убийства?

– Нет. Мы с ним почти не встречались с тех пор, как он ушел со службы. Охотничьи угодья я продала в первую очередь. Хейторнтуэйт купил их через подставное лицо, иначе бы ему их не видать. В ту пору я любила пострелять... – Она окинула Литтлджона пронизательным взглядом. – Только не думайте, будто я взяла ружье и пристрелила эту славную парочку, инспектор. Вы идете по ложному следу.

– Мне такое и в голову не приходило, миссис Майлз!

– Я находилась далеко от болот в тот вечер. Ездила в Уотерфорд к Элверам, мы пили чай. Это мои старые друзья, но теперь они уже скончались, так что не могут подтвердить мои слова.

Литтлджон поднялся и попрощался с миссис Майлз.

– До свидания, инспектор. Уверена, вы скоро схватите виновного. Нелегкая у вас работа.

– До свидания, миссис Майлз, спасибо. Надеюсь, я не слишком вас утомил своими вопросами.

– Всего нет. Мне не мешает иногда побыть в компании и поговорить, даже если я начинаю перебирать старые обиды... Рада, что вам понравились мои картины. А теперь я немного подремлю перед вечерним чаем.

Миссис Майлз позвонила, и явилась служанка. Литтлджон следом за девушкой спустился по лестнице. Внизу они прошли мимо высокой мужеподобной женщины с мясистым квадратным лицом и хмуро сдвинутыми темными бровями. Наверное, экономка, решил Литтлджон. Она молча смерила инспектора угрюмым взглядом с головы до ног. «Какая муха ее укусила?» – подумал Литтлджон.

Когда за ним закрылась дверь, он представил ее неподвижную фигуру в темном холле и мрачный взгляд, устремленный ему вслед.

Довольный, что вновь оказался на свежем воздухе, инспектор закурил трубку и зашагал прочь: в его планах на этот день значился еще не один пункт.

Глава 13. «Погребок Питера»

*Мрут его овцы от парши и глада.
Стоит у них в загоне затхлый дух...*²²

«Погребок Питера» на Маркет-плейс в Хаттеруорте принадлежал к числу тех мест, где трудно утолить голод. Владелец заведения, Питер Буллер, не мог позволить себе роскошь обзавестись шеф-поваром, как в шикарном ресторане, и выбрал компромисс: в его погребеке подавали скудные бутерброды, яичницу на тостах, вальдшнепов по-шотландски, корнуэльские пирожки и с дюжину или больше кулинарных причуд и выкрутасов. Разумеется, после подобного угощения возмущенный желудок требовал добавки, и посетителю предлагалось совершить гастрономический тур по Британским островам или вокруг Европы – отведать эклских или банберийских слоек, батских булочек, берийских кексов, бейкуэлльского сладкого пирога, швейцарского рулета и меренг с кремом шантливи. А в качестве завершающего штриха выпить индийского, китайского или русского чая. Пусть желающие заглатывают дежурные блюда в «Барли Моу», сугубо коммерческом заведении для автотуристов и велосипедистов (Королевский автомобильный клуб, Велосипедный туристический клуб), или в более почтенном ресторане «Геральд Эйнджелс» (две звезды, Автомобильная ассоциация, Королевский автомобильный клуб). «Погребок Питера» подходил бережливым гурманам, нищим клеркам и машинисткам или беспечным обладателям крепких желудков, готовым набивать утробу сладким и мучным, не опасаясь колик и бурчания в животе.

Было около полудня, когда после визита к миссис Майлз Литтлджон вошел в погребок, наплыв посетителей еще не начался. Инспектор выбрал столик в тихом уголке, но почти тотчас к нему подсел робкого вида священник. Несмотря на множество свободных столиков вокруг, тот предпочел безопасное местечко рядом с солидным детективом. Он заказал вареное яйцо и вежливо прибавил: «Всмятку, если можно». Литтлджон спросил официантку, нельзя ли увидеть владельца заведения. Та ответила, что мистер Буллер вышел, но скоро вернется. Чтобы как-то оправдать свое присутствие, инспектор заказал кофе.

В погребеке было темно; тусклые огоньки фальшивых свечей в канделябрах, жалкая попытка создать атмосферу старины, придавали этому месту зловещее сходство с покойницей, где бродят духи умерших. Единственным светлым пятном на этом мрачном, унылом фоне казался магазинчик напротив кафе, куда постоянно вбегали мальчишки в форменных фуражках какой-то школы, чтобы вынести гору пончиков и корзиночек с кремом.

В дальнем конце зала проходили поминки. Одетые в черное гости заняли длинный стол на возвышении. Отдав последний долг покойному, они, насколько позволяла предусмотренная ограничениями военного времени скудная поминальная трапеза, проявили должную заботу о живых: принялись подбадривать вдовца шутками и болтовней, что заставило его улыбнуться с приличествующей случаю сдержанностью. Однако ни смех, ни слезы не лишили вдовца аппетита: он сосредоточенно опустошал тарелку за тарелкой. Консервированный язык, горы хлеба, внушительные порции груш в сиропе и бесчисленные сладкие пирожки вдовец поедал с презрением к министерству продовольствия, чем немало радовал остальных гостей, которые говорили друг другу, что он «держится хорошо».

Среди остальных посетителей выделялся грузный осанистый мужчина с лысой, точно яйцо, головой, торчавшей из высокого жесткого воротничка. Он восседал за своим столом,

²² Мильтон Джон (1608–1674). Люсидас.

словно царствующий монарх на троне. Этот человек был кредитором по закладной на погребок и заходил туда каждый день, чтобы заказать два вареных яйца, которые на своих белых подставках напоминали уменьшенные копии его самого. Временами он поднимал глаза, похожие на мутно-серые яйца пашот, и придиричиво оглядывал зал, будто собирался немедленно выставить дом на торги вместе со всей обстановкой. Пастор рядом с Литтлджоном старательно подбирал с тарелки недоваренную яичную слизь, вытекшую из треснутой скорлупы, когда группа мужчин за соседним столом начала играть в домино. Вскоре на суконной скатерти выстроилась цепочка костяшек. Играли сосредоточенно и серьезно, азартно вскрикивали, однако сохраняли напряженное внимание, словно судьба мира зависела от того, смогут ли они и дальше тянуть бесконечную цепь черных костяшек. Священник улыбнулся Литтлджону, кивнул в сторону игроков и пробормотал: «Домино, *dirige nos!*»²³ – после чего покраснел до корней волос, вскочил, метнулся к стойке, расплатился по счету и скрылся.

Литтлджон почувствовал облегчение, когда подошла официантка и сообщила, что мистер Буллер у себя в кабинете и может уделить ему несколько минут. Она проводила его в небольшую комнатку, где сидел хозяин погребка. Питер Буллер был маленьким коренастым человечком с приятным круглым, чисто выбритым лицом и гладко прилизанными тонкими седыми волосами. Он начинал подручным в бакалейной лавке, но вскоре женился на властной, решительной женщине, открыл кондитерскую, а позднее занялся обслуживанием банков. Когда Литтлджон вошел, Буллер держал двумя толстыми пальцами его визитную карточку и рассматривал с ошеломленным видом. Он заметно успокоился, узнав, что визит инспектора Скотленд-Ярда связан с историей покойного Буллера-старшего.

– Вот уже десять лет, как отца не стало, инспектор, – произнес владелец погребка. – Но я, конечно, помогу, если объясните, что именно вам нужно.

– Ваш отец – последний, кто видел Сайкса и Трикетта живыми, не считая самого убийцы, разумеется. – При этих словах мистер Буллер содрогнулся. – Меня интересует, не рассказывал ли он своим домашним о случившемся в тот вечер. Вероятно, в беседах с семьей он описал события более подробно, чем на коронерском слушании.

– Нет, инспектор. Отец не любил говорить о той истории, вопросы выводили его из себя. Он буквально взрывался, стоило кому-то из домашних упомянуть об убийстве.

– Похоже, случившееся произвело сильное впечатление на вашего отца?

– Да. Смерть Трикетта изменила его, после он так и не оправился. Отец начал верить, что преступления не случилось бы, если бы он тогда прогнал с болот тех двоих.

– Странно, правда, мистер Буллер?

– Да. После дознания отец какое-то время болел. С ним случилось нервное расстройство. Он сильно сдал. Стал замкнутым, угрюмым и... начал пить. Уверен, этим отец сократил себе жизнь.

– В то время он работал на сэра Калеба Хейторнтуэйта?

– Да. Но не сказать, чтобы служба ему нравилась. Он всю жизнь работал на семью Майлз, пока старая дама не продала землю. Естественно, отец в его возрасте не мог оставить прежнее занятие и взяться за новое. Однако смена хозяев была ему не по душе.

– Он вернулся к работе егеря после срыва?

– Ненадолго. Отец выдержал еще два сезона, а затем его здоровье расстроилось. Он ушел со службы и поселился в доме моей замужней сестры.

– Значит, успел скопить достаточную сумму, чтобы уйти на покой?

– Нет. Миссис Майлз выделила ему небольшую пенсию, хотя не представляю, как она смогла себе это позволить при ее стесненных обстоятельствах. Но в их семье всегда заботи-

²³ *Искаж. лат. Domine dirige nos – Господи, направь нас!*

лись о работниках. Это Хейторнтуэйту следовало побеспокоиться, ведь в последнее время отец трудился на него, но сэр Калев никогда не отличался щедростью.

– И напоследок один вопрос, мистер Буллер, затем я уйду, а вы сможете вернуться к своим делам. Вы не знаете, какими патронами обычно пользовался ваш отец?

На лице Питера Буллера отразилось изумление.

– Инспектор, к чему вы клоните? Вы ведь не собираетесь связать его с убийством! Такое просто немыслимо. Поверьте, во всем Хаттеруорте не было человека честнее моего отца. Он никогда бы не смог кого-то застрелить, тут и говорить не о чем.

– Это простая формальность, мистер Буллер. В беседе с вами я лишь следую обычному порядку, и не намерен в чем-либо обвинять вашего отца. Меня интересует, какими патронами пользуются охотники в здешних местах.

– Ну, когда я был мальчишкой, отец часто брал меня с собой на болота. Я носил его ружье с патронами, помогал перезаряжать. Он пополнял запасы патронов в Хаддерсфилде, покупал сразу сотню или больше в фирме «Ашуорт и Холл».

– А какую дробь он предпочитал?

– Он стрелял смешанными зарядами. Специально заказывал у оружейников. В основном пятый номер и несколько дробинок четвертого. Отец любил стрелять смесью. Четверка бьет мощнее, а пятерка меньше размером, потому и дробинок в патроне больше, чем когда стреляешь только четверкой. Вы понимаете, о чем я?

– Да.

– Может, это просто причуда, но, по-моему, он был прав. Отец убедил и миссис Майлз: она стала стрелять смесью, только патроны заказывала более дорогие. А со временем и сэр Калев тоже перешел на смешанные заряды.

– Похоже, смесь очень популярна в ваших краях.

– Да. Многие местные жители, включая браконьеров, стреляли смесью. Мой отец довольно долго сам заряжал патроны дробью. Я обычно помогал ему. Тогда владельцы «Ашуорт и Холл» начали продавать патроны со смешанным зарядом. Они стоили почти столько же, сколько самодельные, и, конечно, удобнее стало покупать готовые, чтобы не тратить время.

– Что ж, я благодарен вам за помощь, мистер Буллер, и простите, что отнял у вас столько времени в самый разгар дня, когда зал полон.

– Все в порядке, инспектор. Моя жена внизу, она за всем присмотрит.

Литтлджон спустился по лестнице следом за Питером. Внизу их встретила приземистая суетливая толстуха, обвела злобным взглядом и бросила мужу:

– Идем, Питер! Зал набит битком... Надо совсем ничего не соображать, чтобы сидеть и болтать в такое время. Отправляйся за кассу, там уже собралась очередь, с этими новыми официантками я не могу одна за всем уследить... Нет, это просто неслыханно...

Буллер тихо попрощался с инспектором и шмыгнул в маленькую стеклянную кабинку в углу. Игроки непрерывно стучали костяшками домино, а миссис Буллер металась от столика к столику, подгоняя официанток. Литтлджон отыскал свое пальто в спутанном клубке одежды, висевшей на единственной в зале вешалке, и поспешно удалился, чтобы пообедать как следует.

Глава 14. Фляжка с ромом

*О, торговцы вином! Вы, должно быть, в убыток
Свой товар продаете: цены ему нет!*

Омар Хайям

На трех бутылках из-под рома, которые Трехпалый разбросал во время последнего своего путешествия, отпечатков пальцев не обнаружилось, если не считать многочисленных следов рук самого бродяги. Это были обычные бутылки из тех, что подают в любом пабе, и проследить, откуда они взялись, было невозможно. Однако с их содержимым дело обстояло иначе. Эксперт Скотленд-Ярда по алкогольным напиткам отозвался о роме Трехпалого в самых восторженных выражениях.

– Такого рома теперь днем с огнем не сыщешь, – сообщил он по телефону Литтлджону. – Первокласное качество, Ямайка. Его выдерживали в бочке лет сорок. Превосходный ром, если не принимать в расчет следов снотворного, которое добавил в него какой-то варвар.

– Действительно. Но когда ты перестанешь превозносить его до небес, может, подскажешь, что помогло бы нам упрятать за решетку его владельца?

– Это уже другой вопрос. Ищи того, кто покупает ром оптом и хранит у себя. Обычные виноторговцы продают, как правило, смесь рома высокого и среднего качества. Последний обладает менее выраженным вкусом и ароматом, напоминает гайанский ром демерара и купажируемые сорта. Если смешивать их осторожно, в разумной пропорции, наличие примеси сумеет определить только эксперт, но такой ром дешевле, приносит торговцу больше прибыли и продается по приемлемой цене. Если судить по выдержке напитка, я бы сказал, что твой образец изготовили на маленькой старой винокурне, каких сейчас почти не осталось. Почва и климат в том месте позволяют производить великолепный продукт. Вот, пожалуй, и все.

– Спасибо за помощь. Если мне удастся раздобыть бутылку того рома в его первоизданном виде, я тебе пришлю.

– Надеюсь, ты сумеешь установить его происхождение. Не забудь обо мне в случае успеха. Счастливо.

Суперинтендант Хаурт в нетерпении ковылял с палкой по залу полицейского участка, раздраженный тем, что не может ходить быстро. Он напряженно прислушивался к разговору Литтлджона и, когда тот повесил трубку, выжидающе посмотрел на него. Инспектор пересказал коллеге слова эксперта.

– Нам следует отправить людей обойти всех местных виноторговцев и лавочников, а заодно владельцев пабов. Нужно разузнать об их винных запасах, нынешних и прошлых, – произнес Хаурт.

– Хорошая мысль. Думаю, когда мы выясним, откуда у Трехпалого появился ром, подберемся к убийце ближе. Вы согласны?

– Безусловно. Но у преступника должен быть поставщик, так что лучше нам начать с торговцев.

– Да. Только скорее всего мы узнаем, что они продают ром среднего качества, а не тот, что производят на маленьких винокурнях. Наверное, запасы рома были куплены много лет назад. Я предлагаю, помимо опроса местных торговцев, о котором вы говорили, побеседовать также с агентами по недвижимости. Думаю, Хейторнтуэйт, например, купил Спенклаф-Холл вместе со всей обстановкой, и, насколько я понимаю, оформлением продажи занималась риелторская фирма. Включала ли опись имущества винный погреб, и если да, хранился ли там ром?

– Да вы нацелились на сэра Калеба?

– Здесь дело нечисто. Сайкс получил от него перед смертью крупные суммы – это подозрительно. Хейторнтуэйт говорил о деньгах уклончиво, а его объяснения, что якобы Сайкс получил плату за изобретения, меня не убедили. Миссис Майлз упоминала об аферах сэра Калеба, связанных с патентными правами ее компании. Вероятно, Сайкс тоже что-то знал и шантажировал своего босса.

– Не исключено.

– И еще одно. По словам свидетелей, Трехпалый ходил с самодовольным видом, когда расследование убийства возобновили. Может, узнав, что Сайкс не убивал Трикетта, но их обоих застрелил некто третий, бродяга вспомнил, как видел кое-кого на болотах в день убийства. Предположим, что он нашел себе жертву для шантажа и немедленно связался с тем человеком. Представьте его радость. Трехпалый потребовал часть платы за молчание и получил бутылку отравленного рома. Ему хватило глупости выпить практически всю бутылку за один присест. Найдем того, кто дал ему ром, – поймаем виновного в тройном убийстве!

– Тогда нам следует для начала выяснить, не появлялся ли Трехпалый поблизости от Спенклаф-Холла накануне своей смерти.

– Да. Или где-нибудь еще. Кто у вас здесь занимается продажей недвижимости?

– «Тейлор и Коллинз», их контора на Маркет-плейс. Они в основном имеют дело с крупными объектами. Большая часть масштабных сделок с недвижимостью в пределах города проводилась через них. Фирма была основана еще до моего рождения, у нее хорошая репутация.

– Пожалуй, я возьму ее на себя, Хаурт. Может, вы отправите кого-то из своих сотрудников опросить виноторговцев?

– Да. Сделаю это прямо сейчас.

– Что касается ружейных зарядов, боюсь, здесь мы ничего не добьемся. Патроны фирмы «Ашуорт и Холл» пользовались большой популярностью во времена первых двух убийств, а четвертый и пятый номера дроби были ходовым товаром. Как я понял, Буллер предпочитал именно эту дробь. Он обратился в свою веру обоих хозяев и большинство друзей. Едва ли не все в городе перешли на смешанные заряды.

– Жаль, но ничего не поделаешь.

Позднее тем же днем Литгддон зашел в контору «Тейлор и Коллинз». Его проводили в кабинет мистера Досона Тейлора, правнука основателя фирмы. Это был высокий плотный мужчина с таким огромным животом, что казалось, будто он несет его перед собой, отклонившись назад. Один его глаз заметно косил – в него ударил отлетевший «чижик» во время игры (мальчишкой Тейлор считался во дворе настоящим асом). Из-за косоглазия возникало ощущение, будто он смотрит в две стороны одновременно, и, пока Литгддон сидел напротив риелтора за столом с пыльными бумагами, закладными, квитанциями, счетами, сводками и отчетами, скрепленными большими зажимами в форме ладоней, он часто с удивлением замечал, что один глаз Тейлора глядит влево, на дверь кабинета, а второй, с выражением доброжелательного интереса, – прямо ему в лицо. В соседнем аукционном зале полным ходом шли торги, беседу прерывали громкие, возбужденные выкрики с мест. Затем наступали длинные красноречивые паузы, и слышался сиплый умоляющий голос аукциониста, который призывал публику к активности и превозносил до небес старую рухлядь и хлам, что продавались с молотка.

Литгддон поздоровался, назвал себя и решил, что предстоящий разговор требует, пожалуй, осторожного подхода. Мистер Тейлор походил на беспечного прожигателя жизни, способного в подпитии пересказать собутыльникам подробности своей беседы с инспектором.

– У нас есть основания полагать, что местный бродяга, известный как Трехпалый Билл, украл либо получил в подарок бутылку рома в день своей смерти. Возможно, яд содержался в напитке, или же Трехпалого отравили позднее как-то иначе, и он просто выпил рома перед тем, как подействовал яд. Мы хотим проследить историю этой бутылки и выяснить, где она была

прежде. Как утверждает эксперт по алкогольным напиткам, речь идет о роме очень высокого качества, и мне думается, мистер Тейлор, что бутылка хранилась в погребе какого-то большого дома в здешних местах. Не исключено, что в последние годы вам приходилось иметь дело с подобным напитком, тогда вы могли бы нам помочь.

Мистер Досон Тейлор повернул голову, чтобы лучше видеть Литтлджона здоровым глазом.

– Нужно хлебнуть рому, чтобы ответить на подобный вопрос, – произнес он густым роко-чущим басом и был разочарован, когда Литтлджон не засмеялся его шутке, и задумчиво потеребил колючую седую бородку.

Пока он молчал, в зале за стеной ожесточенно торговались.

– Итак, леди и джентльмены, что вы мне предложите за этот прелестный умывальный столик... крепкое красное дерево... мраморная столешница...

– Четыре шиллинга шесть пенсов! – взвизгнула женщина.

– Помилуйте, миссис. Я не стану оскорблять эту благородную вещь, называя такую цену. Я бы уступил вам...

– Пять шиллингов...

После дробной очереди выкриков с повышением на три пенса столик ушел за шесть шиллингов девять пенсов.

– А сколько вы готовы отдать за эту великолепную двуспальную кровать с медными шишечками? На ней спал сам король Карл, или меня ввели в заблуждение?

Мистер Досон Тейлор сверился со своими книгами и папками, но не нашел упоминаний о роме.

– Ром, ром, ром... – пробормотал он. – Весьма необычно для продажи... – Один его глаз смотрел на страницы гроссбуха, другой разглядывал камин.

– Вы занимались продажей Спенклаф-Холла, мистер Тейлор?

– Спенклаф-Холл не был продан... дом все еще считается исключительной собственностью старого Томаса Лайтбоди, а сэру Калебу Хейторнтуэйту передан в долгосрочную аренду. Я оформлял сделку... но не понимаю, почему это вас интересует.

– Был ли в доме винный погреб, который отошел арендатору вместе со всей мебелью и обстановкой?

– Да. Но с тех пор прошло двадцать лет.

– А хранился ли в погребе ром?

– Ну, раз уж вы спрашиваете, придется мне поискать опись имущества. В подвале должны быть папки с документами. Одну минутку. – Мистер Тейлор подошел к двери в приемную, зычно крикнул: – Уилли, принеси из подвала все папки по Спенклаф-Холлу, и побыстрее, будь молодец.

Вскоре в комнате появился шуплый заморыш посыльный, которому не помешало бы вымыть уши и провести выходной на свежем воздухе. В руках он держал пыльную связку бумаг. Мальчишка обмахнул тряпкой пыль с кипы и развязал тесемки. Мистер Тейлор минуту или две перебирал бумаги в папках, и наконец достал опись имущества, толстую пачку скрепленных длинных листов. Он быстро пролистал список.

– Садовые инструменты... так-так-так... медный чан... прачечная утварь... так-так-так... сидячая ванна, холодильник... так-так... ну вот. Тонкие вина, винный погреб... портвейн, херес, хм... виски... бургундское... кларет... ром... так-так... полторы дюжины бутылок «Хот Джок», Ямайка... тьфу, дрянь... слова доброго не стоит.

– Вы хотите сказать, что это ром низкого качества?

– Да. Судя по всему, старик разбирался в роме не так хорошо, как в виски и винах. Он держал отменный рейнвейн и кларет, но не представляю, о чем он думал, покупая этот ром. Наверное, использовал его в лечебных целях.

– Это все, да? А сэр Калев тоже тонкий знаток вин?

Мистер Тейлор возвел к потолку здоровый глаз, при этом второй беспокойно забегал, что придало ему еще более устрашающий вид.

– Нет. Он для этого слишком жаден... предпочитает виски с водой... и воды льет порядочно. Вот сынок его – другое дело, тот выпить горазд, многих заткнет за пояс.

– А вам не приходилось иметь дело с другими винными погребами? Ничего не припоминаете?

– Не слишком много, и вдобавок не в черте города. Единственный винный погреб в здешних местах я видел в Ботли-Холле, поместье Джонатана Майлза, когда миссис Майлз продавала дом.

Литтлджон насторожился.

– Так они держали запасы вина?

– Мистер Джонатан был тонким знатоком и ценителем вин, и жена его тоже. Помню, мы кое-что продали из их запасов, но остальное она взяла с собой в загородный дом.

– А что именно?

Мистер Тейлор поднялся и снова зычно позвал тщедушного паренька Уилли. Тот принес еще одну пыльную связку, похожую на первую. Риелтор долго изучал содержимое папок и нашел наконец описание имущества.

– Да. Вот то, что нам нужно. Ром... четыре бочонка, первоклассный ямайский. Высшего качества, винокурня «Кэкстон и Робертс», три бочонка подлежат продаже, один остается в собственности миссис Майлз.

– А-а!

– Ну, кажется, это все, что я могу припомнить о продаже рома...

– Я очень признателен вам за хлопоты, мистер Тейлор. Если позволите, пусть мой сегодняшний визит останется между нами. Вы ведь знаете, как возмущаются люди, когда думают, будто кто-то вмешивается в их частную жизнь.

– Да, знаю... рад был помочь... я не стану болтать.

Риелтор дружелюбно улыбнулся Литтлджону одним глазом, тогда как другой угрюмо смотрел куда-то вдаль, затем проводил инспектора к дверям и попрощался.

В соседнем зале шла оживленная торговля.

– Семнадцать шиллингов десять пенсов... семнадцать и одиннадцать пенсов...

– Семнадцать и двенадцать пенсов! – отчаянно завизжала женщина, охваченная жадой приобретения.

В полицейском участке Литтлджона ждал Хаурт с отчетами двух полицейских, которые обошли город в поисках первоклассного рома. Им не удалось найти напиток столь же высокого качества, как тот, что обнаружили в бутылках Трехпалого. Лишь немногие местные виноторговцы, лавочники, владельцы гостиниц и пабов закупали хороший ром, но даже лучшие марки и отдаленно не приближались по качеству к тому напитку, какой описал эксперт Скотленд-Ярда. Дорогой ром не пользовался спросом. В лечебных целях люди покупали более дешевые сорта, немногочисленные пьяницы – любители рома довольствовались самым обычным товаром, что же до знатоков и ценителей этого напитка, такие в здешних местах не встречались.

– Ну вот, как видите, Литтлджон, ваша версия, вероятно, поможет нам прояснить картину.

Инспектор рассказал коллеге все, что ему удалось выяснить в риелторской конторе. Хаурт присвистнул.

– Миссис Майлз, вот как? Что ж, это потрясающе. Хотя, может, мы все же идем по ложному следу. Мы не нашли пока ром нужного качества, но это еще не означает, что его никогда

не продавали в наших краях. Нынче пьют уже не так, как прежде: из-за высоких акцизов первоклассные напитки стали недоступны.

– И все же, – заметил Литтлджон, – это дает нам еще одну зацепку. Ее следует проверить. Согласны?

– Да. Как же нам лучше поступить? – Хаурт помолчал. – Завтра мы пошлем газовщика проверить счетчик миссис Майлз. Он может случайно заблудиться и забрести в винный погреб. Как вам такой план?

– Немного рискованно, но попробовать стоит. Однако ему лучше явиться, когда экономка уйдет за покупками. Она настоящий дракон в юбке и наверняка сразу почует неладное. Нужно вначале изучить ее привычки, а потом уже действовать. Когда ваш человек придет проверить счетчик, я тоже загляну перемолвиться парой слов со служанкой. Она может оказаться разговорчивой, если старая ведьма скроется из виду.

Хаурт озадаченно почесал макушку.

– Миссис Майлз... хм... вот так сюрприз, и какой скандал! Хотя, если подумать... да, если подумать, здесь нет ничего невероятного.

Глава 15. Черный ход

*Увы, сердечностью такой
Мне редко отвечали.
От благодарности людской
Я чаще был в печали²⁴.*

Мириам Дьюснеп, хорошенькая служанка миссис Майлз, лелеяла надежду, что мужчина ее грез, чей образ уже давно нарисовало ее воображение с помощью любовных романов, которые она жадно проглатывала, когда поблизости не было экономки, однажды материализуется и избавит ее от участи судомойки. Она мечтала о роскошных автомобилях, бриллиантах, мехах и прислуге, но была не прочь слегка подправить мечту в зависимости от обстоятельств. Помощник мясника, почтальон, развозчик бакалеи и даже угольщик один за другим царили в сердце Мириам какое-то время, но потом разочаровали ее. Первый, как выяснилось, всерьез ухаживал за дочерью хозяина; второй после непростительно долгого романа случайно сболтнул, что у него трое детей; развозчик бакалеи поступил на военную службу и даже не попрощался, а угольщика, мастера закатывать глаза и сверкать белками на покрытом сажей лице, обнаружилась заячья губа, когда его хорошенько отмыли, и это навсегда лишило его всяких шансов.

Откуда Мириам было знать, что красивый новый газовщик, который пришел проверить счетчик, на самом деле полицейский под прикрытием и живет в отдаленном городке с женой и двумя близнецами? Всех стражей порядка Хаттеруорта слишком хорошо знали в этих краях, чтобы они могли сойти за кого-то другого, поэтому Хауорт затребовал к себе констебля Блейдза из другого района. При виде красавчика Мириам немедленно перешла в наступление. Принялась покачивать бедрами, заводить прекрасные темные глаза – словом, взялась за дело всерьез. Говорят, угольщик однажды обмолвился своему приятелю, что «та цыпочка, служанка миссис Майлз, уж больно приткая. Готова липнуть к парню, даже если у него мешок угля на горбу. Бог знает, что она станет вытворять за стеной кладбища». (Здесь следует упомянуть, что именно там встречались обычно местные парочки с наступлением темноты.) Констебль Блейдз склонен был согласиться с торговцем углем. Конечно, он лишь выполнял свою работу, но мысленно благодарил судьбу за то, что в эту минуту его жена и близнецы в двадцати милях от дома миссис Майлз.

²⁴ Вордсворт Уильям (1770–1850). Саймон Ли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.